

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ
В СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Тезисы совещания

Москва
1983

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ
В СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Тезисы совещания

Издательство "Наука"
Москва
1983

Редакционная коллегия:

Вяч.Вс.Иванов, Т.Н.Молошная, Т.М.Николаева

© Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сектор структурной типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики АН СССР ведет работу над коллективной монографией, посвященной категории притяжательности в славянских, балтийских и балканских языках. Первым шагом в этой работе явилось составление общей схемы описания, рассчитанной на языки разных типов, см. А.В.Головачева, Вяч.Вс.Иванов, Т.Н.Молошная, Т.М.Николаева, Т.Н.Свешникова, Е.А.Хелимский. Притяжательность (посессивность) и способы ее выражения (предварительный вариант анкеты). — В кн.: Структура текста — 81. Тезисы симпозиума, М., 1981. Предполагается, что предложенная общая анкета будет уточняться и детализироваться по мере приложения ее к отдельным языкам. Целью настоящего совещания служит обсуждение некоторых из возникающих при этом вопросов. Авторы коллективной монографии надеются на то, что другие лингвисты, занимающиеся той же или смежной проблематикой, будут и в дальнейшем сотрудничать с Сектором, посылая свои материалы и соображения. В дальнейшем может оказаться возможным как расширение круга языков, привлекаемых для типологических сопоставлений, так и привлечение культурно-исторических, этнолингвистических и психологических данных, существенных для исследования истоков категории притяжательности и ее функционирования в отдельных традициях и культурно-языковых ареалах. Сектор структурной типологии будет благодарен всем ученым, которые примут участие в намечаемой совместной работе.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

1.1. В таком языке, как русский, значение посессивности выражается весьма разнообразными средствами; ср. *дом отца* (граммема родительного падежа), *Галин брат* (притяжательный суффикс -ИН), *хозяин дома, мой дом* (лексемы ХОЗЯИН, МОЙ), *заглянуть тигру в глаза* (синтаксическая конструкция с дательным посессивным). В данной работе нас будут интересовать преимущественно синтаксические средства выражения посессивности.

1.2. В понимании посессивности мы целиком следуем традиции и усматриваем это значение не только в словосочетаниях типа *его книга*, но и в словосочетаниях типа *его мужество, его рука, его кабинет, его порция каши*.

1.3.1. Из числа синтаксических средств выражения посессивности применительно к русскому материалу обычно обсуждаются лишь два — дательный посессивный, или притяжательный и примыкающая к нему конструкция с родительным падежом, вводимым предлогом У: *гладить кому-л. волосы, литься кому-л. за воротник <на голову>*; *Вера гаснет у него в душе, За спиной <на плечах> у мальчика был мешок* и т.п. В последние годы им были посвящены интересные работы А.Вежбицкой, Г.Е.Крейдлиной и Е.В.Рахилиной.

1.3.2. В этом ряду обычно не упоминаются конструкции типа *Яма была <оказалась> мальчику по пояс <по грудь>*, *Мне там было <стало> с головой*, которые формируются глаголами-связками. Между тем, синтаксически и семантически они имеют много общего с конструкциями из 1.3.1 и должны рассматриваться вместе с ними.

1.3.3. В книге автора "Экспериментальное исследование семантики русского глагола" было описано еще несколько конструкций, выражающих значение посессивности: дательный посессора с предлогом К (соотносительным с У), ср. *вбежал к нему в комнату*; винительный посессора, ср. *гладить девочку по волосам, бить кого-л. под лопатку*; творительный (и некоторые другие косвенные и предложные падежи) предмета обладания, ср. *Он следит глазами за полетом птицы, Он расходится с директором во взглядах* (конструкции последнего типа по соображениям места в дальнейшем не рассматриваются).

1.3.4. Семантическая специфика синтаксических средств выражения посессивности предстает с особой выпуклостью при сравнении перечисленных в 1.3.1–1.3.3 конструкций с их квазитрансформами — конструкциями типа *гладить волосы девочки, литься на чью-л. голову* и т.п., где значение посессивности выражается либо грамматически (родительным падежом существительного), либо лексически (притяжательным местоименным прилагательным). Последние используются в качестве фона при обсуждении собственно синтаксических средств выражения посессивности.

1.4. В любом естественном языке различные синтаксические конструкции образуют почти непрерывное пространство, сближаясь друг с другом и противопоставляясь друг другу сразу по многим семантическим и синтаксическим свойствам. Чтобы разумным образом разбить это множество на классы, т.е. определить "точки разрыва" в цепи нерезких переходов, необходимо привлечь соображения, выходящие далеко за пределы непосредственного объекта исследования. В противном случае локальные наблюдения и результаты не сложатся в гармоничную картину синтаксического и семантического строя языка в целом. Именно такой род описания мы хотели бы построить в данной работе, хотя, по понятным причинам, мы не могли уделить общим соображениям, мотивирующим наши конкретные решения, того внимания, которое бы соответствовало их реальной роли в проведенном нами исследовании.

2. Ниже рассматриваются только проблемы анализа посессивных конструкций, хотя сообщаемых сведений достаточно и для их синтеза. Используются следующие обозначения: X — глагол, конституирующий посессивную конструкцию; Z — ~~именная~~ предложно-именная группа, обозначающая посессора; Y — ~~именная~~ или предложно-именная группа, обозначающая принадлежность, т.е. предмет обладания (в широком смысле), часть или свойство посессора.

3. С поверхностно-синтаксической точки зрения среди конструкций, перечисленных в 1.3, выделяются два основных типа: конструкции с соподчинением ($X \rightarrow Y \rightarrow Z$) и конструкции с последовательным подчинением ($X \rightarrow Y \rightarrow Z$). Этим двум типам конструкций соответствуют два типа поверхностно-семантических (а иногда и глубинно-синтаксических) структур.

3.1. Конструкциям первого типа соответствуют поверхностно-семантические структуры, в которые входит, во-первых, значение посессивности, и, во-вторых, констатация того, что в момент, когда разворачивается или произошло действие X, между посессором Z и его принадлежностью Y имеется некая естественная связь. Конкретный характер этой связи зависит от типа значения Y-а и, видимо, от ряда энциклопедических факторов. Так, если Y обозначает часть Z-а, то обычно утверждается, что Y связан или в непосредственно предшествующий момент был связан с Z-ом органически и что Z является живым существом; ср. *поцарапать [X] кому-л. [Z] лицо [Y]*, *оторвать [X] кому-л. [Z] ногу [Y]*, *схватить [X] кого-л. [Z] за руку [Y]*. Если Y обозначает принадлежность Z-а, то обычно утверждается, что Y выполняет по отношению к Z-у именно ту функцию, для которой Y предназначен. Фраза типа *Он разорвал [X] мне [Z] рубашу [Y]* значит, что в момент речи рубаша была на мне или что в отрезок времени, непосредственно примыкающий к моменту речи, рубаша использовалась мной в качестве одежды; фраза типа *Отец починил [X] мне [Z] велосипед [Y]* значит, что в момент починки или в момент речи велосипед представлял для меня интерес как средство передвижения; фраза типа *Проситель вбежал [X] к директору [Z] в кабинет [Y]* значит, что директор находился

непосредственно в своем кабинете или, по крайней мере, что проситель или говорящий считал, что директор находится там.

3.2. Конструкциям второго типа соответствуют поверхностно-семантические структуры, в которые входит только значение посессивности. Наличие какой-либо связи между посессором Z и его принадлежностью Y не утверждается, но и не отрицается. Фраза *схватить [X] чью-л. [Z] руку [Y]* уместна в трех ситуациях: когда Z является живым существом и Y не отделен от него; когда Z – не живое существо; когда Y отделен от Z-а. Фраза *Отец починил мой велосипед* применима не только в ситуации, когда я постоянно пользуюсь велосипедом, но и в ситуации, когда я не ездил и не собираюсь ездить на нем. Фраза *Проситель вбежал в кабинет директора* тоже оставляет свободу выбора между двумя ситуациями: директор был в кабинете; директора в кабинете не было, и никто не предполагал, что он там есть.

4. Конструкции с соподчинением в свою очередь делятся на два новых подтипа: с поверхностно-синтаксическим смещением актанта и без такого смещения.

4.1. Все конструкции с поверхностно-синтаксическим смещением актанта имеют следующее общее свойство: дополнение Z, смещенное к глаголу X от своего подлинного (семантического) хозяина Y (ср. *глаза [Y] тигра [Z]*), представлено падежной или предложно-падежной формой, отличной от винительного беспредложного: *гаснуть [X] у кого-л. [Z] в душе [Y]*, *смотреть [X] кому-л. [Z] в глаза [Y]*, *вбежать [X] к кому-л. [Z] в кабинет [Y]*. В таких случаях Z выполняет функцию поверхностно-синтаксического дополнения глагола X, хотя у этого глагола может и не быть семантической валентности на Z. Именно таким образом обстоит дело со всеми глаголами, названными в 4.1. В частности, в толковании СМОТРЕТЬ ссылка на посессора Z не только не требуется, но и попросту невозможна, поскольку во фразах типа *смотреть в озеро*, где посессора нет и быть не может, значение СМОТРЕТЬ совершенно то же, что и во фразах типа *смотреть кому-л. в глаза*.

4.2. В конструкциях типа *гладить [X] кого-л. [Z] по волосам [Y]*, *клевать [X] кого-л. [Z] в спину [Y]*, *теребить [X] кого-л. [Z] за бороду [Y]*, где Z оформлен винительным падежом, смещенного дополнения нет. Глагол X в таких конструкциях имеет семантическую валентность и на объект воздействия в целом (Z), и на непосредственно "страдающую" его часть (Y). Действительно, значение X-а во фразе типа *внук теребил деда за бороду* модифицировано по сравнению с исходным словарным значением, представленным в *Он теребил занавеску*. В первом случае говорящий считает, что деятель выражает определенное эмоциональное отношение к Z-у (ласку, гнев) или пытается установить эмоциональный контакт с Z-ом путем воздействия на его часть или принадлежность Y, между тем как во втором случае имеется в виду простое воздействие на объект. По смыслу указанной модификации (которая в ряде случаев формирует у X-а особое значение) и Z, и Y оказываются семантическими актантами ситуации теребления. Остается показать, что и синтаксически они выполняют при X-е роль актантов,

а не сирконстантов. Статус Z-а представляется в этом отношении бесспорным, поскольку Z оформлен винительным падежом прямого объекта. Что касается Y-а, то он представлен такой предложно-именной группой, которая в аналогичных конструкциях без одушевленного объекта выступает в качестве несомненного дополнения; ср. *держаться <задеть, уцепиться> за бороду*. Особенно показательны в этом отношении пары типа *бить кого-л. прикладом по спине* и *бить прикладами по воротам*, в которых группы *по спине* и *по воротам* должны получить одну и ту же синтаксическую интерпретацию. Нельзя не обратить внимания и на то, что в предложно-именных группах: *по чему-л.*, *во что-л.*, *за что-л.* выбор предлогов ПО, В и ЗА непосредственно мотивирован значением X-а, т.е. значением глаголов ГЛАДИТЬ, КЛЕВАТЬ и ТЕРЕБИТЬ соответственно. Этот факт тоже свидетельствует в пользу того, что предложно-именная группа не передается в подчинение X-у от какой-то другой формы, а изначально подчинена X-у.

4.3. Синтаксическое различие между конструкциями с дательным possessора (4.1) и с винительным possessора (4.2) имеет тонкую коммуникативную мотивацию. Если при глаголе возможны два дополнения, одно — прямое, а другое — косвенное или предложное, в фокусе внимания (при прочих равных условиях) оказывается объект, названный прямым дополнением. Симптоматичными в этом отношении оказываются следующие контрастные примеры с глаголом ЦЕЛОВАТЬ: *Петр целовал ей руку* (плохо? *ее в руку*), *Петр поцеловал ее в губы* (неестественно? *ей губы*). Целование руки — более или менее обезличенная и ритуализованная форма светского приветствия, не обязательно имеющая эмоциональную подоплеку и поэтому допускающая фокусирование внимания на таком объекте действия (руке), который не совпадает с объектом чувства. Целование в губы — гораздо более интимный и личный акт, выражающий ласку и возможный (в норме) по отношению к человеку, вызывающему у субъекта теплые чувства и отвечающему на них известной мерой взаимности (ср. у Ахматовой создаваемый синтаксическими средствами образ безответности поцелуя: *Перенеся двухдневную разлуку / К нам едет гость вдоль нивы золотой / Целует бабушке в гостиную руку / И губы мне на лестнице крутой*). В этом случае естественнее поставить в фокус внимания именно объект чувства — самого человека, для чего как раз и предназначена конструкция типа *Петр поцеловал ее в губы*, с единым обозначением в форме прямого дополнения и объекта чувства, и объекта внимания. Аналогичные различия, но в несколько смазанном или завуалированном виде, можно усмотреть и во всех остальных примерах с параллельными дательным и винительным possessора. Указанные различия эксплицируются общими правилами построения коммуникативной структуры предложения, действующими на этапе перехода к поверхностно-синтаксическому представлению предложения.

4.4. Все русские глаголы делятся на три группы относительно конструкций, описанных в 4.1 и 4.2: 1) глаголы, употребляющиеся только в 4.1 (ср. невозможность **смотреть кого-л. в глаза*, **чесать кошку по шее*, **прострелить кого-л. в шляпу*); из числа переходных глаголов эта конструкция характерна для глаголов со значением деструктивного действия — ЛОМАТЬ, РВАТЬ, РЕЗАТЬ и т.п.; 2) глаголы, употребляющиеся только в 4.2 (ср. невозможность или сомнительность **бить кому-л. шею*, ?*клевать кому-л. лоб*; однако при других значениях глаголов дательный посессора вполне возможен, ср. *Ветер бил ему в лицо*, *Солнце пекло нам в спину*); эта конструкция характерна для глаголов насильственного воздействия на объект, ср. БИТЬ, КЛЕВАТЬ, КУСАТЬ, МОЛОТИТЬ и т.п.; 3) глаголы, употребляющиеся в обеих этих конструкциях (ср. *гладить кому-л. волосы* — *гладить кого-л. по волосам*, *теребить кому-л. бороду* — *теребить кого-л. за бороду*, *ранить кого-л. в руку* — *ранить кому-л. руку*).

4.4.1. Чтобы отразить способность глаголов первой группы подчинять смещенное дополнение в дательном падеже или аналогичные ему предложно-именные группы *у кого-л.*, *к кому-л.*, им приписываются специальные синтаксические признаки (пос-дат), (пос-у), (пос-к). Эти признаки используются в поверхностно-синтаксических правилах, устанавливающих особое — адресатное — отношение между глаголом и смещенным дополнением (при условии, что у глагола в данном предложении комплетивная валентность, т.е. валентность на нормальное дополнение, реализована какой-то другой формой; если она не реализована никакой другой формой, то группы вида *у кого-л.*, *к кому-л.* сами выполняют функцию несмещенного дополнения, ср. *Проситель*

вбежал $\xrightarrow{\text{I-компл}}$ *к директору*) Как ясно из сказанного в 3.1, адресатное отношение несет большую семантическую информацию. Поэтому у поверхностно-синтаксических структур со смещенным дополнением и без него должны быть разные глубинно-синтаксические образы. Мы предполагаем эксплицировать адресатное отношение на глубинно-синтаксическом уровне с помощью фиктивной лексемы СВЯЗЬ, фикт, семантическая интерпретация которой аналогична толкованию глаголов второй группы (см. ниже).

4.4.2. Глаголы второй группы имеют семантическую и глубинно-синтаксическую валентность и на посессора, и на его принадлежность. Толкование глагола БИТЬ, например, должно включать информацию о том, что субъект наносит частью своего тела или инструментом W удары по всему телу Z-а или по органической части Y тела Z-а

(утверждение), причем нанесение ударов является, как правило, способом выразить Z-у недовольство его действиями или причинить ему боль (пресуппозиция). Из пресуппозиции следует, что Z должен быть живым. Глубинно-синтаксически указанному толкованию БИТЬ соответствует модель управления, включающая не менее четырех мест: кто бьет, чем бьет, кого бьет и по какой области или точке объекта несет удары.

4.4.3. Глаголам третьей группы должен приписываться и синтаксический признак (пос-дат), и толкование указанного в 4.4.2 типа с соответствующей моделью управления.

4.5. Легко заметить, что предлагаемое описание учитывает синтаксические и семантические различия между конструкциями *гладить кому-л. руку, гладить кого-л. по руке* VS. *гладить чью-л. руку*; синтаксическое и семантическое сходство конструкций *гладить кому-л. волосы* – *гладить кого-л. по волосам*; наконец, синтаксическое и коммуникативное различие между двумя последними конструкциями.

5. Конструкции типа *Вера гаснет у него в душе, Он вбежал в кабинет к директору* сближаются не только с адресатными конструкциями типа *Он смотрел тигру в глаза*, но и с атрибутивными конструкциями типа *Мы встретились на площади перед ратушей* (на той площади, которая находилась перед ратушей; ср. омонимичную обстоятельственную структуру с осмыслением 'в том месте площади, которое находилось перед ратушей'). И в тех, и в других элемент Y факультативен (ср. *Вера у него гаснет, Он вбежал к директору, Мы встретились на площади*), между тем как в конструкциях с дательным possessора он обязателен. И в тех, и в других выражается идея уточнения. Единственным существенным различием между ними, которое и дало основание для принятого нами решения, является то, что во всех адресатных конструкциях Y и Z связаны как предикат и его аргумент, чего совсем нет в собственно атрибутивных конструкциях.

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

1. Селькупскому имени существительному аналогично существительным в других самодийских и финно-угорских языках свойственна категория притяжательности (ср.: *Феоктистов* 1966:175; *Лыткин* 1966: 184, 304; *Тепляшина* 1966:164; *Терешкин* 1966:324; *Терещенко* 1966: 381). Категория притяжательности выражает принадлежность предмета какому-либо лицу или другому предмету. Селькупский язык демонстрирует различные грамматические возможности для выражения притяжательных отношений: морфологический, морфолого-синтаксический, синтаксический. Все они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

2. При морфологическом способе категория притяжательности выражается с помощью специальных лично-притяжательных суффиксов (простых, либо усложненных показателями двойственного или множественного числа). Структура лично-притяжательной формы имени существительного двухкомпонентна: она состоит из основы слова – предмета обладания и суффикса личной притяжательности – лица обладателя (объекта обладания) (см. *Кузьмина* 1973:69). И предмет обладания, и лицо обладателя могут исчисляться в пределах одного, двух и более предметов, что находит свое отражение в фонеморфологической структуре основы слова для предмета обладания, с одной стороны, и лично-притяжательного суффикса для лица обладателя, с другой: СтС *ter jūbed'iba otdā aga-lā'γatdā* "он отправился к своим братьям". Структура падежной словоформы *aga-lā'γatdā* указывает на множественный характер предмета обладания (суффикс *-lā*) и на единичность лица обладателя (*-γatdā* – падежный показатель на правильно-местно-исходного падежа 2,3 л.ед. числа лично-притяжательно склонения).

3. О строевых чертах лично-притяжательных суффиксов лично-притяжательного типа склонения существительных легче судить по материалам тазовского диалекта: в последнем в отличие от кетского и тымского диалектов морфологическая структура лично-притяжательных суффиксов оказалась более свободной от влияния фонетических процессов и инновационных приемов. Парадигма лично-притяжательного склонения в тазовском диалекте состоит из трех лиц (1, 2, 3), каждое из которых имеет три числа – единственное, двойственное, множественное. В связи с этим падеж безличного склонения в селькупском языке, переходя в разряд лично-притяжательного скло-

нения приобретает девять лично-притяжательных форм. Парадигма падежных формантов лично-притяжательного склонения по тазовскому диалекту представлена в "Селькупской грамматике" Г.Н.Прокофьева (см. 1935:39).

4. Анализ формантного инвентаря лично-притяжательных форм склонения говорит о наличии в этом диалекте двух стройных рядов лично-притяжательных суффиксов: одни характеризуют основной падеж, другие — родительный. Последние формируют лично-притяжательные формы косвенных падежей. Исключение составляет 1 л. всех трех чисел винительного падежа, 1 л. ед. числа дательного-направительного, местного (для неодушевленных предметов), продольного падежей. Винительный падеж лично-притяжательного склонения 1 л. всех трех чисел получает лично-притяжательный суффикс основного падежа соответственно 1 л. ед., дв., мн. числа. Лично-притяжательные формы 1 л. ед. числа дательного-направительного, местного (для неодушевленных предметов), продольного падежей снабжаются предикативным суффиксом *-k* 1 л. ед. числа имен существительных, ср: *mat kum-a-k* "я человек-я". (см. табл., Прокофьев 1935:39). Суффикс *-k* является также показателем 1 л. ед. числа глагольных форм субъектного спряжения: *mat meda-k* "я пришла-я".

5. Существует два порядка следования лично-притяжательных суффиксов в фономорфологической структуре лично-притяжательных форм склонения. Они обусловлены особенностью формирования падежной системы селькупского языка в ее безличном аспекте: безличное склонение имен существительных распадается в селькупском языке на две группы: 1) группу основного падежа — падежи, происходящие от основы имени, внешне совпадающей с формой основного падежа, — основной падеж и косвенные падежи, образованные таким способом, и 2) группу других косвенных падежей, исторически берущих начало от основы, осложненной суффиксом *-n*, связываемым с генитивом. Первый разряд падежей безличного склонения, переходя в разряд лично-притяжательного типа склонения, присоединяет лично-притяжательный суффикс к падежному показателю. У второй группы падежей при аналогичной манипуляции лично-притяжательный суффикс наслаивается на генитивный *-n* и оказывается в позиции перед падежным показателем.

6. Порядок следования лично-притяжательных суффиксов в селькупском языке за падежным формантом у части падежей лично-притяжательного склонения отражает самодийское и финно-угорское состояние: в ненецком, энецком, нганасанском языках, а также в саамском, прибалтийско-финских и в мордовских падежные форманты предшествуют лично-притяжательным. В угорских языках лично-притяжательные суффиксы, напротив, предшествуют падежным. В пермских и марийских языках выявляются оба порядка (см. Терещенко 1966:381, 443; 1979:94; Майтинская 1974:271).

7. Падежами лично-притяжательного склонения в южных диалектах селькупского языка — кетском, тымском — являются основной, родительный, винительный, направительно-местно-исходный, дательно-направительный на *-nj*, *-njik*, местно-личный, исходный на *-nanto*, *-nanni*, продольный, орудно-совместный, лишительный, назначительно-превратительный.

8. При обзорном сопоставлении парадигм лично-притяжательного склонения существительных по тазовскому диалекту, с одной стороны, и по кетскому и тымскому, с другой, в последних обнаруживаются те же два ряда лично-притяжательных суффиксов, соотносящихся соответственно с основным падежом и формой родительного падежа. Лично-притяжательные суффиксы родительного падежа подобно аналогичным суффиксам тазовского диалекта участвуют в формировании лично-притяжательных форм склонения косвенных падежей. Исключения составляют те же случаи по 1 л. всех трех чисел винительного падежа, по 1 л. ед. числа направительно-местно-исходного и продольного падежей, описанные по тазовскому диалекту.

9. В структуре лично-притяжательных форм склонения в южных диалектах селькупского языка, аналогично тазовскому диалекту, выявляются те же два порядка расположения лично-притяжательных суффиксов: за падежным формантом, у одних падежей, и перед падежным формантом, у других. Первый порядок следования лично-притяжательных суффиксов присущ основному, родительному, винительному, направительно-местно-исходному, продольному падежам лично-притяжательного склонения; второй порядок характеризует дательно-направительный на *-nj*, *-njik*, местно-личный, исходный на *-nanto*, *-nanni*, орудно-совместный, лишительный, назначительно-превратительный лично-притяжательного склонения.

10. В южных диалектах сохраняется принцип порядка следования лично-притяжательных суффиксов в структуре падежных форм лично-притяжательного склонения аналогичный тазовскому диалекту.

11. Наблюдаются и индивидуальные приемы построения лично-притяжательных форм существительных.

12. В южных диалектах в рамках рассматриваемого вопроса выделяются черты инновационного характера, обусловленные стремлением носителей языка к устранению омонимии некоторых лично-притяжательных суффиксов. Омнимичными лично-притяжательными суффиксами являются суффиксы 2 и 3 л. ед. числа; 2 и 3 л. дв. числа; 2 и 3 л. мн. числа родительного падежа (см. Прокофьев 1935:39; Кузнецова и др. 1980:185), а, следовательно, и аналогичные суффиксы косвенных падежей лично-притяжательного склонения, образованные с помощью лично-притяжательных суффиксов родительного падежа.

Омонимия названных лично-притяжательных суффиксов устраняется за счет усложнения фонеморфологической структуры лично-притяжательных суффиксов 2 л. дв. и мн. числа родительного падежа, а вместе с тем, и других косвенных падежей лично-притяжательного склонения, образованных с помощью лично-притяжательных суффиксов родительного падежа, лично-притяжательным суффиксом 2 л. дв. числа *-li*, в первом случае, и 2 л. мн. числа *-lt(-lt)*, во втором, основного падежа лично-притяжательного склонения, ср.: СтС *te sjiroyǝdǝlte* (←* *sjiroyǝd-dǝ-l-te* ←* *sjiroyǝn-dǝ-l-te*; вместо *sjiroyǝndit*) *molǝko jen* "у вашей-многих-коровы молоко есть". Данная тенденция выявляется на обском материале. Она характеризует и местоименную сферу этого лингвистического ареала.

13. Инновации наблюдаются и при формировании 1 л. ед. числа лично-притяжательных форм склонения косвенных падежей, образованных от родительного падежа лично-притяжательного склонения. Конструирование 1 л. ед. числа у таких падежей лично-притяжательного склонения происходит в южных диалектах не только на базе 1 л. ед. числа родительного падежа лично-притяжательного склонения, но и на базе 1 л. ед. числа основного падежа лично-притяжательного склонения, представленного лично-притяжательным суффиксом *-m*, ср.: Кул. *ter ĩ-m-se* "он с моим сыном" наряду с Нап. *me tebeńa-na-sǝ* "мы с братом своим (моим)". Тенденция к моделированию названных форм склонения на базе 1 л. ед. числа основного падежа лично-притяжательного склонения объясняется, видимо, открытостью семантической структуры лично-притяжательного суффикса *-m*.

14. Отличительной особенностью лично-притяжательных суффиксов обоих рядов (основного падежа и родительного) в южных диалектах является редуцированный характер, граничащий с фонетически деформированными формами.

З.М.Волоцкая, А.В.Головачева (Москва)

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ (ПОСЕССИВНОСТИ) В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА ЗАГАДКИ

1. Одним из распространенных приемов описания загаданного денотата в образной части загадки является указание его объектов обладания R. (См. *З.М.Волоцкая*. Некоторые замечания о структуре славянских загадок. – "Советское славяноведение", 1982, № 1). Своеобразие строения текста загадки состоит в том, что один и тот же объект обладания может быть связан отношением посессивности с двумя посес-

сорами, а именно: К-денотатом и X-денотатом, причем первое из них $r(K, R)$ противоречит пресуппозиции, а второе $r(X, R)$ согласуется с пресуппозицией.

2. В картину мира этнических социумов, составляющих прагматическую пресуппозицию комплекса сведений о денотатах окружающего мира, входит представление об объектах обладания этих денотатов, количестве однородных объектов обладания, возможных у одного possessора, а также и о том, чего эти денотаты иметь не могут. Нарушение пресуппозиции может свидетельствовать о том, что в загадке речь идет не о названном в образной части денотате, а о некоем другом денотате, для которого утверждение о наличии или отсутствии названных объектов обладания не противоречит имеющейся пресуппозиции. Так, в загадке *Дэла Неда сляка няма* — 'река' К-денотат *Неда*, т.е. некое лицо, должна согласно пресуппозиции обладать тенью; противоречие пресуппозиции означает, что загаданный денотат представляет собой нечто другое, чем лицо, имеющее тень, а именно предмет, не обладающий тенью, в данном случае денотат 'река'. Таким образом: К-денотат (+ Poss R), X-денотат (– Poss R).

3. Прагматическая пресуппозиция различна в разные исторические периоды и в разных этнических коллективах. Так, денотат 'коса' (девичья) для социумов, в среде которых создавались и бытовали загадки, являлся предметом неотъемлемой принадлежности молодой девушки "девицы", а для современной цивилизации таковым не является. Таким образом внимание сосредоточено на случаях релевантной негации, т.е. негации (отрицании наличия) таких объектов обладания, присутствие или отсутствие которых релевантно для идентификации их possessора. (Подобно тому, как в морфологии отсутствие морфемы – грамматический нуль – семантически значимо только в тех случаях, когда данная грамматическая категория имеет в языке обязательное выражение).

4. Интересно отметить, что тип загадок с негацией объекта обладания имеет те же две синтаксические структуры, что и описанные в анкете диагностические контексты для выделения абсолютно неотчуждаемых объектов (См. *А.В.Головачева, Вяч.Вс.Иванов, Т.Н.Молошная, Т.М.Николаева, Т.Н.Свешникова, Е.А.Хелимский*. Притяжательность (посессивность) и способы ее выражения (предварительный вариант анкеты) – В кн.: Структура текста – 81. Тезисы симпозиума. М., 1981, с.3–4). Этими диагностическими контекстами являются конструкции с глаголом 'иметь' и конструкции 'с + творит.', в которых не могут употребляться абсолютно неотчуждаемые имена. Только в загадках об эти диагностические конструкции трансформированы в отрицательные, а именно: 'К не имеет R' и 'К без R'.

5. В настоящем докладе рассмотрены и упорядочены по видам нарушения пресуппозиции следующие случаи использования категории посессивности (называния наличия или отсутствия объекта обладания) при зашифрованном описании скрытого, загаданного денотата.

а) Отрицается наличие объекта обладания R у посессора K , что противоречит прагматической пресуппозиции об объектах обладания у K - денотата. Так: *Една стая с черни калугери, няма ни прозорец, ни врата* – ‘дыня’, *Бяла къща без врата* – ‘яйцо’, *Син вир без дъно* – ‘небо’ и др. (В качестве источника использован сборник болгарских загадок Ст. Стойкова "Български народни гатанки", София, 1970. Примеры загадок приводятся с сохранением всех фонетических, морфологических и лексических диалектных особенностей. Название загаданного денотата обозначается по-русски и заключается в марровские кавычки.)

б) При посессоре K называются два его объекта обладания R^1 и R^2 , причем, согласно пресуппозиции, наличие объекта R^1 имплицитно утверждает наличие объекта R^2 . В загадке эта пресуппозиция нарушается, поскольку утверждается наличие объекта R^1 и отсутствие объекта R^2 . Так: *Нокти има, ръце няма. Език има, уста няма* – ‘безмен’, *Снага има, слянка няма* – ‘река’, *Коса има, глава няма* – ‘кукуруза’.

в) Денотату K приписывается в качестве объекта обладания такой объект R , которым, согласно пресуппозиции, этот денотат не обладает. Так: *Една невестица со опашчица* – ‘игла’.

г) От посессора K отчуждается объект, который, согласно пресуппозиции, является его неотъемлемой принадлежностью. Так: *Шаро седи во кошара, опашката над кошара* – ‘лук’, *Говедата у говедарника, а опашките им вонка* – ‘ложки’, *Осман паша у затвора, а главата му на двора* – ‘гвоздь’.

д) Посессору K приписывается не свойственное ему расположение его объектов обладания. Так: *Ездач езди – самарът му пред очите, краката му зад ушите* – ‘очки’, *Дванайсе крака на главата* – ‘вши’.

е) Отрицается, что имплицитный названными объектами обладания R посессор K является загаданным денотатом. Так: *Рога има, вол не е* – ‘козел’, *Опашка има, коза не е* – ‘репа’, *Къща има, човек не е, рога има, вол не е, седло има, кон не е* – ‘улитка’, *Коруна носи, цар не е* – ‘петух’.

ж) Отрицается, что посессор имеет объект обладания R , хотя действия, которые приписываются этому посессору, имплицитно утверждают наличие этого объекта R . Так: *Живее без тело, говори без език* – ‘эхо’, *Без ръце, без крака, а вратата отваря* – ‘ветер’, *Нозе няма, а по теб ходи* – ‘тень’, *Зъби няма, а пак каса* – ‘зима’, *Шия риза без ръце* – ‘яйцо’.

з) Отрицается, что посессор может производить некое действие, хотя обладает таким объектом, наличие которого имплицитно подразумевает совершение этого действия. Так: *Крака има, а не ходи* – ‘стол’.

и) Посессору приписывается большее количество однородных объектов обладания, чем он, согласно пресуппозиции, может иметь. Так: *Патка с четиры крила* – ‘капуста’, *На една къща сто прозореца* – ‘решето’.

к) Посессору приписывается меньшее количество однородных объектов обладания, чем он, согласно пресуппозиции, может иметь. Так: *Бяла патка със една нога* – ‘гриб’.

л) Один и тот же объект обладания связывается отношением производности более, чем с одним посессором. Так: *Десет братя в една риза; Дванайсе старци с една брада; Девет братя ув една кожа* – ‘чеснок’.

м) Названные в загадке условия наличия и отсутствия у посессора объекта обладания противоречат пресуппозиции. Так: *Лятно време с риза, Зимно време без риза* – ‘лукуруза’.

Е.М.Вольф (Москва)

О СООТНОШЕНИИ ПОСЕССИВНЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ

1. Посессивы и собственно прилагательные, образуя сходные по форме конструкции (как известно, посессивы часто называют притяжательными прилагательными), глубоко различаются по своим семантическим свойствам. Посессивные отношения – это отношения типа терм – терм или реже, терм – предикат, где предикатом является определяемое имя. Предикатная связь в посессивных конструкциях типа терм – терм или отсутствует или существует в скрытом виде, в виде “латентного” предиката. Ср. группу *моя рука* (отношение неотторжимой принадлежности), где, как представляется, нет предикатной связи, и группу *мой дом*, где предикатная связь присутствует в скрытом виде и может трактоваться как собственно посессивность (*дом, который принадлежит мне*) или как функциональный предикат (*дом, в котором я живу* и т.п.).

2. Отношения терм – терм, аналогичные посессивным, можно усмотреть в определительных группах с относительными прилагательными, где также постулируется скрытый предикат (*Ленинградская симфония – симфония, посвященная Ленинграду* или *сочиненная в Ленинграде*). Напротив, конструкции с качественными прилагательными, в частности, с оценочными, выражают предикатные отношения (преди-

кат – терм, предикат – предикат), причем как предикат выступает само оценочное слово. Таким образом, в структурно похожих парах фраз *мой карандаш* и *хороший карандаш* или *этот карандаш – мой* и *этот карандаш – хороший* два элемента по семантике совершенно различны – в первом перед нами структура терм – терм, во втором терм – предикат. При этом во второй паре примеров представлены разные коммуникативные структуры, в первом случае структура идентификации, а во втором – предикации.

3. Сочетаемость посессивов с оценочными словами определяется рядом свойств, опирающихся на указанные выше.

Посессивы, как правило, "не любят" качественных определителей и с трудом с ними объединяются в единой конструкции. Ср. *это моя (Петина) книга* и *это интересная книга*, но не* *это моя (Петина) интересная книга*. Ср. также: *Мария Ивановна – Петина мать* и *Мария Ивановна – хорошая мать*, но не* *Мария Ивановна – хорошая Петина мать*. Здесь сталкивается посессивное отношение терм – терм, которое входит в структуру идентификации с единичной референцией, и предикатное – предикат + терм, в котором актуализируются предикатные семы, единичной референции не допускающее.

4. Возможность совмещения посессива с оценочным словом зависит от семантики последнего и, в частности, от его способности образовывать классифицирующие наименования. Посессив легче сочетается с тем оценочным словом, которое указывает не на класс, а на единичный объект, и не мешает единичной референции. Ср. *Петя – наш повар* и *Петя – хороший повар*, но не* *Петя – наш хороший повар*. Однако, можно: *Петя – наш лучший повар*, где оценка подразумевает единичность, выбор одного из класса. *Петя – наш хороший повар* осмысленно лишь при наличии "теневого контекста" (см. Т.М.Николаева. Семантика акцентного выделения, М., 1982), который предполагает возможность единичной референции в пределах данного класса (из наших поваров лишь один – хороший). Такие контексты предполагают предварительное знание ситуации и включают анафорическую отсылку.

5. Анафорическим контекстом определяется допустимость таких структур как *Петя – наш замечательный повар*, где оценка предполагается заранее известной; сочетание *замечательный повар* это вид цитаты (в терминах А.Вежицкой). Это особенно очевидно в конструкциях с приложением: *Петя, наш замечательный повар, куда-то уехал*. Такое высказывание возможно и в ситуации дейксиса: *Это Петя, наш замечательный повар*. В этих случаях *замечательный* предполагает не отнесение к классу (ср. класс "хороших/плохих поваров", но не "замечательных/не замечательных"), а оценку определенного референта.

6. Особое место в группах посессив + прилагательное занимают сочетания типа *мой конь ретивый, мой друг бесценный, мой милый друг*, где прилагательное входит в наименование, а посессив придает ему дополнительный экспрессивный смысл.

Э.Генюшене (Вильнюс)

КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ И ТРАНЗИТИВНЫЕ РЕФЛЕКСИВЫ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В систему средств выражения притяжательных отношений в литовском языке входят и транзитивные рефлексивные глаголы (ТР), образующие такие оппозиции с нерефлексивами: (1) *Jis šluosto man veidą* 'Он вытирает мне лицо' – *Jis šluosto-si veidą* 'Он вытирает-себе (букв. морф. 'вытирается') лицо'; (2) *Jis šū^{si}dėjo man (mano) daiktus* 'Он сложил мне вещи' – *Jis su-si-dėjo daiktus* 'Он сложил-себе (= свои) вещи'. В нерефлексивной конструкции выражается посессивное отношение между референтами прямого и дативного дополнений, а в конструкции с ТР выражено посессивное отношение между референтами подлежащего и прямого дополнения, т.е. рефлексивно-посессивное значение.

2. ТР с посессивным значением неоднородны по смыслу, и среди них можно выделить несколько смысловых подтипов, в частности: 1) посессивно-объектные ТР, обозначающие действия субъекта над объектом, с отношением неотчуждаемой принадлежности (отношение части и целого) между актантами, ср. пример (1); 2) посессивно-моторные ТР, обозначающие движение частью тела, также с отношением неотчуждаемой принадлежности между актантами, ср. (3) *Jis susi-dėjo rankas ant kelių* 'Он сложил (букв. 'сложился') руки на коленях'; 3) собственно-посессивные ТР с отношением отчуждаемой принадлежности между актантами, ср. пример (2).

3. Рефлексивно-посессивный смысл может передаваться и другими средствами: а) эксплицитно – аа) возвратно-притяжательным местоимением *savo* 'свой' и бб) дативном возвратного местоимения *sau* 'себе'; б) имплицитно, как в русском предложении 'Он почистил зубы', где имплицитируется смысл 'свои зубы'.

Названные смысловые подтипы посессивных ТР характеризуются разными наборами синонимичных средств: 1) смысл посессивно-объектных ТР может быть передан всеми тремя указанными способами; 2) смысл посессивно-моторных ТР может быть передан местоимением *savo* "свой" или имплицитно; 3) смысл собственно-посессивных ТР может быть передан только оборотами с местоимением *savo* "свой".

В текстах посессивные ТР всех подтипов абсолютно преобладают над своими синонимами, будучи узואально наиболее идиоматичными. В конкретных контекстах замена ТР на синонимы обычно нежелательна или невозможна, тогда как обратное как правило возможно.

4. В использовании ТР для передачи рефлексивно-посессивного смысла литовский язык резко отличается от латышского, где ТР немногочисленны, а посессивные ТР фактически отсутствуют: этот класс рефлексивов в латышском либо не развился, либо исчез после некоторого периода существования. Здесь могло иметь место влияние субстрата и/или ареальных факторов. Этому различию между двумя языками параллельно и различие в употреблении глагола *turėti* 'иметь' в литовском и *būt* 'быть' в латышском для выражения посессивных отношений (ср. лит. *Aš turiu brolį* букв. 'Я имею брата' и лтш. *Man ir brālis* 'У меня есть брат').

5. Литовские ТР, включая и посессивные ТР, имеют типологические параллели во многих языках, в частности, в немецком, болгарском, чешском, французском, испанском, в древне-тюркском и якутском (при их отсутствии в других современных тюркских языках), грузинском (субъектная версия), эскимосском; они также соответствуют одному из значений медиума в санскрите и древнегреческом. Поэтому изучение литовских посессивных ТР представляет интерес как для типологии рефлексивов, так и для типологии категории притяжательности.

А.В.Головачева (Москва)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ

Семантика посессива (Poss), т.е. семантика выражаемого с помощью Poss (или иным способом) отношения $r(Ps, R)$ между посессором Ps и объектом обладания R, определяется семантикой R — для имен R, содержащих релятивные семы — и семантикой R + контекстные и экстралингвистические данные — для имен R, не содержащих релятивных сем.

На материале русского, польского и чешского языков была проведена семантическая классификация имен R, соотносимых с соответствующими классами Ps, на основании которой было выделено 4 основных типа отношения $r(Ps, R)$ в зависимости от степени связанности между Ps и R.

А. Отношение $r(Ps, R)$ выражает неотчуждаемую принадлежность. Неотчуждаемость понимается здесь как такое отношение $r(Ps, R)$, при котором R мыслится как необходимый, само собой разумеющийся элемент Ps (в пределах данного контекста или вне зависимости от контекста). Неотчуждаемость грамматикализуется таким образом, что при определенной семантико-синтаксической структуре предложения имя R не требует эксплицитного выражения r (см. сб. "Структура текста-81", М., 1981, с.8–13).

А.1. r_1 – "абсолютная" неотчуждаемость

Абсолютная неотчуждаемость понимается как такое отношение $r(Ps, R)$, при котором R мыслится как необходимый элемент понятия, к классу которого относится Ps . Так, необходимыми элементами понятия "человек" являются такие вещественные и абстрактные понятия, как части тела и свойства, связанные с универсальными проявлениями их деятельности (голос, дыхание, зрение, походка, слух и т.п.), свойства человека как физического тела (размеры, вес, рост, толщина; вид, очертания, тень), общие понятия, связанные со свойствами человека как живого и мыслящего существа (жизнь, судьба, душа, разум, речь, память, здоровье, настроение, чувства); общие понятия, связанные с бытом (их набор определяется принадлежностью лица к данному социуму), например, одежда (одежда вообще, костюм – для мужчин, платье – для женщин), постель, жилье. Т.о., если категория посессивности в общем виде может быть определена как категория, связывающая отношением r конкретные Ps и R , то грамматикализуемая внутри нее категория неотчуждаемости связывает этим отношением понятие Ps с понятием R , например, понятия "человек" и "рука", "сосуд" и "дно" и т.п. Эти свойства обуславливают невозможность употребления абсолютно неотчуждаемых R в конструкциях, сообщающих о наличии R у Ps , т.е. в глагольных конструкциях с 'иметь' и в именных конструкциях 'с + твор.' без атрибута: **Piotr ma głowę (cień)*; **naczynie z dnem*, а также (для обобщенных названий одежды) в конструкциях 'в + предл.': **человек в одежде*, **мужчина в костюме*, **женщина в платье*, *в туфлях* (там же, с. 4). При этом аналогичные конструкции с атрибутом сообщают не о наличии R у Ps , а о признаке R , принадлежащего данному Ps , т.е. R в таких высказываниях может быть только темой, ср. *Petr má pěkné oči* → *Petrovy oči jsou pěkné*, *muž s pěknýma obíma* → *muž, čí oči jsou pěkné* (что относится также и к конструкциям с подразумеваемым атрибутом: *Teň ma głowę!* *Teň ma życie!*

'Ну и голова у него! Ну и жизнь у него!') Русский язык дифференцирует сообщения о наличии R либо о признаке R возможностью/невозможностью употребления связки 'быть', ср.: *У нее красивые глаза*–

Глаза у нее / красивые – *У нее есть красивые глаза и У нее хороший велосипед → Велосипед у нее / хороший – У нее есть хороший велосипед → Она имеет хороший велосипед.

Абсолютно неотчуждаемые R обладают также таким отличительным свойством, что они, как правило, не мыслятся вне соответствующего Ps и их самостоятельное функционирование воспринимается как нечто фантастическое ("Нос" Гоголя, "Тень" Шварца). В языке это когнитивное свойство проявляется двояким и внешне противоречивым образом: 1) имена таких R требуют обязательного указания на Ps (чаще в пределах того же предложения); 2) именно такие имена R чаще употребляются без притяжательного местоимения (Pron_{poss}) – т.е. входят в г+Str (там же, с. 8–13). Имена частей тела характеризуются наибольшим разнообразием г=Str с точки зрения их синтаксических свойств и семантики предиката. Это по преимуществу г–Str с устойчивой согласованностью по г типа специфических для таких имен структур с глаголами движения; чешск. *zvednout oči, hledat oči-ma*, польск. *kiwać głową*, аккузативно-посессивных структур типа чешск. *kousnout někoho do nohy* и дательно-посессивных структур (характерных также и для имен некоторых других лексических групп, см. ниже) типа чешск. *poranit někomu prst*, польск. *serce mu zamiera, wybijać komuś coś z ręki* и т.п.

Неустойчивой согласованностью по г характеризуются польские и русские рефлексивные г–Str типа *umýt ręce* (*sobie); чешский язык обычно избегает таких структур: *umýt si ruce*.

Необходимость Pron_{poss} возникает главным образом в структурах, несогласованных по г, которые для таких имен довольно редки: *Петр посмотрел (показал) на свою руку*.

Каждое из абсолютно неотчуждаемых R, помимо общих для всех неотчуждаемых R дательно-посессивных структур, имеет свои, специфические г–Str с устойчивой согласованностью по г, ср., напр., чешск. *Viděla jsem v životě již horší úrazy*, польск. *Kto tam wie, co cię jeszcze w życiu czeka?* Следует заметить, что большинство имен-предикатов может употребляться и индивидуализированно, в соотношении с некоторым Ps, и генерализованно, как обозначение некоторого свойства, признака, состояния и т.п. Поэтому отсутствие Pron_{poss} при таких именах может означать и генерализацию, и индивидуализацию в зависимости от семантико-синтаксических свойств предложения, ср. польск. *ryzykować życie* (=swoje) – индивидуализация в г–Str, *kochać życie* ('жизнь вообще' – генерализация), *mówić o swoim życiu* (индивидуализация с помощью Pron_{poss}).

А.2. г₂ – "относительная" неотчуждаемость

Относительная неотчуждаемость может трактоваться как такое отношение г(Ps, R), при котором понятие R мыслится как элемент

понятия Ps, присущий ему с большой степенью вероятности. Для одушевленных Ps это понятия, связанные с родственными и другими социальными отношениями Ps, абстрактные понятия, относящиеся к сфере лица (например, счастье), некоторые отрастающие части тела (борода, усы), предметы одежды и личного обихода; для неодушевленных Ps — факультативные части, например, тумба (стола). Имена таких R, в отличие от абсолютно неотчуждаемых имен, употребляются соответственно в конструкциях с "иметь", конструкция "с + твор." и "в + предл.": *ma ojca, córkę, zięcia, przyjaciela; ma brodę, wąsy; człowiek z bródką, dziewczyna w dzinsach, Tadek ze strykiem.*

Одушевленные имена релятивной семантики, так же, как и имена частей тела, требуют указания на Ps, однако для их идентификации часто бывает достаточно одного такого указания на протяжении большого отрезка текста (посредством Pron_{poss}, соотносительности с коммуникантом и т.п.), после чего такие имена становятся изофункциональными именам собственным: польск. *Narzęczona ma kilkoro rodzeństwa; Nawet stosunek szefa był inny, lepszy, taki, jak do urzędników.* Для идентификации предметов одежды может оказаться достаточным непосредственное предупоминание Ps: *Петя прибежал из школы. Пальто нараспашку, шапка сдвинута набок.*

Семантическими свойствами одушевленных имен релятивной семантики, почти полной нерелевантностью для них семантики предиката, объясняется ограниченный набор г-Str с устойчивой согласованностью по г (в основном г-Str с предикатами 'дать/взять': *Nazajutrz przyszedł rozkaz z Berlina, żeby dzieci zabrać matkom; Długo tak będziemy jak te barany dawać synów na rzeź?* По этой же причине для таких имен нехарактерна и несогласованность по г, которая имеет место только в сложных синтаксических конструкциях, ср. польск. *My z żoną upatrujemy w twarzy Helenki jakieś podobieństwo do jej matki;* русск. *По воспоминаниям моего отца, я был резвым ребенком.*

Основной г-Str для большинства одушевленных имен г релятивной семантики являются г-Str с неустойчивой согласованностью по г: чешск. *Pro Schulze je otec symbolem noblesního světa patriarchálního kupectva* (возм. *můj, tvůj otec*); польск. *Pokłóciłem się kiedyś z przyjacielem* (возм. *z twoim, jego przyjacielem*). При этом такая неустойчивость в чешском языке часто ликвидируется с помощью Pron_{poss}: *Přijela k nim na návštěvu jejich příbuzná* (ср. польск. *Przyjechał do nas krewny*).

Названия неодушевленных предметных существительных этой группы близки к именам частей тела вхождением в разнообразные г-Str,

устойчивые по г, т.е. связанностью с предикатами определенной семантики ('снять-надеть', 'поправить (на себе)', польск. *rozebrać się z...* и т.д.). В то же время несогласованность по г для таких имен при первом упоминании означает неопределенность (поскольку в таких именах отсутствуют релятивные семы): польск. *zobaczył p/aszcz (czyjś, jakiś)*.

А.3, г₃ — "Окказиональная" неотчуждаемость

Окказиональная неотчуждаемость в меньшей степени, чем первые два типа, может рассматриваться как свойство данной лексемы. К окказионально неотчуждаемым R могут быть отнесены такие понятия, которые обычно мыслятся как отчуждаемые, но в определенных ситуациях воспринимающиеся как часть соответствующего Ps. Это ситуации, связанные с воздействием на R/ действием R/действием в локусе R, затрагивающем Ps, и выражаемые обычно дательно-посессивными г-Str.

В г-Str, предикат которых не связан с нарушением отношения Ps/R (и сводим обычно к ключевым значениям 'испортить/исправить'), в качестве неотчуждаемых могут (помимо имен А.2—А.3) входить такие имена R как: 1) предметные имена, обозначающие собственно принадлежность или принадлежность по функции (а именно "орудия труда"), например, польск. *Takie owakie, partyzanty jedne, poduszkę i pierzynę mi do sna ino zmarnowali!*; *Żniwiarkę mi zepsuł!*; 2) имена-предикаты, обозначающие более или менее широкие понятия, связанные с лицом, однако не являющиеся неперменной принадлежностью данного класса Ps: а) обобщенные наименования действий, намерений: польск. *popsuć komuś szyki, pokrzyżować komuś rachuby, plany*; чешск. *zkazit někomu útěk, křžit někomu plány*; б) социальные понятия: чешск. *zkazit někomu kariery, úspěch*; в) имена, связанные с умственной и чувственной деятельностью: чешск. *zastírat někomu rukou výhled, zastírat někomu s hárání*; г) имена, связанные с проявлениями чувств, настроений: чешск. *kazit někomu radost, chut', dobrou náladu; napravít někomu špatnou náladu*; д) имена, обозначающие разного рода торжественные события, и имена временного значения (некоторый отрезок времени, соотносимый с Ps): польск. *Nie będą sobie psuła z jego powodu wieczoru; To gorsze, niż gdyby złym humorem lub nieprzystępnościami zepsuła mi pani weekend*; чешск. *Bála se, aby jí něco svatbu nepokazilo*.

В г-Str, предикат которых обозначает нарушение отношения Ps/R, т.е. еще в большей степени "связывает" объекты Ps и R, помимо вышеперечисленных, могут употребляться в качестве неотчуждаемых имена-предикаты более узкого, специального значения, обозначающие понятия присущие данному, конкретному Ps: а) имена, обозначающие желание: польск. *odbierać komuś nadzieję, chęć do pracy*; чешск. *brát*

někomu chut' do hry; б) привилегии: чешск. *Veźmĕ spisovatelĕm s vobodu slova, a nadĕlĕte z nich smĕšnĕch eunuchĕm*; польск. *odjĕto mu wĕadzĕ nad wojskiem*; в) признак: чешск. *brĕt nĕkomu odvahu*; польск. *Lata nie odjĕły jej wcale wdziĕkĕw dla tej prostej przyczyny, Źe ich nigdy nie miaĕ/a* и т.д.

Описанные способы грамматикализации неотчуждаемости показывают, что эта категория находит свое выражение в языке не только на лексическом, но также и на семантическом и синтаксическом уровнях, каждый из которых по-своему отражает присущее этой категории когнитивное содержание.

Б. Отношение $r_4(Ps, R)$ выражает отчуждаемую принадлежность. Отчуждаемая принадлежность, или посессивность в собственном смысле слова, т.е. отношение между данными, конкретными Ps и R , требует обязательного эксплицитного выражения r . Так, для имен групп А.1—А.2., для которых неотчуждаемость является более или менее постоянным свойством соответствующих лексем, эксплицитное выражение r бывает необходимо: 1) если контекст не подкрепляет связи между данными Ps и R : а) если имена Ps и R являются членами одного и того же предложения, но не согласованы по r (см. выше п. А.1); б) если Ps не упомянут в пределах данного предложения и не подразумевается: чешск. *Kalnĕ svĕtlo odhalilo její vrĕsky*; польск. *KtĕraŹ z jej rĕwiešnic ma piĕkniejszy strĕj, liczniejszy rĕj wielbicieli* (ср. в r -Str: *Nie znoszĕ dzieci, a juŹ specjalnie tych mĕdszych i rĕwiešnikĕw*); 2) если контекст "связывает" данные Ps и R , но "удаляет" данное R от понятия Ps , а именно в r -Str с атрибутом при имени R (поскольку дополнительный признак переводит R из элемента, присущего понятию Ps , в элемент, присущий данному Ps): польск. *Gdy spojrzal w oczy psa swymi piwnymi oczami, pies braĕ ogon pod siebie*; 3) в r -Str — в стилистических целях, часто для подчеркивания некоторой автономности R по отношению к Ps , ср. русск. *Ребенок живет с родителями* (тесная связь Ps/R) — *Петя разошелся с женой и живет со своими родителями* (ослабленная связь Ps/R), ср. также русск. *Он надел плащ и ушел* (\approx оделся и ушел) — *Он надел свой плащ и ушел* [здесь *свой* может иметь дополнительный оттенок а) определенности (*свой* = "известный нам"), б) противопоставленности "чужому" (если на вешалке было много плащей)].

Для имен А.3. необходимо эксплицитное выражение r в случаях:

1) если это отношение не выражено соответствующей дательно-посессивной структурой, например., польск. *mĕwiĕ o swojej karierze / mĕwiĕ z kimś o jego karierze / mĕwimy o jego karierze* [ср. *zepsuĕ komuś (sobie) karierĕ*]; 2) в r -Str — для придания имени дополнительного значения известности: польск. *zepsuĕ komuś jego radoś pokrzyŹowaĕ komuś jego plany*.

Остальные существительные всегда требуют эксплицитного выражения *r*, напр., а) имена, обозначающие множество, частью которого является *Ps* (Е.М.Вольф. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974, с.75): польск. *Ktoś z mojego minionego świata, stary górnik, powiedział mi niedawno...*; б) имена, обозначающие locus (*мой город, моя страна, моя комната*): польск. *Radzę panu pójść do swego pokoju* (ср. *Radzę panu pójść do domu, do łóżka* - А.1); в) обобщенные имена пространственно-временного значения: чешск. *Venoval všechen svůj čas pracím Ze svého místa vstává přibuzný zesnulého* и др.

Следует заметить, что существуют целые группы имен, при которых *Prop_{poss}* (всегда или в зависимости от предиката) имеет дополнительную сему определенности. Таким свойством могут обладать, например, имена-предикаты, обозначающие действие, состояние, признак, например, польск. *Kałmen i Helcia ukrywali swoją miłość*; чешск. *Proč zatajowala svou hrůzu?; Takto se Marie léčila ze svého otřesu*. В приведенных примерах имена *R* обозначают понятия, связь которых с данным *Ps* должна быть известна или вытекает из ситуации (известно, что Калмен и Хельча любят друг друга; что она боится; что Мария потрясена случившимся и т.д.). При инициальном употреблении такие имена обычно не имеют при себе *Prop_{poss}* и употребляются в генерализованном значении, соотносимом с неопределенностью, ср. польск. *Byłam bliska obłądu*; чешск. *Zraňoval ji p ohrdavým údivem..* Значение неопределенности может быть выражено в этом случае и эксплицитно: польск. *Ojciec chwilę milczał jakoś dziwnie, z jakąś zawziętością; Nie patrzcie na mnie z takim zdziwieniem*; чешск. *Ta ji <knihu> vzala s jakousi nábožnou bází.*

На некоторую известную, упоминавшуюся связь *Ps/R* указывает *Prop_{poss}* также и при предметных именах, не соотносимых обычно с *Ps*, т.е. при именах, не имеющих релятивных сем и не обозначающих собственно принадлежности: а) при неодушевленных именах, которые для данного *Ps* (вообще или в данной ситуации) не могут обозначать собственно принадлежности, а только временную (или постоянную, привычную, принадлежность по функции: польск. *Mój pociąg poszedł sobie* (т.е. поезд, на который я торопился и опоздал), чешск. *Kočka Rolnička se dlouho dívala ze své skříně, jak Pavlíček jí – Кошка Бубенчик долго глядела со своего шкафа, как Павлик ест (со своего шкафа – т.е. с того шкафа, на который она забралась)*; б) при одушевленных именах нерелятивной семантики (названия профессий, национальностей и т.п.), обозначающих лиц, находящихся с *Ps*

в некоторой связи, которая известна из предшествующего контекста и ни в коей мере не определяется семантикой имени: польск. *A jednak właśnie na migi, a jeszcze częściej całkiem po warszawsku dogadał się ze swymi Chińczykami* ("польский генерал Вальтер с китайскими солдатами и офицерами, служащими в его армии"). Такое же значение имеет Pron_{poss} при метафорических обозначениях лица и при именах собственных: польск. *Dzwoniłam do was przed dwiema godzinami. Telefon odebrał ten wasz idiota*; чешск. *Standa... zbožkuje na dálku svou nohatou Švédskou bohyni; Chtěl jsem listonoši vzít svou Rolničku* – Я хотел у почтальона взять моего Бубенчика.

В последнем разделе приводились примеры в основном рефлексивных конструкций, точнее конструкций с Ps = Sd, поскольку это наиболее распространенный вид конструкций, включающих имена Ps и R. Заметим попутно, что рефлексивизация в 1–2 лицах наиболее последовательно проводится в чешском языке, менее последовательно – в русском (при этом в современном русском факультативное отсутствие рефлексивизации релевантно стилистически; Pron_{poss} приобретает ощутимый экспрессивный оттенок и часто – дополнительное значение известности R, ср. *Я отнесла свое пальто в химчистку* – Я отнесла мое пальто в химчистку, ср. также чешский перевод последнего примера из Зошенко); наиболее факультативна рефлексивизация в польском языке, ср.: *Ja wróce, na moich półkach bibliotecznych zastanę nowy swój tomik; Proszę cię, przyślij któryś z twoich wierszy*.

Приведенный краткий обзор семантики посессивных конструкций показывает, что степень связанности между двумя понятиями Ps и R отражена в языке а) в наличии/отсутствии Pron_{poss} в зависимости от лексических и семантико-синтаксических факторов; б) в семантике Pron_{poss} и в) в возможности/невозможности инициального употребления имени R, обозначающего объект обладания.

А.В.Головачева (Москва)

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОБЪЕКТА ОБЛАДАНИЯ В СВЯЗНОМ ТЕКСТЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧЕШСКОГО, ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО МАТЕРИАЛА)

1. Проблема детерминации объекта обладания в тексте тесно связана с проблемой соотношения категорий посессивности и определенности: с одной стороны, упоминаемый в тексте посессор Ps (лицо

или предмет) можно представить как некоторую "ситуацию", способную при определенных условиях индивидуализировать объекты R_1, R_2, \dots, R_n , находящиеся с ним в отношении посессивности g ; с другой стороны, упоминаемый уже однажды в тексте объект обладания R становится объектом известным, определенным и возникает проблема соотношения его либо с предшествующим обозначением этого объекта, либо с посессором Ps , либо и с тем и с другим одновременно.

2. В пределах изолированного предложения, содержащего имена Ps и R , способ индивидуализации имени R зависит от семантико-синтаксических условий (см. сб. "Структура текста – 81", М., 1981, с.8–13), определяющих выбор между $Pron_{poss}$ и нулевым показателем посессивности \emptyset .

3. В пределах широкого контекста детерминация объекта обладания определяется большим количеством факторов, важнейшие из которых: предупомянута Ps , предупомянута R , известность R из контекста или ситуации, обусловленность R контекстом или ситуацией, участие Ps в акте коммуникации, наличие имени Ps в предложении, содержащем имя R , синтаксические особенности предложения, наличие атрибута при имени R и т.д.

На чешском и польском материале (в сопоставлении с русским) были исследованы различные комбинации перечисленных факторов. Не претендуя здесь на подробное их описание, наметим лишь основные тенденции, определяющие выбор между детерминантами объекта обладания в тексте. Эти детерминанты при равных тексто-фразовых условиях могут совпадать или различаться по языкам. Соотношение между детерминантами представлено в следующей таблице:

Таблица

языки	позиции №			
	1	2	3	4
русск.	$Pron_{poss}$	$Pron_{poss}$	$Pron_{deix} +$ $+ Pron_{poss}$	$Pron_{poss}$
западно-слав.	$Pron_{poss}$	$Pron_{deix} +$ $+ Pron_{poss}$	$Pron_{deix} +$ $+ Pron_{poss}$	$Pron_{deix}$

языки	позиции №№				
	5	6	7	8	9
русск	Pron _{poss} / \emptyset	\emptyset	\emptyset	Pron _{deix} + + Pron _{poss}	Pron _{deix}
западно-слав.	Pron _{deix}	Pron _{deix}	\emptyset	Pron _{deix}	Pron _{deix}

3.1. Условие известности Ps, например, в анафоре типа $S_1Ps \rightarrow S_2R$.

При этом условии наиболее типична детерминация имени R с помощью Pron_{poss} (позиция 1), например, чешск. *Podíval jsem na něho. Jeho oči zářily jako vždy svým žadostivým svitem.* Однако при неотчуждаемых R возможен и нулевой показатель \emptyset (при условии достаточной семантической спаянности между S_1 и S_2), ср. польск. *Obudził go ból głowy. W skroniach pulsowało.* Нулевой показатель возможен также, если Ps является коммуникантом: чешск. *Ona sem Marie někdy chodí za dětmi.* "Она, Мария-то, иной раз заходит к детям", (Позиция 7).

3.2. Условие известности R. В таких контекстах имя R, употребленное в повторе, соотносится с двумя антецедентами – со своим предшествующим упоминанием и с именем соответствующего Ps. Языки, склонные к эксплицитному выражению контекстных связей (каковыми являются чешский и польский), обнаруживают тенденцию к употреблению в повторе Pron_{deix} (иногда в сочетании с Pron_{poss}), т.е. связь между антецедентом и повтором оказывается здесь более сильной. В русском языке сильнее внетекстовые, смысловые связи, что обуславливает преимущественное использование Pron_{poss}.

3.2.1. Анафора типа $S_1R \rightarrow S_2R$.

1) Имена неотчуждаемой принадлежности. В польском и чешском преобладает Pron_{deix}, русском – Pron_{poss} (позиция 4): чешск. *... jak krásně jsou právě zezadu její nohy. Ale ani ty nohy nemohly zastavit běh mých myšlenek,* (= "ее ноги"); польск. *A jedynym laboratorium, mogącym nieść pomoc przy tym poszukiwaniu, był jego własny mózg. Zwykle mózg ten pozostawał sam na placu, gdy aparaty... nie mogły zaskoczyć przebiegłego mordercy.* (= "его мозг"). В экзистенциальных высказываниях, требующих обычно наиболее исчерпывающей идентификации объекта, в польском и чешском употребляется Pron_{deix} в сочетании с Pron_{poss}: польск. *Dawno nie patrzyłem jej z uwagą w oczy. Kiedyś te jej oczy (= "ее глаза") były posfuszne, zakochane i wierne i często mnie to irytowało!*

Позиция 2. В русском языке $\text{Pron}_{\text{deix}}$ (позиция 9) употребляется: а) если Ps не назван или неопределен: ср. *W okienku ukazało się dwoje wielkich czarnych oczu... Wuj i K. wzajemnie potwierdzili sobie, że widzieli tych dwoje oczu* "В дверном окошечке два больших темных глаза взглянули на посетителей... Дядя и К. дали друг другу понять, что оба видели эти глаза"; *...brzy jsem slyšel jiný hlas... Považuji snad – ptal se mne významně ten hlas* ("этот голос") – *svůj osobní požitek za důležitější, než požitek sta nemocných*; б) при условии сильной идентификации объекта (например, при наличии в повторе атрибута, содержащего новую информацию): ср. *..svou povadlou a vrasčitou pleť zastírala vrstvou krému tak silně, že její tvař leskla jako meděnc. Díval se na ten kdysi krásný obličej* ("это когда-то красивое лицо").

2) Для остальных имен обычно характерна позиция 2: чешск. *Ještě že ji neznepokojuje svými otázkami... Ach, teď zase přijdou ty jeho otázky*; польск. *Dlaczego mieli się kryć ze swoją miłością? Początkowo ukrywali te swoją miłość* ("свою любовь"). При Ps = Sd и R релятивной семантики возможно $\text{Pron}_{\text{deix}}$ (позиция 4): польск. *..pokazali się razem znacznie później, aniżeli zawarli znajomość, i to było w porządku, że tę znajomość* ("свое знакомство") *ukrywali*. В русском языке $\text{Pron}_{\text{deix}}$ употребляется только в случае, если Ps не назван или неопределен, ср.: *Był to pokój damy... ten pokój został splugawiony*. "В этой комнате живет дама... эту комнату оскверняло присутствие стражи". – Позиция 9.

3.2.2. Имя R – предикат, являющийся результатом трансформации предиката предшествующего высказывания.

1) Во всех случаях, кроме указанных ниже – пп. 2) и 3), детерминация R соответствует позиции 4, ср.: *Niecierpliwie się, to prawda, ale ta niecierpliwosc da się bardzo łatwo usunąć przez to, że pan nas opuści...* "Да, вы правы, мне не терпится, но мое нетерпение проще всего прекратить тем, что вы нас оставите"; *Zaczył mi... opowiadać o sądzie... zdziwiony byłem tymi opowiadaniem* "И он рассказал мне об этом суде... меня удивил его рассказ".

2) В русском языке употребляется $\text{Pron}_{\text{deix}}$, если трансформации подвергается многоместный предикат: *Věděl, že hra se skončila, ale nechťelo se mu vracet do obyčejného vztahu k dívce; bál se toho návratu* ("этого возвращения"). – Позиция 9.

3) В русском языке употребляется $\text{Pron}_{\text{deix}}$ + $\text{Pron}_{\text{poss}}$, если имя R не является актантом предиката, подвергающегося трансформации и соответствующее имя R не имеет релятивных сем: ср. *Ojciec urodził się gdzieś daleko na wschodzie i ciągle tęsknił do tej dalekości* ("об этой своей дали"). – Позиция 8.

3.2.3. Имя R представляет собой "резюме" предшествующего высказывания.

1) Позиция 4 во всех случаях, кроме тех, которые указаны в пп.2) и 3): "...*Vy jste zlej sám na sebe, Andresi, to je ta chyba...* – "Вы и на себя злитесь, Андрес, вот в чем ваша беда".

2) Позиция 3 – если имя R обозначает один объект из совокупности однородных объектов, принадлежащих Ps, напр.: *Martin umí, co neumím já. Zastavit kteroukoli ženu na kterékoli ulici. Musím říci, že jsem z této jeho schopnosti značně těžil* ("из этой его способности").

3) Позиция 9 при условии сильной идентификации R (например, при наличии атрибута при имени R): "...*tolik ji svým zájmem pobavil, že ho opustila s něžně veselým úsměvem... za této příznivé nálady... zamířila se k Újezdu* ("в этом веселом настроении").

3.2.4. Имя R обозначает объект, упоминание которого имплицитно предшествующим контекстом.

1) Позиция 5 – для имен R, содержащих релятивные семы: *Przy warsztacie, w Kazaniu, Karol znalazł jednak przyjaciół. Zrazu przysłuchiwał się tym rozmowom nieufnie* ("прислушивался к (их) разговорам"). Позиция 6, если Ps=Sd: *Ani oholený nejsem, mrzí se Standa a ohmatává si pod nosem a na bradě těch pár štětinek*. "И небрит я – досаждает Станда, ощупывая у себя под носом и на подбородке несколько волосков" (известно, что Станда очень молод).

2) Позиция 2 – для имен R, не содержащих релятивных сем: "*Ona... hodně čte... To víš, já – taky jsem na ty její knížky podíval, ale...*" – "Она... много читает... Понимаешь ли, я... тоже иной раз заглядываю в ее книжки, да..."

3.2.5. Имя R обозначает объект, известный из предшествующего контекста.

1) Имена неотчуждаемой принадлежности. Для таких имен "известность" означает, что известен либо признак R, либо некоторое событие, имевшее отношение к R.

а) При отсутствии атрибута при R – позиция 6: *Boolí ta ruka?* "Болят рука?"

б) При наличии атрибута, обозначающего известный признак R – позиция 5: *Adam zrovna navrtává těma zapadlýmá očima zaklíněné ssutky...* "Адам прямо сверлит своими впалыми глазами заклиненные обломки..." "A ještě na něho Adam podíval z těch zapadlých očí, jako by Standu ani neznal." "Да еще Адам так смотрел на него ввалившимися глазами, как будто вовсе не знал Станды"; ср. также *Karol ma powody być dumny z tego surowego, milczącego ojca* ("своим) суровым, мужественным отцом").

в) При наличии атрибута, имеющего экспрессивное значение – позиция 9: *Vypadám jako ženská s dítětem, ... jak chovám na prsou tu hloupou ruku* "Я похож на женщину с ребенком, когда баюкаю на груди эту дурацкую руку".

2) Имена-предикаты.

а) Имя R является обобщенным наименованием свойства, состояния Ps – позиция 4: "*Já vím, vy si myslíte, že jsem hloupá. To dělá ten stav...*" – "Я понимаю, вы считаете меня глупой. Всею виной мое положение".

б) Имя R обозначает конкретное свойство, состояние Ps, не называвшееся ранее, но следующее из широкого контекста или ситуации – позиция 1: *Ve své důvěře k němu neměla jiných obav, aby cestou nebyl přišel k úrazu.*

3) Имя R не содержит релятивных сем.

а) R – объект, связанный с деятельностью Ps – позиция 2: *A ty napewno myślisz o tym swoim dzisiejszym konkursie; Ty si możesz dać za ścipici ty své logaritmy.* "Распростись со своими логарифмами".

б) R – объект действия (деятельности) – позиция 1: *U jednoho toho stolu se rozložil Standa se svými novinami.* "За одним из столов расположился Станда со своей газетой".

При условии актуализации R – позиция 4: *Tady máš ten kahan, dědku.* "Получай свою лампу, дед".

б) Имя R обозначает лицо, находящееся с Ps в некоторой связи, обусловленной контекстом, или лицо, о котором идет речь (позиции 1 и 2): *W którym sklepie pracuje ta jego Murzynka?; Jednego dnia pani Marie odwołala swého hezkého zahradníka; Naše stařena byla ve svých mladších letech pracujícím členem rodiny.* "А наша старуха в свое прошлое – трудящийся член семьи".

Таким образом, в западнославянских языках в большинстве случаев (позиции 4–6, 8–9) известность R из предшествующего контекста оказывается условием, достаточным для детерминации имени R с помощью $\text{Pron}_{\text{deix}}$. Употребление $\text{Pron}_{\text{poss}}$ становится обязательным в этих языках в случае, если имя R обозначает не называвшееся ранее свойство Ps или не имеет релятивных сем.

В русском языке обнаруживается тенденция к преимущественному использованию $\text{Pron}_{\text{poss}}$ для детерминации "известного" R во всех случаях, кроме тех, где необходима "сильная идентификация" имени R с его предшествующим упоминанием, а именно при отсутствии в тексте указания на Ps, при наличии нового атрибута при имени R и в случае, если имя R представляет собой многоместный предикат.

Позиции 4–7 можно назвать "позициями определенности" имени R (т.е. соответствующими употреблению определенного артикля); в западнославянских языках эти артиклевые функции выполняются указательным: местоимением *ten*, в русском – притяжательным местоимением или \emptyset . И только в позиции 7 (анафора $S_1Ps \rightarrow S_2R$ при неотчуждаемых R) функцию артикля выполняет нулевой показатель \emptyset во всех рассматриваемых языках.

Е.И.Демиза (Москва)

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ: СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ УКАЗАНИИ НА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СУБЪЕКТУ ДЕЙСТВИЯ В ЯЗЫКЕ НОВОБОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНОВ ХУП ВЕКА

Нормы первого в послекирилломефодиевскую эпоху в Болгарии книжного языка на народной основе, отраженного в письменности новоболгарских дамаскинов XVII в., складывались непосредственно в процессе создания новоболгарского текста путем перевода или пересказа оригинала на традиционном литературном языке при опоре на систему выразительных средств народно-разговорного койне населения района Средней Старой Планины, отразившего черты балканских говоров у границы по ϵ , с одной стороны, традиционные книжно-литературные средства, с другой. Возникавшие при этом варианты отражали как неоднозначную картину в самих говорах и в основанном на них койне, так и различное решение вопроса об отношении к традиции. Они представляют интерес как в аспекте изучения истории постепенного и непрямолинейного становления современной литературно-языковой нормы, так и в аспекте истории болгарского языка и болгарской исторической диалектологии. Рассматриваемые в данном докладе способы выражения посессивных отношений при указании на принадлежность предмета субъекту действия, отразившие один из этапов балканизации болгарского языка, представляют интерес и в общетеоретическом плане.

В книжном болгарском языке XVII в. на народной основе (примеры даются по Тихонравовскому дамаскину XVII в.) в интересующей нас ситуации используются следующие способы передачи посессивных отношений.

1. Говорящий отождествляет притяжателя предмета с субъектом действия, обозначенного глаголом, причем таковым, по определению говорящего, может быть он сам (или лица, в число которых он себя включает), адресат (-и) сообщения или лицо (-а), к которому он не обращается. В этом случае используются а) возвратное притяжательное местоимение

свой (*своя, свое, свои*); б) краткая форма личного возвратного местоимения *си* с притяжательным значением; в) сочетание возвратного притяжательного местоимения и краткой формы личного возвратного местоимения *свой си* (*своя си, свое си, свои си*). Род и число возвратного притяжательного местоимения определяется по согласованию с определяемым существительным. Ср.: *чье сѣ прѣдѣль бѣша своа діаволѣ* 7; *ѣ ѣфиміанъ... стѣнь ѿ стѣль свой* 323; *въ твоѣте рѣцѣ прѣдѣлаѣ бѣша сѣ* 129 об.; *да любѣшь баща си ѣ маѣка си* 5; *ѣ вѣрна се при жеѣта сѣ* 50 об.; *назваго като ѣчѣте сѣ* 313; *ѣ трѣгна да ѣде на свѣто сѣ ѣчѣство* 57. Этот способ передачи данного типа посессивных отношений, характерный как для традиционного литературного языка, так и для отдельных балканских говоров интересующего нас ареала, и явившийся образцом для последующих нормализаторских решений, наиболее широко представлен в новоболгарском тексте и, очевидно, был принят в нем как норма.

2. Говорящий со своей точки зрения, по отношению к себе определяет не только действующее лицо (субъект) данного предложения, но и лицо (число, а для 3 лица ед. числа — и род) притяжателя предмета, выбирая между полными формами притяжательных местоимений *мой, твой, негов, неин, наш, ваш, техен*. Род и число избранного притяжательного местоимения определяется также синтаксически — по согласованию с определяемым существительным. Ср.: *ѣ ѣзе... не щѣ да рекѣ мой дѣмъ ѿ мой ѣмъ* 84; *скѣно продаваш твоата гѣзѣба* 317; *повелѣ царѣ да прѣбыватѣ ѣ полѣтите неговѣ* 128 об.; *кѣто ѣ тѣ стѣриха по тѣхнѣ ѣобычаи* 165. Если контекст не содержит дополнительных указаний на тождество субъекта действия и притяжателя данного предмета, сообщение в 3 лице становится неточным: неясно, идет ли речь о притяжателе действующем лице или о каком-то ином притяжателе, поскольку данная информация не выражена грамматически. Очевидно, поэтому этот способ выражения посессивности при указании на принадлежность субъекту действия в 3 лице не вошел в современную литературно-языковую норму, хотя он весьма широко известен народным говорам (в частности, и балканским говорам, на которых основывалось народно-разговорное койне XVII в.).

3. Говорящий определяет притяжателя предмета как по отношению к себе (см. пункт 2), так и по отношению к субъекту данного действия, отождествляя притяжателя с этим субъектом, в свою очередь определенным с точки зрения говорящего (см. пункт 1). С этой целью используется сочетание одной из форм полных притяжательных местоимений и краткой формы личного возвратного местоимения *си* в притяжательной функции, т.е. конструкции типа *моят си, неговият си, техният си*. Ср.: *ѣ ѣска*

ца на дѣѣта сѣ моѣа лѣкъ 219; ѡ царь поѣта неговат сѣ кѣ-
хала 306; ѡ ѡдѣше ѡ той... ѡ неговата сѣ бащѣна 310; ѡ ѡ тѣх-
нотѣ сѣ ѡмѣнѣ дадоше ѡ тѣе въ црквиата бѣмѣ 149. Этот тип выраже-
ния посессивных отношений, несвойственный современному болгарско-
му литературному языку, отмечен в ряде восточноболгарских говоров,
а также в языке некоторых писателей-возрожденцев (у Софрония Вра-
чанского). Сочетая в себе два других способа указания на принадлеж-
ность предмета субъекту действия, он представляет особый интерес
для типологического изучения категории посессивности.

И.Б.Долинина, Л.А.Бирюлин (Ленинград)

СИНТАКТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ С "ПОСЕССИВНЫМИ" АКТАНТАМИ

1. Рассматривается синтаксическое поведение глагольных конст-
рукций с актантами, выраженными посессивной группой. Посессивность
понимается широко, как отношение одного объекта (материального или
идеального) к другому (лицу, стихии). В роли посессивных актантов вы-
ступают наименования разного рода принадлежности – часть тела, ду-
ховные и физические свойства или качества субъекта, его социальное,
речевое и моторное поведение, одежда, собственность, инструменты
и т.п.: *"Девочка порезала палец; Мальчик застегнул пальто; Они
борются за свои права; Он исправил свои ошибки; Ветер по-
дул прохладой; Он поет низким голосом"* и т.д.

2. Посессивные актанты, являясь элементами с анафорическими
связями, обладают иными синтактико-деривационными характери-
стиками, нежели "свободные" актанты. Наиболее четко различия проявля-
ются при реализации анафорических связей в рамках одной глагольной
конструкции, а именно там, где субъект конструкции совпадает с субъек-
том посессивных отношений: *"Он ушиб руку (ср.: Он ушиб ей руку)"*;
*"Он защищает свои права (ср.: Он защищает права цветного
населения)"*. При несовпадении субъектов посессивная группа ведет
себя в рамках предложения как свободный актант и далее рассматри-
ваться не будет.

3. В ходе исследования был выявлен список лексико-семантиче-
ских групп глаголов, способных сочетаться с посессивными актантами,

определены особенности их синтаксических парадигм (объем и деривационные характеристики) и установлены закономерности изменения категориальных значений при образовании производных конструкций, связанных с изменением глагольной валентности.

4. В английском языке, например, "пассивные" конструкции с посессивным актантом регулярно имеют не пассивное, а результативное значение. В ряде случаев образование производной конструкции данного типа вообще невозможно. Производные конструкции с рефлексивной маркировкой приобретают в одних случаях кумулятивное значение "рефлексивного залога", сочетающее в себе два разноплановых категориальных значения – собственно рефлексивное и диатезное (элиминация дополнения – посессивного актанта); в других случаях возникают также рецессивные конструкции, но с результативным значением. Этим все они отличаются от конструкций со свободными актантами, которые реализуют значение чистого рефлексива, не связанное с элиминацией актантов.

5. У ряда лексико-семантических групп глаголов (метеорологические, моторики и некоторые др.), которые обычно не имеют синтаксических позиций для актантов, возможны актанты, выраженные определенными типами посессивных групп. При этом данные актанты могут употребляться как в исходных, так и в производных конструкциях: *"Дождь падал мелкими каплями; Мелкие капли падали ему на лицо; Ветер подул прохладой; В лицо подуло прохладой; Девочка шла мелкими шажками"* и т.п.

6. Выделены следующие основные группы глаголов, сочетающихся с названными актантами: глаголы "туалета", "заботы", "речевого, эмоционального и интеллектуального воздействия", "защиты/поддержки" "становления/утраты формы", "освобождения/прикрепления", "приспособления", "нанесения ущерба", "моторики", "метеорологические" и некоторые другие.

7. Таким образом, глаголы с посессивными актантами имеют собственные правила образования синтаксических парадигм и особые закономерности сдвига категориальных значений, связанных с изменением валентностных характеристик.

М.И.Ермакова (Москва)

ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУППЫ СЛОВ СО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ФОРМАНТАМИ *-ow(y)*, *-in(y)*, *-n(y)* В СЕРБОЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ

Группа слов со словообразовательными формантами *-ow(y)*, *-in(y)*, *-n(y)* типа в.-луж., н.-луж. *napowu*, в.-луж. *sofřiny*, н.-луж. *sošřiny*,

В.-луж. *maćerny*, н.-луж. *mašeriny (matcyny)* серболужицкими грамматистами оценивается по-разному. Одни характеризуют данный тип слов как особую группу прилагательных, а именно собственно притяжательные прилагательные (см., например, Šewc H. Gramatika hornjo-serbskeje rěče. I. zwjazk. Fonematika a morfologija. Budyšin, 1968, s.102). Другие предлагают рассматривать их как факультативные варианты существительного (адъективные формы существительного) (см., например, Löttsch R. Das sog. Possessivadjektiv im Slawischen, speziell im Sorbischen, und seine Stellung im System der Redeteil. – Forschungen und Fortschritte, 1965, S. 377–379). Третьи выделяют слова данного типа в особую часть речи – так называемые посессивы (см. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Verfasst von Helmut Fasske unter Mitarbeit von Siegfried Michalk. Morphologie. Bautzen, 1981, S.381). Причиной различий в суждениях об указанной группе слов являются морфологические, синтаксические и семантические особенности данных слов. Подобно прилагательным они характеризуются грамматическими категориями рода, числа, падежа, что находит выражение в формах согласования (ср. в.-луж. И. ед. *nanowy dom, sotřina kniha*, Р. ед. *nanoweho doma, sotřineje knihi*, Д. ед. *nanowemu domej, sotřinej knize* и т.д.). Как и прилагательные, они употребляются в атрибутивной функции и в функции предикативного определения (ср. н.-луж. *zagroda je sotřina*).

Слова с указанными выше словообразовательными формантами конкурируют с формами Р. ед. соответствующих имен существительных (*nanowy knigty – knigty nana*). Однако замена слов с данными формантами формой соответствующего существительного в родительном падеже не всегда возможна (ср. *tuta kniha je nanowa*, но не *tuta kniha je nana*). В литературном языке и диалектах данные слова могут соотноситься с личными местоимениями; последние указывают на лицо, принадлежность которому выражена словом с одним из указанных формантов. Ср. н.-луж. *to su našogo nanowe knigty, won (nan) jo je zabyt*. Подобно именам существительным рассматриваемая группа слов может выступать в конструкциях с атрибутом (прилагательным, местоимением, существительным). Ср., например, в.-луж. *mojeje sotřiny džěći* "дети моей сестры", *knjeza wučerjowa kniha* "книга господина учителя", *staršeho synowe awto* "машина старшего сына". Но при этом особенностью данной конструкции является употребление атрибута только в родительном падеже и единственном числе.

Выражение посессивных отношений с помощью указанной конструкции, содержащей генетивную форму атрибута, является характерной чертой серболужицкого языка. В серболужицких литературных языках и диалектах наблюдается процесс адъективизации данной конструкции (ср.

в.-луж. *we mojeje nanowej zahrodźi* вместо *we mojejo nanowej zahrodźi*).

М.А.Журинская (Москва)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС КОНСТРУКЦИЙ НЕОТТОРЖИМОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

1. Посессивное отношение (ПО) может рассматриваться как разновидность атрибутивного отношения (АО), однако следует отметить их существенное семантическое различие.

2. Для этого определим АО как отношение, связывающее две именные группы (ИГ) в одну ИГ таким образом, что одна из ИГ теряет конкретно-референтную отнесенность.

3. ПО соединяет две ИГ таким образом, что конкретно-референтная отнесенность каждой из них сохраняется. Это свойство ПО может быть описано как явление независимой референтности.

4. Независимая референтность двух ИГ имеет место в том случае, если существование одного из них не имплицитует существования другого и, следовательно, каждая ИГ обладает достаточной субституционной свободой по отношению к другой; иными словами, связывающие их селективные признаки достаточно свободны.

5. Самые общие классификации ПО обычно включают значение неотторжимой принадлежности (НП); другие разновидности ПО, как правило, содержательно определяются для любого рассматриваемого языка в отдельности, что препятствует универсальному содержательному определению посессивных конструкций (ПК). При описании ПО выделяются (иногда как третья группа ПК) и конструкции собственно обладания.

6. Такая классификация формально сложна и семантически неоднородна, что затрудняет упорядочивание представлений о значении всех ПК и о правилах их употребления.

7. Предлагается вывести НП из сферы ПО, обозначив НП как партитивное отношение, как разновидность АО, при котором часть определяется через целое.

8. Партитивное отношение соединяет две ИГ в одну таким образом, что их референты зависимы: один является частью другого и не может самостоятельно существовать или функционировать; теряя часть, целое перестает быть тождественным самому себе, что часто проявляется в номинации; таким образом, зависимость характерна не только для референта части, но и для референта целого.

9. Рассматривая все конкретные подтипы НП как случаи выражения отношения партитивности, мы опираемся на процесс грамматической

метафоризации, реализующийся во многих языковых явлениях; ср. развитие временных обозначений из пространственных и причинно-следственных из временных.

10. В языках с посессивными классами ("классических" для определения сущности ПП) зафиксированы многочисленные случаи употребления одной именной основы в разнотипных ПК; все эти случаи получают единую лингвистическую интерпретацию, если НП определяется как разновидность АО.

11. При таком подходе упорядочивается грамматика языков с посессивными классами: вводится единообразная посессивная парадигма и объясняются переходные случаи (так называемая полуотторжимость и, что существенно для гораздо более широкого круга языков, – окказиональная неотторжимость). Существенно и то, что формально конструкции НП в этих языках гораздо ближе к атрибутивным конструкциям, нежели к собственно ПК.

12. Если не считать значение неотторжимости посессивным, то при описании грамматики языков с неявной классификацией ПО можно наметить формальную процедуру, состоящую в том, чтобы признать базовой ПК конструкцию собственно обладания; это даст возможность упорядочить все ПК и по формальному признаку.

Нгуен Хай Зыонг (Москва)

НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Притяжательность во вьетнамском языке может быть выражена посессивным предлогом *của* или порядком слов в беспредложных без *của* именных конструкциях. В предложных притяжательных конструкциях предлог *của* всегда стоит в позиции после определяемого и перед определяющим словами, например: *con gái của mẹ* "дочь матери", *mẹ của con gái* "мать дочери", *sự tàn ác của kẻ thù* "жестокость врага", *hạnh phúc của nhân dân* "счастье народа".

Этимологически предлог "*của*" восходит к существительному "*của*" "имущество", "собственность", которое в результате развития языка стало главным способом выражения посессивности. Притяжательное отношение может быть выражено и порядком слов (без предлога *của*), где определяемое слово всегда стоит перед определяющим; например, в словосочетаниях, передающих партитивные отношения между именными компонентами: *múi thuyền* "корма лодки", *đỉnh núi* "вершина горы", *chân bàn* "ножка стола", *miệng hố* "края ямы", или в устойчивых словосочетаниях, выражающих семейные отношения: *bố chồng* "отец мужа (свекор)".

mẹ chồng "мать мужа (свекровь)", *bố vợ* "отец жены (тесть)", *mẹ vợ* "мать жены (теща)". У исследуемого нами больного-афатика с поражением левого полушария осколком бомбы избирательно нарушается система притяжательных конструкций. Этот больной легко понимает разные притяжательные конструкции с предлогом *của*, но в то же время испытывает большие затруднения в различении и понимании притяжательных словосочетаний, где используется способ передачи притяжательности посредством порядка слов типа *Bố vợ* "отец жены" и *Vợ bố* "жена отца", *mẹ chồng* "мать мужа" и *chồng mẹ* "муж матери". Сочетание *bố vợ* "отец жены" и сочетание *vợ-bố* "жена отца" с обратным порядком слов обозначают совершенно разных свойственников, для него же их референты совпадают в одном и том же свойственнике, так же как словосочетание *Mẹ chồng* "мать мужа" и *chồng mẹ* "муж матери" у него смешивались, обозначая одного и того же свойственника. Больному трудно разбирать значение беспредложных притяжательных конструкций, использующих способ порядка слов, отдельно взятых вне предложения, контекста и ситуации. Он не может различать, какое слово в сочетании является определяющим и какое слово — определяемым, но в то же время он хорошо понимает эти же самые конструкции как *bố vợ* "отец жены" и *vợ bố* "жена отца", *mẹ chồng* "мать мужа" и *chồng mẹ* "муж матери", когда они находятся в предложении в определенном контексте. На вопрос "Мужчина, который приходил к тебе вчера, отец твоей жены (*bố vợ*)?", больной отвечает: "Да, это мой тесть". На вопрос: "Женщина, которая сидела рядом с тобой, это жена твоего отца (*vợ bố*)?", он отвечает: "Да, это жена моего отца, вернее сказать, это моя мать". Эти данные позволяют думать о наличии результатов применения больным различных стратегий работы двух полушарий мозга в процессе понимания вышеуказанных притяжательных конструкций. По данным афазиологии и нейролингвистических экспериментов в левом полушарии хранятся словарный запас и грамматические правила, поэтому левое полушарие может манипулировать словами, выбирая их по парадигматической оси и сочетая их разнообразными способами в предложении по синтагматической оси языка. Так как у больного левое полушарие поражено, он не в состоянии разбирать такие словосочетания как *Bố vợ* и *Vợ bố* в грамматическом плане. В то же время он может понимать значение этих словосочетаний в предложении, прибегая к стратегии работы правого полушария, которое остается у него неповрежденным. В речевой деятельности правое полушарие оперирует целостными высказываниями, рассматриваемыми как глобальные единства, не членившиеся на составные части, и улавливает их значение в целом посредством контекста, ситуации и т.д. Этими рассуждениями можно объяснить противоречивое поведение больного афатика при понимании и непонимании вышеуказанных беспредложных притяжательных конструкций во вьетнамском языке

ЗАМЕТКИ ПО КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ

I. О СВЯЗИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ АФФИКСОВ

1. В языках, где в системе имени есть аффиксы личной принадлежности, они же могут использоваться и для оформления объектного спряжения или таких глаголов, которые, как в хантыйском, связаны с определенным объектом и поэтому относятся к определенно-объектному спряжению; языки типа обско-угорских представляют особый интерес, потому что наличие в них двойного согласования по числам позволяет выявить тождество отношения между обладателем и обладаемым, с одной стороны, субъектом глагола и объектом, с другой. При использовании этих аффиксов в глагольной парадигме (объектного или определенно-объектного спряжения) они могут несколько измениться по сравнению с исходными притяжательными, но различия обычно в целом не существенны и не препятствуют отождествлению обоих типов аффиксов, ср. в хантыйском совпадение аффиксов притяжательности и определенно-объектного спряжения в 1 л. и 2 л. ед.ч. обладателя/субъекта (в дальнейшем о./с.) при ед.ч. и мн.ч. обладаемого и определенного объекта (в дальнейшем о./о.), в 1 л. и 2–3 л. дв.ч. о./с. при ед.ч. и мн.ч. о./о., 1 и 3 л. мн.ч. о./с. при ед.ч. и мн.ч. о./о. и различие лишь в 3 л. ед.ч. о./с.: притяж. *-а* (ед.ч. о.), *-tat* (мн.ч. о.), опр. -об. спр. *-te* (ед., дв., мн.ч.), 2 л. мн.ч. (о./с.); притяж. *-аn* (ед.ч.); *-tat* (мн.ч.о., форма которого обобщена в глаголе на оба числа о.); для дв.ч. о./о. полное расхождение объясняется вытеснением в глаголе особых форм притяжательных аффиксов теми же аффиксами, которые используются и для мн.ч.о.

2. При существовании в языке противопоставленных друг другу (и при этом часто выводимых друг из друга) форм отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности аффиксы, совпадающие с этими формами, могут быть распределены между глагольными парадигмами таким образом, что аффиксы, совпадающие с формами неотчуждаемой ("органической") принадлежности, обычно характеризуют глаголы субъектного (центростремительного или инактивного) спряжения, аффиксы отчуждаемой принадлежности – глаголы объектного (центробежного или активно-го) спряжения. При этом часто аффикс отчуждаемой принадлежности формально может быть выведен из аффикса неотчуждаемой принадлежности: так, в тунгуса префикс инактивных (стативных) глаголов находится в таком же формальном отношении к объектному префиксу переходных активных, как префиксы неотчуждаемой принадлежности – к префиксам отчуждаемой.

3. Аффиксы неотчуждаемой принадлежности характеризуют также и пространственные относительные имена, этимологически нередко связанные с названиями частей тела, но позднее функционирующие в качестве преемств, предлогов или послелогов. В частности, др.-хетт. *katti-ti* "под-(с)-тобой" (< **t*"твоя нижняя сторона"), содержит архаический местоименный аффикс, в древнехеттском функционировавший в конструкциях со значением неотчуждаемой принадлежности и отождествляемый с урал. **ti* < ностр. **ti* в аналогичных предложно-послеложных конструкциях, возводимых к ностратическим. В индоевропейской инактивной серии глагольных форм родственная морфа *-t-* выступает во флексии 2 л. ед. ч. **-t-H-o*, ср. вероятно родственное самодийск. **-ntʒ-*, 2 л. ед. ч. субъектного спряжения (при – позднейшей? – противоположной функции **-ntʒ-* > венг. *-d*, 2 л. ед. ч. объект. спр.) и афр. *-az*, *t-* (:егип. *nt-* в мест. 2 л.?) в формах типа ст. *-akk*, *t-īd-e*: и.е. **woid-t-H-o* "ты знаешь" (с характерной для восточно-ностратических языков суффиксацией при префиксации в западно-ностратических). В таком случае грамматическое противопоставление аффиксов 2 л. ед. ч. и.е. **-t(i)* (личн. мест.; инактив): **-si* (активная серия глагольных форм) восходит к ностратическому различию двух разных местоименных основ (параллель с названием руки, приводившаяся для объяснения этих форм как фонетических дублетов, отпадает, если принять объяснение конечного свистящего в **ʒhes-t-* диссимиляцией). В индоевропейской активной серии флексия 1 л. ед. ч. **-m(i)*, родственная урал. **-m* и картв. **m-* (1 л. ед. ч. в объектном спряжении и в уральском, и в картвельском), согласно описанной типологической закономерности должна быть связана с ностратическим притяжательным аффиксом отчуждаемой принадлежности. По-видимому, этот аффикс был в свою очередь образован от аффикса неотчуждаемой принадлежности, представленного в др.-хетт. *-mi-* (*katti-mi* "подо мной", ср. венг. *alatt-am* со сходной структурой при обратном порядке в юкаг. *met-al* "подо мной"), урал. **-mi* (> венг. *-m*), алт. **-mi-* (> тунг.-маньчж. **-bi-*, противопоставленное образованным от него формам со значением отчуждаемой – "косвенной" принадлежности). В отличие от алтайских уральские и анатолийские языки не имеют морфологических способов выражения отчуждаемой принадлежности, что ведет к изменению функционирования архаических притяжательных аффиксов типа др.-хетт. *-mi*, венг. *-m*.

4. Если правильно выделение в и.е. инактиве 1 л. ед. ч. **-H(H)o* (:урал. **-kkʒ*, 1 л. ед. ч. субъект. спр.), **-H-w-* (:картв. **H-w-*, 1 л. ед. ч. субъект. спр.), 2 л. ед. ч. **-t-H-o* (:картв. **H-* 2 л. ед. ч. субъект. спр.) аффикса **-H-* (урал. *-k-*), выступающего в разных лицах и наклонениях (и.е. **-H-*: урал. *-k*, юкаг. *-k* во 2 л. ед. ч. повел. накл. субъект. спр. и возможно и.е. **-H-*: урал. *-k* в 3 л. ед. ч., ср. венг. *-ik* в рефлексиве), то этот

аффикс, как не имеющий личной соотнесенности, не связан с лично-притяжательными местоименными морфемами. Для его объяснения скорее целесообразно типологическое сравнение с самодийскими языками, где суффиксы субъектного спряжения совпадают с суффиксами для предикативных форм имени, тогда как суффиксы объектного спряжения совпадают по указанной закономерности с притяжательными. Сходное соотношение реконструируется и для енисейских источников кетских глагольных рядов Д и Б и для юкагирского соотношения непереходного процессива с ремо-субъектной формой переходных глаголов, в тундренном диалекте, сходной с формами притяжательными (Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л. 1982, с.210), что позволяет думать об отражении в енисейском, самодийском и юкагирском ареального явления. Поскольку аффиксы отчуждаемой принадлежности могут (как в тунгусо-маньчжурском) оформлять предикативные формы имени, последние могут восходить к первым.

5. Истолкование индоевропейской неактивной серии согласовалось бы с давним предположением о том, что она представляет собой именные формы, втянутые в глагольную систему. Поэтому близкую аналогию можно было бы видеть в аккадском стативе и в египетском "псевдопартиципе" – форме качества и состояния, образованной от глагольных имен (с местоименными суффиксами прямого падежа) и противопоставленной собственно активным глагольным формам посессивного происхождения с притяжательными суффиксами; к втягиванию причастных форм в глагольную систему путем присоединения местоименных (притяжательных) аффиксов типологические параллели можно привести из текстов хантыйских обрядовых песен. В восточном мивок глаголы в зависимости от времени и наклонения спрягаются либо с помощью аффиксов, совпадающих с притяжательными (*hywat* – **any*–? – *maš* "мы бежали" = "это наш бег в далеком прошлом"), либо по тому же типу, что и предикативные формы имени (*nay?*–*e*–*te*–? "я недавно ругался"). Это можно сопоставить как с индоевропейским и угорским противопоставлением внутри одной парадигмы форм одного глагола, построенных по активному и неактивному типам, так и с хурритской глагольной системой, где спряжению форм изъявительного наклонения, субъектные суффиксы которых совпадают с именными притяжательными суффиксами (ед.ч. 1 л. *-i*, 2 л. *-w*, 3 л. *-y/a*, мн.ч. 1 л. *-f-z̄*, 3 л. *-y/a-z̄* с плюрализатором *-z̄*, функционально близким к и.-е. *-s* в 1 л. мн.ч. **-me-s*, *-s-me*), противопоставит спряжение модальных и отрицательных форм, имеющих в ед.ч. показатель *-i/e* во всех лицах (ср. функцию и.-е. **-H-* в неактиве).

6. Типологическое сходство хурритской системы притяжательных суффиксов со значением неотчуждаемой принадлежности с древнехеттской определяет сходство как целых парадигм (хурр. *tiš-i-ffe* "сердце

мое", *tiš-iw* "сердце твое", *tiši-ya-z̄* "сердце их": др.-хетт. *kir-mit*, *kir-tit*, *kir-šmit*), так и однотипных конструкций (в частности, с пространственными именами: др.-хурр. *ištani-ffa-za* "между нас", *istani-ya-za* "между них" — др.-хетт. *ištarni-šummi*, ср. основу рус. *сторона*), что скорее всего свидетельствует о результатах ареального контакта (сходной является и структура староаккадских форм с притяжательными суффиксами типа *libba-ka*: др.-хетт. *kir-tit* "сердце твое", акк. *itti-ja* "со мной" от *ittum* "сторона", *elliti-ja* "кроме меня" от *ellum* "верх", ср. др.-хетт. *šer-šit* "за него" от *šer* "верх" и т.л.). В какой мере и сходство в истории глагольных систем тех же языков может объясняться ареальными контактами, остается задачей для будущих исследований, которые могли бы ответить и на вопросы о целесообразности понятия "посессивного типа" конструкции (и языка) и о причинах относительно позднего возраста морфологической дифференциации имени и глагола, имени и служебного слова в значительном числе указанных языков, история которых может быть прослежена на больших отрезках времени.

II. ЧАСТИ ГРОТЕСКНОГО ТЕЛА КАК ОТЧУЖДАЕМАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

В мифопоэтическом мышлении части космического (гротескного в широком смысле) тела (Первочеловека) могут реализовываться как отдельные (соотнесенные с ними согласно символической классификации) явления мира, оставаясь в то же время принадлежностью целого, как в хеттском ритуале KUB XVII 29 II 9 —: ANA d^{u} ŠKUR ZAGHI. A us génu KASKAL-aš-ma-šši UZUGAB nu mán ZAG-an kuiški par(a) šzi nu d^{u} -an génu-š-uš dariya-nuzi mán KASKAL-an-ma kuiški par(a) š zi nu d^{u} -an UZUGAB dariyanuzi "Для Бога Грозыграницы — колена, путь же — грудь у него. И если кто-нибудь нарушит границу, тот обременит коленный сустав Бога Грозы (видимо, притяж. энклит. мест. вин. п. мн. ч. од. р. -š-uš "его", если не основа на *-u-s- типа славянских названий частей тела на *-s-); если же кто-нибудь нарушит путь, тот обременит грудь Бога Грозы" (в обоих случаях использована обычная по отношению к частям тела в хеттском, как и других древних индоевропейских языках, партитивная аппозиция, в которой названия части тела и его владельца синтаксически равноценны по своим валентностям: буквально "обременит Бога Грозы — обременит грудь"). В то же время каждая из основных частей тела (и души) человека может иметь собственное божество: хет.-лув. d^{u} Šakuwa-ašša- "Глазное (Божество)", d^{u} Ištaman-ašša- "Ушное (Божество)", d^{u} Hant-ašša- "Лобное (Божество)", d^{u} Istanza-šši- "Духовное (Божество)" (по-видимому, собственно лувий-

ская форма при хет.-лув. *ištanžana-šša-*, Во 407 Vs. 10, ср. лув. *dLal-ašši* "Язычное Божество"; во всех случаях суффикс лувийского происхождения, генетически соответствующий и.-е. **-sk-*, отраженному в той же функции в армянском, славянском и тохарском, где, как и в лувийско-ликийской диалектной группе, прилагательные принадлежности типа ст.-слав. **АЗЫНЬСКЪИИ** "язык-еский" заменяли притяжательные конструкции с род.п., в чем можно видеть синтаксический архаизм); мон. *Ntsuj muag* "Дух глаз", *Ntsuj ntsej* "Дух ушей", *Ntsuj taw* "Дух ног", *Ntsuj tes* "Дух рук", выступающие в ритуале в качестве помощников монского шамана — хозяев частей тела, типологически сходных с духами (*nyрба*) — хозяевами частей тела (ног, ногтей, волос, зубов, костей, сердца) в южноамериканском ритуале (*Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М. 1983, с. 168, 350, прим. 114) и духами — "караульщиками" частей тела (кости рук, плеч), изображаемыми скульптурными фигурами на шаманской одежде у эвенков и нганасан.

Каждое из таких божеств (или духов) и соответственно воплощаемая им часть (гротескного) тела может отделяться от целого (обычно с ущербом для последнего) и существовать отдельно, как рука египетского бога Гора; глаза и сердце Бога Грозы, отнятые у него змеем и возвращенные победоносным Сыном Бога, в хеттском мифе; глаза, которые при увлечении обменами теряет трикстер Койот; глаз Одина у корней Мирowego ясеня в "Эдде" и т.п. Параллель этим мифопоэтическим сюжетам представляют такие литературные, как "Нога" Фолкнера, "Нос" Гоголя (психологический комментарий к которому дают письма Гоголя из Рима, где он говорит о своем "неистовом желании превратиться в один нос, чтобы не было ничего больше — ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного только большого носа", ср. пожелание у Катюлла: *"totum ut te faciant, Fabulle, nasum"*) и описанные в вариантах его Вяч. Добычина: "состоявшее из одних только глаз с ресницами", "состоявшее из одних ног", подобные образам "Так говорил Заратустра" Ницше: *"Menschen, welche Nichts weiter sind, als ein großes Auge oder ein großes Maul oder ein großer Bauch... das ist ein Ohr! Ein Ohr, so groß wie ein Mensch!"*, ср. "чтобы были одни сплошные губы" у Маяковского.

Особую силу прозрения можно видеть в "Истории одной контроктавы" Пастернака: "Он подпер правой рукой голову и другою рукой с движениями левши стал гладить по-праздничному принаряженное тельце... Но как он вздрогнул, когда сквозь темную толщу своего забытья он заметил, что делает с телом ребенка тайком от него, его собственная левая кисть! Он поспешно отдернул ее. Он оторвал ее от тела сына, так, как отрывают всползшую гадюку или как, обжигаясь и дую на пальцы, убирают каминную головешку с ковра. Рука ласкала сына в октавах: она брала октавы на нем". Поведение обезумевшего органиста,

нечаянно убившего сына своей игрой на органе, для современного нейропсихолога безупречно точно описано как патологическое разъединение частей сознания, соотносимых с двумя полушариями: правым -- ведающим музыкой и левой рукой, которая продолжает брать октавы, и левым -- речевым, воспринимающим эту руку как чужую. Восприятие левой стороны тела как не своей, чужой -- обычный симптом поражения правого полушария. Но позитивная оценка именно маркированной правой руки, а не левой, закреплена как норма в языке (баск. **esku-on* > *eskuin* "хорошая > правая рука", конго *kooko kwa ñnéne*, зулу *isandla sokunene* и аналогичные обороты в других языках банту, восходящие к **néne* "большой" > "правый"), мифах, обычаях и за некоторыми локальными исключениями (керес, зуны, восточноафриканский ареал, древнекитайская традиция) является почти универсальной. Это может вести и к ритуальной деформации негативно оцениваемой левой руки (у нуэр); возможно, что со сходным кругом представлений связан и распространенный в Африке обряд удаления одного из яичек (у готтентотов в древности левого). Иначе говоря, рано утверждающаяся в архаической культуре левополушарная установка может вести не только к ритуальному ограничению (почти повсеместному), но и к частичному ритуальному отчуждению левой стороны тела. С характерной метонимической левополушарной установкой на деталь, противоположной целостному правополушарному восприятию схемы тела в его единстве с внешним миром, можно связать и вычленение отдельных частей внутри космического (гротескного) тела, выражающееся в их изображениях в первобытном искусстве, в особенностях синтаксиса древних языков (таких, как партитивная аппозиция) и в мифопоэтических сюжетах, основанных на отчуждении частей тела. Наблюдаемый в онтогенезе ранний переход к левополушарному языку от закрепляемой в правом полушарии архетипической жестовой системы описания мира через собственное тело, по-видимому, имеет аналоги в филогенезе *Homo Sapiens*.

Типологически с архаической левополушарной установкой могут быть сближены и некоторые характерные явления культуры XX в., такие, как гиперболизация отдельных частей гротескного тела в сюрреализме (и предшествовавших ему течениях, ср. трагедию "Владимир Маяковский") и их функций в психоанализе (которому можно найти параллели в мифопоэтических сюжетах, в частности, североамериканских индейских). Специфической новой проблемой (обсуждающейся пока только в специальной медицинской и научно-фантастической литературе, например, у С. Лема) является степень неотчуждаемости вспомогательных устройств (таких, как экзоскелеты и эндопротезы), которые могут оказываться новыми составными частями тела. Эта проблема представит особый интерес по мере распространения персональных компьютеров

и постепенного переноса на них значительного числа интеллектуальных функций личности, которая без компьютера во многих отношениях может оказаться беспомощной.

III. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В НОВОМЕЛАНЕЗИЙСКОМ

В новомеланезийском (официальное обозначение государственного языка, ранее называвшегося *pidgin English*) любое отношение принадлежности выражается посредством служебного слова *belong*, ср. *Me talk along some fellow story belong me belong think think belong me* "Я хотел бы поговорить об истории моей жизни, о моих идеях (моей душе и разуме)" (текст *Paliau* и перевод термина *think think* согласно *Mead M., Schwartz T.* *The cult as a condensed social process. — In: Group processes. Transactions of the Fifth conference, N.—Y. 1960, pp.125,167*), *along some fellow fashion belong me fellow* "на наши обычаи", *fashion belong white man* "обычаи европейцев" (*Mead M. Letters from the field 1925–1975, N.—Y. 1977, p. 64*), *talk talk belong bloody father* "болтовня проклятого пастора".

Для общей теории аллогенетического родства креольских языков существенно то, что *belong* по функции совпадает с австронезийскими универсальными показателями отношений принадлежности (типа тагальск. *no, nang*, ср. яп. *no?*), а по форме и происхождению — с исходным английским словом (знаменательным, а не служебным).

IV. О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ НЕОБЛАДАНИЯ (ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ)

1. Наряду с широко распространенным (в частности, и в современных европейских языках) аналитическим способом обозначения необладания предметом или свойством (посредством служебного слова, например, предлога типа "без") часто представлен и способ синтетический: суффикс типа англ. *-less*, приближающийся к грамматическому благодаря почти неограниченной широте его употребления (*hat-less* "без = не имеющий шляпы", *spoon-less* "без ложки", *eye-less* "безглазый" и т.п.), нередко обыгрываемой стилистически; ср. в обско-угорских языках *nomina caritativa* типа хант. *sām-ta* "без сердца", *kaś-ta* "без удовольствия = мрачный". Суффиксы необладания часто могут быть возведены к древнему сочетанию с постпозицией самостоятельного слова, как это предполагал Рамстедт по отношению к др.-тюрк. *-syz* (*idi-siz*

"без хозяина", *bilig-siz* "лишенный разума"), чув. *-sar*, монг. *-sar*. По отношению к баскским *nomina caritiva* типа *etchea-gabe* "без дома" происхождение из аналитических сочетаний доказывается относительно свободным порядком элементов в предложении: ср. *nehondik neholere ez gintazken emazte bat etchean gabe bizi* "нигде и никак не могли бы мы без (*gabe*) жены (*emazte*) в доме жить". В нивхском вспомогательные глаголы с отрицательным значением типа *l̥h̥əɟ* сохраняют частичную синтаксическую самостоятельность: *if mu-ti-l̥h̥ər jagur qonəɟ* "он, лодки не имея, как поедет", *kis-ti-h̥əɟ* "без грязи, не грязный". Точно так же общеиндоевропейские привативные образования типа **ǵ-ǵnoH-t-* > греч. ἄ-γνωτος, др.-инд. á-jñā-ta, тох. А ā-knats, В a-knatsa "незнающий" возводятся к древним словосложениям с начальным отрицанием, некогда бывшим самостоятельным словом; юкагирский префикс *эл'*, *эл-* в качественных глаголах необладания (*эл' -ар̥-д'а* "немой", колым. диал. *ал-аң-д'эј* "слепой", ср. *эл-аң-д'э л'эјэ. Мэт кодэ аң-дэттэм?* "без глаз живу я. Я как глаза приобрету?"), по-видимому, родственно урал **älä/ela* < ностр. **älä*, частица категорического отрицания (обычно препозитивная, ср. хет. *le*, аккад. *ul*, монг. *üle*). Самостоятельные глагольные формы с отрицательным суффиксом характерны для древнеяпонского: *котозса-ну кути* "безгласный = неотвечающий рот" (Кодзики), *котозова-ну ки-ни-ва* "(пусть будут хоть)-безгласным деревом" (*Манъесё*, т. V, № 811).

2. К числу языков Сибири, в которых суффиксальный способ выражения необладания полностью грамматикализован, принадлежат енисейские. Уже для общенисейского восстанавливается в значении каритива (лишительного падежа) сочетание со связанной морфой **-pan*, *-pun* > кот. *-fan*, *-fun* (*šincēt-fun* "без соли", *tagai-fun* "без головы", *alup-fun* "без языка", *anajai-fun* "без мысли, тупой", *hapar-fun* "бесхребетный = гнилой", *tês-pun*, *tês-fun* "без глаз, слепой", позволяющее реконструировать источник, из которого заимствовано хет. *dašuwant-* "слепой", ср. сходство хат. *alip* "язык": кот. *alup*, а также возможность сопоставления кот. *aram-fun* "больной = без членов *-araŋ*": хет. *erman* "болезнь", *irma-la-nt-* "больной" при альтернативном объяснении хеттского слова не как заимствования из северо-кавказско-енисейского, а как родственного вед. *arma-* "болезнь — о глазе", употребляющегося в заговоре "Атхарваеды"), сым. *-fan*, кет. *-(h)an* (с алломорфой *-pan*). В енисейском эта форма необладания противопоставлена форме совместно-орудного падежа на **-pa-s'* > кот., сым. *fa-s'*, кет. *-(h)an(-pan)*, ср. *ampas* "с матерью" (> *ammās'*), *ampan* "без матери" (у Кастрена) > *ammaŋ*. Поэтому оппозиция обладания: необладания (типологически сходная с юкагирской) первоначально выражалась флексиями *-s'*: *-n*, для первой из которых можно найти параллели в сино-тибетском (в том

числе и в сходной комбинации с предшествующим *pV- в классическом тибетском), северо-кавказском, а также баскском (-z) и бурушаски. Кот. *kalk-ul* "глухой = без уха (*kalox*)" представляет собой заимствование из восточно-ностратического (алтайского) с той же внутренней формой, что и собственно кот. *těš-pun* "слепой", юкаг. *эл'-морин-д'эй* "глухой = безухий", хант. *pät-w* "глухой = без уха", *sem-tə* "слепой = без глаз", чем демонстрируется единство значения и порядка элементов (независимо от их генетической принадлежности) суффиксальных форм обозначения необладания в палеосибирско-центральноазиатском ареале.

V. УПОТРЕБЛЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОРФЕМЫ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В АБХАЗСКОМ

Услар (а вслед за ним Мещанинов в двух своих книгах, где он обсуждал типологию possessивной конструкции) первым обратил внимание на замечательную особенность абхазского языка, использующего морфему *тə(ы)* "собственность" (абаз. *тIв(ы)*, тапант. *чIв(ы)*) как в именных притяжательных формах (абх. *с-тəы* "моя собственность", абаз. *(са)счIвы*, абх. *у-тəы* "твоя -мужчины-собственность", абаз. *(уа)учIвы*, абх. *б-тəы* "твоя-женщины-собственность", *и-тəы*, *а-тəы*, "его собственность" с двумя вариантами по "классам", *л-тəы* "ее собственность", *х-тəы* "наша собственность", *ш-тəы* "ваша собственность", *с-ха-тəы* "мой собственный", *у-ха-тəы* "твой собственный" и т.п., *сы-з-тəы-да* "чей я?" и т.д.), так и в соответствующих производных глагольных: *с-тəо-уп* "у меня есть, я владею", *у-тəо-уп* "ты (мужчина) имеешь", *б-тəо-уп* "ты (женщина) имеешь", ср. в переводе из Пушкина:

Ибыхы стакуаж кырзбахьоу

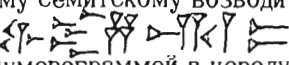
Ауенцъыр азъ зымт бара б-тəо-уп?

Соответствующая глагольная структура может включать показатели объекта, предшествующие показателю субъекта: *и-стəо-уп* "он моя-собственность-есть" = "я-его-имею", *у-с-тəо-уп* "ты-моя-собственность-есть" = "я-тебя-имею", ср. в нартовском эпосе: *Дыснааир, шэара сышэ-тэ-уп* "Если победит он, что ж, я ваша" ("Нартааи аиргы", "Побежденные женщинами"). Такие существительные, как *и-з-тə-у* "владелец" (*адгъыл этэу* "землевладелец", *ашэку этэу* "владелец книги") образованы от глагольной основы, что видно из наличия объектного *и-*. Предстоит выяснить, является ли совпадение этого способа выражения обладания с китайским посредством служебных слов типа др.-кит.

И > *цзюэ*, *З* *чжи* (из китайского заимствованных и в другие языки, испытавшие китайское культурное влияние) чисто типологиче-

ским или объясняется общностью исходной морфемы со значением обладания (сходство др.-кит. $\begin{matrix} \text{子} \\ \text{母} \end{matrix}$ $\begin{matrix} \text{?} \\ \text{?} \end{matrix}$ *цзюэ* с абаз. *mlv-*, *чlv-*, абх. *ма-* может отражать и единый общий источник, что представило бы интерес и для расширения лексических данных для решения вопроса о происхождении лабиализованных в абхазо-адыгском).

VI. К ПРЕДЫСТОРИИ СОЧЕТАНИЯ СЫНЬ ЧЛОВЕЧЬСКЪ

Ст.-слав. СЫНЬ ЧЛОВЕЧЬСКЪ представляет собой нормальную и архаичную, (ср. точное генетическое соответствие ст.-слав. ЖЕНЬСКЪ, рус. *женский* < **žen'skǫ*; ЖЕНА (акц. пар. (*b*) – тох.А *šnašš-i* женский' < **g^wen(oH)-ǫsk- ~ sāṃ* < **g^wénoH* при функционально соответствующем род. п. др.-инд. *gnāḥ* (им.п. *jāni ḥ*, др.-ирл. *mna*: им. *ben*) передачу конструкцией с притяжательным прилагательным греч. род. п. $\delta \text{ υἱ} \delta \varsigma \text{ τοῦ } \text{ανθρωπου}$, которое в свою очередь переводило араб. *bar 'enas* (𐤁𐤓𐤏𐤃𐤃, 𐤁𐤓𐤏𐤃𐤃). В свою очередь прототип этой и других аналогичных семитских конструкций со значением "сын человека" можно видеть в шум. *DUMU. NAM. LŪ. ULŪlu*. Либо к тому же шумерскому первоисточнику, либо к промежуточному семитскому возводится и внутренняя форма хат. *wa-az-za-ti-ú-un-pi* , которое переводится именно этой шумерограммой в чередующейся с хаттской хеттской строкой двуязычного царского ритуала KUB XXXVIII 1 Rs. IV 38–40. По-видимому, хаттскую форму можно истолковать как форму с собирательным префиксом мн.ч. I класса *wa-* от *zari-* "человек" (родственно о.-даг. **švr-*, ср. лув. *ziti*, известное и в ономастике Эблы, урарт. *tar-šua*?) с окончанием род.п. *-un* и либо последующим *pi* "но" (= хет. *ma*), либо ошибкой писца, принявшего за это слово находившееся в оригинале *pin* "сын". При последней интерпретации, предложенной Камменхубер, хат. "сын человечества", а при первой интерпретации – род. п. "человечества" используется в значении шумерограммы и, следовательно, говорят о широком распространении на Ближнем Востоке уже в III–II тыс. до н.э. конструкции с данным значением. Предлагаемое сближение представляет тем больший интерес, что само хат. *pin(u)* "сын" (и родственное адыг., кабард. *бывн-* "семья, сыновья") происходит из семит. **bīn*; выделение классного префикса *p-*, откуда хат. *inu*, аналогично выделению в суахили классного префикса *ki-* в *ki-labu* < *club* "клуб": *vi-labu* и т.п.

VII. К РЕКОНСТРУКЦИИ ИСХОДНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА БАЛТО-СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКОГО СОЧЕТАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО С МЕСТОИМЕННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ – "УДАЛИТЕЛЕМ" В ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ

Развитие многократно высказывавшегося (в том числе в забытой работе Ван Вейка) сопоставления германского различия слабых и сильных форм прилагательных с балто-славянским противопоставлением "нечленных" и "членных" (сочетающихся с местоимениями) прилагательных приводит к реконструкции сочетания с **(y)o* как местоименным элементом – "удалителем" (*distanciateur*), постпозиция или препозиция которого зависит от диалектов (*Haudry J. Les deux flexions de l'adjectif germanique. – BSL, 1981, t. 76, fasc. 1, pp. 191–200*). Тот же элемент реконструируется и для индоевропейских истоков восточно-балтийского дебитива (**yo bhūH-* и т.п.), причем последняя конструкция по позиции **yo* перед глаголом совпадает с аналогичным афразийским сочетанием **ya* с глагольной формой, что делает правдоподобным наличие общезападностратического синтаксического прообраза. Этот вывод оказывается возможным распространить и на именные конструкции с и.-е. **yo*, афраз. **ya*, что дает существенное удревление тех синтаксических сочетаний, на которых были основаны как балто-славянские местоименные прилагательные, так и греч. -индо.-ир. род. пад. **-s-yo* и другие морфологические способы выражения притяжательных и (семантически к ним близких) отношений, содержащих "удалитель" **(y)o*. Нетривиальность полученных результатов (сходных с совпадением выводов о положении начального афраз. **tV* и и.-е. **to*) заключается в том, что тем самым доказывается и большая древность конструкций с и.-е. **yo-* по сравнению с и.-е. **kʷ-*.

VIII. ПОСЕССИВНЫЙ ПЕРФЕКТ И СЛОВАРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГЛАГОЛА "ИМЕТЬ"

В многочисленных исследованиях нескольких последних десятилетий выявлена типология посессивного результативного перфекта, параллельно развивающегося во многих языковых ареалах. При грамматикализации используемого в этой функции аналитического сочетания неличной формы полнозначного глагола с личной формой глагола "иметь" происходит изменение последнего. Он либо расщепляется на два функционально различных варианта одной лексемы: др.-хет. *ḫark-* "держать" (*nu ki-iš-ša-an A. WA. AT A. B1. YA ar-ḫa-a-an ḫar-te-ni-i*. КВо XXII 1 Vo

30–31 "Теперь так слова отца моего нарушите ли вы?", буквально "будете ли вы держать прочь" с архаическим пространственным именем ср.р. *arhan* с интонацией типа вед. *pluti*, как и в конечном слоге глагольной формы по Уоткинсу; конструкция аналогична антонимичному *kiškan AWAT ABI-ya paḥsanuttan* "так слово отца храните", где *paḥš-* "хранить (слово)" индоевропейский архаизм, отраженных в том же контексте и в тохарском и славянском; наличие конструкции уже и в дописьменной традиции свидетельствуется ее употреблением в архаическом погребальном гимне *ku-un-na-wa-aš-ši Ū. SALLAM dUTU-uš a-a-ra i-ya-an ḥarak* "Солнца Бог, ему по праву приготовь ты этот луг" KUB XXX 24 Vs. II 1; в обоих последних случаях личная форма глагола безударна, что говорит в пользу переноса тона на предшествующие причастия *ḥazzian, iyan* (акцентуационно объединяемые с личной формой), восходящее во всяком случае ко времени хетто-италийских диалектных связей, ср. хет. *pe ḥark-*: лат. *porceo* < **po Hork-*, "иметь" в качестве служебного слова в аналитической форме перфекта (в др.-хет. *na-at-ta-ša-ma-aš LU.MEŠDUGUD-aš TUP.PI ḥa-az-zi-an ḥar-zi* "Вписал ли он вас в табличку сановников?", КВо XXII 1 Rs. 23'), либо заменяется другим глаголом. Этот последний в полнозначной лексической функции может быть, в свою очередь, аналитическим сочетанием исходного глагола с другим полнозначным значением: англ. *have got* "иметь" (с семантическим развитием, аналогичным типологически близким японским результивным формам, детально изученным в труде А.А.Холодовича по японскому глаголу). Но в лексической функции может использоваться и синтетическая форма глагола, приобретшего вторично значение "иметь" (< "держат"), ср. стилистическую игру на соположении исп. *tener* (лексическая функция, в том числе во фразеологизмах) – *haber* (грамматическая функция) в смежных предложениях: *Ellos tenían la culpa de su vigilia. Ellos que habían transmitido esa belleza invariable; Ahora no tenía que sufrir esos insectos subcutáneos. Su belleza se había derrumbado* или в близко расположенных фразах: *Volvió a tener miedo... Y pensar que todo eso había sucedido tan inocentemente; ¿Por qué tenía que sentir deseos de comerse un ratón... Nada había que tener* (Marquez G. G. *Ojos de perro azul*. Bogotá 1979, pp. 31, 37, 39, 41). Описываемое явление представляет собой аналог фонологического расщепления (дивергенции) фонемы на две фонемы.

IX. ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК ПОДМНОЖЕСТВО ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1. Вхождение терминов родства в семантическое поле относительных (в смысле Филмора) имен существительных особенно ярко обнаруживается в их супплетивизме в зависимости от сочетаемости с притяжательными местоимениями, ср. в нганди (префигирующий австралийский язык) *nana* "мать", *wawa?* "старший брат" (при местоимении I л.): *nele*, *yawuyu* (соответственно при 2–3 л.), а также вообще в зависимости от социального контекста общения (чем, в частности, объясняется супплетивизм форм взрослого и детского языка: *отец* – *nana* и т.п.). Неотчуждаемость фиксируется по отношению к свойству терминологически. В древнеближневосточных мифологиях обыгрывается тема неотчуждаемости своего семени (мифы о Горе и Сете, Кумарби и т.п.).

2. Хотя биологические истоки категории притяжательности несомненны в свете данных приматологии (*Zukerman S. Biological basis of the sense of property. – In: The social life of monkeys and apes. L., Boston and Healy: Routledge and Kegan Paul, 1981, pp. 405–422*), очеловечивание (а по Рейнолдсу и развитие мозга *Homo Sapiens*) было связано со становлением систем родства, включающих эту категорию. В частности, в архаических обществах и имущественные (в том числе территориальные, имеющие наиболее древние дочеловеческие корни) отношения определялись через родственные. Поэтому реконструкция типов систем родства по лингвистическим данным является одним из наиболее надежных средств восстановления социальной истории человечества.

Отмеченный Леви-Строссом параллелизм между космогоническим мифом, построенный по древнегреческому образцу (с семейством богов), и системой родства, предписывающей хронологическое понятие времени, у хопи, и отражение союзов как возрастных классов в мифах шеренте может дать ключ для понимания древних истоков того шумеро-хуррито-хеттского цикла мифов о смене поколений богов на небесах, который позднее преобразился в "Теогонию" Гесиода.

3. Исключительный интерес представляет сохранение в лувийско-ликийском и.-е. **d^hugh^h-(e)g-* > лик. *kbatr-u* "дочь" с характерным для этой группы развитием **du-* > **ku-* > *kb-*, как в лик. *kbi*. (мил. *tbi*) "2", лув. *kuwaya-* "бояться" (> иер. *hwa-*) < и.-е. **dyei-* (тох. *wi-*, гр. *δαίδω*, ав. *dvaēθā*, арм. *erkn-čim*; сравнение с лувийским проясняет происхождение слова и следовательно, наличие в этой диалектной группе древних индоевропейских классификационных имен родства с суффиксом *-ter-*, относительным по самому его исходному значению (ср. также отражение того же суффикса в изолированных хеттских архаизмах типа *weš-tar-* "пастух": авест. *vas-tar-*, а также хет. *katt-era-* "нижний"), замену

которых (в частности, словами "детского" подъязыка, различающимися по анатолийским языкам: хет. *atta*, лув. *tati-*, пал. *papa* "отец" и т.п.), следует отнести ко времени после общелувийского. Вместе с тем только в др.-хет. *neka-* "сестра, младшая родственница женского пола", *anna-neka-* "младшая родственница матери", лув. *anni-niya-mi* (*niya-* < **ne^ho-*) сохранился классификационный термин, обозначающий младшую родственницу в двух поколениях по типу омаха-кроу, возведение которого к общеиндоевропейскому и далее ностратическому доказывается наличием тунгусо-маньчжурского (негид. *nəx ú* "младшая" сестра и т.п.) и уральского соответствий (самод. "молодая женщина", фин.-уг. "жена": венг. *nő* и т.п.). Перестройка и замена названий "сестры" (в частности, образовавшихся посредством терминов с суффиксом существ женского пола *-*sor*:**swe-sor-* "женщина своей социальной группы", ср. кроме других возможных соответствий заимствованные -?- сван. *hašuš* "женщина, молодая женщина"; иер. лув. *hasu-sar*, хет. *hašušara* "царица", ср. вероятное отражение и.-е. **ter* в сванских терминах родства *diu-tra*, *muu-tra*, *gezalū-tra*) и "брата" в анатолийском, как и в других индоевропейских диалектах, объясняется движением от системы типа омаха-кроу, в которой эти названия относились и к параллельным кузенам, к системам, где число референтов этих слов сужено (Иванов В.В. Из этимологических наблюдений над балтийской лексикой. I. Латыш. *māsa* "сестра" и индоевропейские названия "сестры". – *Zeitschrift für Slavistik*, 1974, Bd. XIX, Hf. 2, SS. 190–195; *Barlau S.B. Old Icelandic kinship terminology: an anomaly.* – *Ethnology*, 1981, vol. 20, N 3, p. 198). Свидетельства пережиточных языковых обозначений кросс-кузенов типа лат. *avunculus* в отдельных индоевропейских традициях поддерживается многочисленными этнографическими следами авункулата. Неслучайно классификационный характер общеиндоевропейской системы родства был более полувека назад открыт не лингвистами, а этнологом Хокартом, чья идея долго оставалась незамеченной.

А.А.Ким (Томск)

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Разумая под лингвистическим термином "грамматическая категория" класс однородных грамматических объектов, категорию притяжательности в селькупском языке следует трактовать, прежде всего, как словоизменительную морфологическую категорию. Материально она реализуется системой специальных формантов, показывающих на принадлежность лица или предмета определенному лицу. Поскольку эти форманты

способны выражать принадлежность лишь определенному лицу (1, 2, 3-му л.ед., дв., мн.ч.), то данная категория именуется лично-притяжательной, а ее выразители — лично-притяжательными суффиксами. Однако в селькупском, как и в любом другом языке, возникает потребность передавать отношения предметной принадлежности, т.е. такие отношения, когда требуется показать притяжательную связь между двумя предметами. Специальной морфологической категории для выражения предметной принадлежности в языке нет. В смысле материальной реализации под предметной принадлежностью понимается совокупность доминирующих форм выражения синтаксических отношений атрибутивности. Предметная принадлежность в селькупском находит свое выражение в определительных именных сочетаниях, где на первом месте стоит определение-обладатель, на втором — определяемое-обладаемое.

2. В селькупском языке выделяются две группы лично-притяжательных суффиксов. 1-я группа сочетается с именами существительными в основном падеже и с другими частями речи, если те субстантивируются и используются в предложении в качестве подлежащего. 2-я группа сочетается с именами существительными в основном падеже и с другими частями речи, если те субстантивируются и используются в предложении в качестве подлежащего. 2-я группа сочетается с именами существительными в косвенных падежах. Лично-притяжательные суффиксы 2-ой группы широко представлены в падежных формах личных местоимений и местоимениях с основой на *-on*; содержатся в составе послелогов, послеложных местоимений; могут присутствовать в субстантивированных инфинитивах, количественных и порядковых числительных. Выявленные группы лично-притяжательных суффиксов можно генетически связать с личными и указательными местоимениями, а также с личными окончаниями глаголов. Причем лично-притяжательные суффиксы 1-ой группы материально совпадают с глагольными формантами объектного спряжения, а лично-притяжательные суффиксы 2-ой группы — с некоторыми глагольными формантами субъектного спряжения.

3. Лично-притяжательные суффиксы, сочетаясь с различными частями речи, являются показателями былого субстантивного употребления слова (инфинитивы, послелоги) или позднейшей его субстантивации (качественные прилагательные). Своеобразное употребление лично-притяжательных суффиксов с именами существительными позволяет говорить о противопоставлении двух падежей в лично-притяжательном склонении: основного (он представлен 1-ой группой лично-притяжательных суффиксов) и косвенного (он выражен 2-ой группой лично-притяжательных суффиксов).

4. Материал селькупского языка свидетельствует о том, что значение лично-притяжательных суффиксов не может быть сведено только к выражению отношений притяжательности или обладания. Следует различать три основные функции лично-притяжательных суффиксов в селькупском языке: а) обозначение принадлежности, б) обозначение лица, в) обозначение детерминации. Дифференцировать эти функции позволяет контекст.

5. Категория притяжательности в селькупском языке может передаваться не только лично-притяжательными суффиксами, но и различными притяжательными конструкциями. Последние непременно содержат два компонента – обладатель и обладаемое. Если обладатель выражен личным или возвратно-притяжательным местоимением, то конструкция передает личную принадлежность. Если обладатель выражен именем существительным, то конструкция передает предметную принадлежность. Различаются следующие конструкции личной принадлежности: 1) личное местоимение в родительном падеже + имя существительное (в безличной или лично-притяжательной форме); 2) личное местоимение в местно-личном падеже + имя существительное (в безличной или лично-притяжательной форме); 3) возвратно-притяжательное местоимение + имя существительное (в безличной или лично-притяжательной форме). Конструкции предметной принадлежности могут иметь следующую структуру: 1) имя существительное в форме родительного падежа (безличное или лично-притяжательное склонение) + имя существительное (в безличной или лично-притяжательной форме); 2) имя существительное в форме лично-местного падежа (безличное или лично-притяжательное склонение) + имя существительное (в безличной или лично-притяжательной форме).

Кроме того, отношения притяжательности могут передаваться конструкциями с глаголами *ěqo* "есть, имеется" и *čāŋkiqo* "отсутствовать". Такие притяжательные конструкции заменяют отсутствующие в селькупском языке посессивные глаголы, т.е. равняются *habeo*-конструкциям в других языках.

Как видно из структуры притяжательных конструкций, в них активно проникают лично-притяжательные суффиксы.

Л.М.Ковалева (Иркутск)

КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ И ВОЗВРАТНОСТЬ

Если понимать категорию притяжательности в широком смысле – как категорию "отнесенности к лицу", то в ее семантическую сферу оказываются втянутыми явления, которые принято подводить под понятие "возвратность". Дело в том, что постулируемая референциальная

идентичность анафорического возвратного элемента и antecedентного слова имеет место в конструкциях с довольно ограниченным кругом глагольных предикатов, а именно: с предикатами идентификации, наименования, интерперсональных отношений, изменения формы тела, пространственного ограничения местоположения Субъекта, а также с предикатами, обозначающими действия, которые человек производит над собой в целях самоуничтожения. В большинстве же возвратных конструкций анафора не соотносится с antecedентным словом во всем его семантическом объеме. Возвратной считается конструкция, в которой в каком-либо виде присутствует возвратный элемент. Так, вслед за Ю.С.Степановым мы считаем, что возвратная частица *-ся* принадлежит не глаголу, а предложению, составляя в нем "морфему синтаксического построения".

При помощи возвратного элемента в предложении устанавливается связь между референтом актанта в позиции подлежащего, то есть лицом, и а) его частями (*уколоться* – "уколоть какую-то часть тела"); б) предметами, принадлежащими лицу (*тратиться* – "тратить деньги и другие ценности, в том числе нематериальные"); в) его социальными характеристиками (*забыться* – "забыть о своем положении"); г) элементами его духовного мира (*выражаться* – "выражать свою мысль"; *знать себя* – "знать свой характер, особенности своего организма") и т.д. Особые отношения между возвратной анафорой и antecedентом при предикатах духовной деятельности объясняются двойственным синтаксическим статусом имен лица в языке. Тот факт, что человек воспринимается одновременно и как "предметная" (физическая, субстанциональная) и как "действующая" сущность, в возвратных конструкциях отражается в том, что анафора относится к разным аспектам сущности своего личностного antecedента.

Многие слова деривационно восходят к очень обширному семантическому материалу. Они могут выделять для анафоры различные элементы своей богатой семантической структуры, и анафора может относиться не ко всему antecedентному слову, а к antecedентной семе внутри него. Antecedентная сема "включается" у имени глагольным предикатом. Так, в английском языке анафора при глаголах подавления эмоций выделяет сему "эмоции, чувства": *He had mastered himself* "Он овладел собой"; глаголы речи выделяют у личностного antecedента семантические элементы, относящиеся к содержанию мыслей, поступков лица: *He's repeating himself* "Он повторяется". К этим же семантическим элементам относятся возвратные элементы у глаголов в русском языке: *выговориться, выразиться, исповедоваться* и т.д. При глаголах мышления

в семантике антецедента выделяются семы "характер", "свойства", "поступки": *Had he then understood both himself and her* "Если бы он тогда понимал себя и ее".

Из того факта, что возвратный элемент связан лишь с какой-то частью семантической структуры личностного антецедента, можно заключить, что значением возвратной конструкции является отношение между лицом и его частью в самом широком смысле слова, поэтому возвратность может рассматриваться как одно из проявлений категории притяжательности.

Г.Е.Крейдлин, Е.В. Рахилина (Москва)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПАДЕЖНАЯ И ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНАЯ ФОРМЫ)

Из множества альтернативных способов выражения посессивного отношения в русском языке нас интересуют два: конструкция с дательным принадлежности (*Покой льется ему в душу*) и конструкция с предложно-падежной формой *у + N_{род}* (*Голова у кота так и вертится*). Эти конструкции рассматриваются в контекстах, где они служат для выражения только одного вида семантического отношения принадлежности – отношения часть – целое. Ставится вопрос о возможности синонимической замены указанных конструкций в такого рода контекстах.

Основной вывод, который делается в результате анализа имеющегося материала, состоит в том, что в общем случае эти две конструкции несинонимичны.

Конституирующим семантическим элементом смыслового представления конструкции с дательным принадлежности является сема "заинтересованность". Имеется в виду заинтересованность одного из участников описываемой ситуации – посессора глагольного актанта – в совершении действия, названного глаголом. Так, *Она перешла мне пальто* = "Она перешла мое пальто" + "для меня", в отличие от предложения *Она перешла мое пальто*, где нет элемента "заинтересованность". Наличие семы "заинтересованность" в структуре предложения обуславливает запрет на использование неодушевленных имен в роли посессора. Нельзя сказать **Он сломал двери замок*, хотя можно *Он сломал мне руку*.

Конструкция с предложно-падежной формой *у + N_{род}* возможна, напротив, только тогда, когда посессор – "целое" не способен осознать действие, совершаемое над объектом – "частью", и, тем самым, никак не заинтересован в совершении этого действия (Ср. правильное *Он с*

благодарностью пожал ей руку и неправильное **Он с благодарностью пожал у нее руку*). Отсюда следует, во-первых, допустимость в притяжательной конструкции с предлогом *у* неодушевленного посессора (ср.: *Он отпилил у кресла все ножки*) и, во-вторых, неуместность этой конструкции в повелительных предложениях типа: **Потри у меня спину!*

Приведем пример еще одного семантического различия между указанными конструкциями. Необходимым условием правильности предложений с предлогом *у* является актуальная, т.е. имеющая место в момент речи неотделенность части от целого: если имя обозначает отделенную в момент речи часть некоторого целого, употребление предлога некорректно. В то же время дательный принадлежности при этом допустим. Ср. *Не плачь, мастер завтра пришьет нашей кукле голову!* но **... пришьет у нашей куклы голову.*

Ю.И. Левин (Москва)

ОБ АНАЛИЗЕ СИСТЕМ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

1. Отношения родства являются посессивными отношениями *par excellence*. Соответственно, термины родства (ТР) – специфическая область "околопосессивной" лексики. В речи ТР, не сопровождаемый выраженным посессивом, подразумевает отнесенность к *ego* (сын = мой сын); в других случаях посессивность должна быть эксплицирована (Шурин – шурин); т.е. в любом случае употребление ТР предполагает начало отсчета – посессора. Значение ТР раскрывается как цепочка посессивов (свояк = муж сестры жены *ego*). Система ТР как система кодирования этих цепочек (= выделение класса терминологизированных цепочек + присвоение "аналитическим" цепочкам "синтетических" терминов).

2. Анализ системы ТР, равно как и полевая работа, требуют разработки метаязыка для записи этих цепочек. Могут быть предложены различные варианты такого метаязыка, в зависимости от характера системы. Здесь используется язык с алфавитом из трех основных символов: Р (родитель), Д (дитя), С (супруг), – и двух индексов: м (мужской), ж (женский). Словами служат цепочки символов, выражающие отношения родства: РС – родитель супруга, СДж – муж дочери и т.д. В случае надобности цепочка может кончаться вспомогательным символом Е (*ego*), снабженным индексом пола: СжДмЕм – жена сына мужского *ego* (= сноха).

3. Компонентный анализ системы ТР состоит в выделении такого набора факторов (принимающих два или более значений), чтобы а) любой допустимой цепочке можно было сопоставить множество зна-

чений этих факторов; б) по этому множеству однозначно определялся ТР или устанавливалась нетерминологизированность.

4. Проводится анализ малайской системы родства и русской системы свойства. Последняя включает 16 терминов: муж (См), жена (Сж), свекор (РмСм), свекровь (РжСм), тесть (РмСж), теща (РжСж), зять (СмД, СмДР), сноха (СжДЕм), невестка (СжДЕж, СжДР, СжДРСм), деверь (ДмРСм), золовка (ДжРСм), шурин (ДмРСж), свояченица (ДжРСж), сват (РмСД), сватья (РжСД), свояк (СмДРСж). Факторы, определяющие терминологизированность – g и p , где g – число основных символов в цепочке, p – уровень поколения $alter'a$ относительно ego , т.е. разность между количествами символов P и D в цепочке. Именно, цепочка терминологизирована тогда и только тогда, когда $g + |p| \leq 4$ (для отношений кровного родства условием актуальной терминологизированности служит $g + |p| \leq 6$; для $step$ – отношений – $g + |p| \leq 3$).

Полный анализ русской системы требует пяти факторов: 1) g (значения: 1, 2, 3, 4, > 4); 2) p (значения: 0, +1, -1, $|p| > 1$); 3) позиция символа C (значения: нач., ср., кон.); 4) пол $alter'a$; 5) пол ego (или "относительный пол"). Анализ удобно представить в виде дерева (которое не может быть здесь изображено): имея на входе цепочку и проходя, начиная от "корня", 5 (или меньше) ярусов по ветвям, соответствующим значениям тех или иных факторов, мы на выходе получаем термин, соответствующий исходной цепочке.

5. Системы ТР почти всегда устроены иррегулярно. В результате не каждый термин определяется по набору значений всех факторов: тот или иной фактор может быть в данных условиях нерелевантным. Это обстоятельство влечет "квазиизбыточность" анализа: так, для системы из 16 терминов достаточно было бы четырех бинарных факторов – но лишь при условии полной (и притом специфически бинарной) регулярности системы. Далее, при описании многих систем, в том числе русской, целесообразно различать лексическую и грамматическую релевантность. Так, в русской системе пол $alter'a$ всегда релевантен, причем для цепочек, начинающихся с P – грамматически (свекор/свекровь и т.д.), а для остальных – лексически (муж/жена и т.д.). Пол ego релевантен (лексически) для цепочек, кончающихся на C (а также для СжД), а для прочих неревантен.

6. Рассматривается вопрос о последовательности процедур при компонентном анализе (выбор исходных символов; выделение допустимых цепочек; разбиение негомогенной системы на подсистемы и т.д.); вопрос об иерархии факторов (вообще говоря, фактор должен стоять тем выше, чем для большего числа терминов он релевантен); вопрос о сравнении разных анализов одной и той же системы в плане их экономности.

7. Рассматривается эволюция русской системы свойства. Любопытно, что на протяжении тысячелетия она почти не менялась – набор факторов в XI в. тот же, что в XX в. (т.е. "глубинная структура" -- в отличие от системы кровного родства -- сохранилась), и изменения затронули практически только нулевое поколение. На протяжении же последних десятилетий происходят глубокие структурные изменения: возрождение (приближение к системе английского типа, где всего три фактора – с, р и полalter'a) и "аналитизация".

Ю.К.Лекомцев (Москва)

СЛЕДЫ КАТЕГОРИИ НЕОТЧУЖДАЕМОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В МУНДА?

1. В языках бонда (южная подгруппа) и кхариа (центральная подгруппа) наблюдается следующее явление: среди атрибутивных composita с порядком Attr (определение) + N (определяемое имя) – этот порядок присущ и свободным словосочетаниям – существует небольшая группа composita с порядком N + Attr.

Примеры: 487. $\tilde{b}^{\tilde{b}}$, $\tilde{b}^{\tilde{b}}$ "ребенок, детеныш"; 488. $\tilde{b}^{\tilde{b}}$ buŋ "буйволенок"; 489. $\tilde{b}^{\tilde{b}}$ buʔ "поросенок"; 485. $\tilde{b}^{\tilde{b}}$ ti "палец на руке" (букв. "ребенок руки"); 486. $\tilde{b}^{\tilde{b}}$ suŋ "палец на ноге" (бук. "ребенок ноги"); 1179. $\dot{d}ak^{\circ}$ "вода"; 1182. $\dot{d}ak^{\circ}təŋ$ "молоко" (т.е. "вода груди или вымени"); 1181. $\dot{d}agm^{\circ}$ "слезы" (т.е. "вода глаз"); 135. uŋlɔk "волосы" (букв. "волосы головы"); 137. uŋsɔŋ "пепел" (букв. "волосы огня"); 87. iŋ "экскременты"; 89. ik'taŋ "коровий навоз" (для козы meʔ свиньи buʔ и т.д.); 22. iŋlukʔ "ушная сера". (S. Bhattacharya. A Bonda Dictionary).

2. В сантали (северная подгруппа курку-кхервари) и в сора (южная подгруппа, но другая ее ветвь, чем та, к которой относится бонда) не обнаружено следов конструкции N + Attr.

Для других языков мунда материал, имеющийся у автора, слишком скуден.

3. Круг значений лексической группы, выступающей в бонда и, отчасти, в кхариа, вполне соответствует категории неотчуждаемой принадлежности (в том ее понимании, в котором эта категория применяется к народам с архаичным типом классифицирования, см. работы Леви-Брюля).

Заметим, что основы, участвующие в конструкции N + Attr принадлежат, в основном, к общеавстроазиатским корням.

4. Вопрос о том, является ли отмеченный лексический слой признаком древнего диалектного членения, или остатком общемундской системы, ждет дальнейших исследований.

О ПОКАЗАТЕЛЯХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА *SẮC* [КА?] И *NHỮNG* [НЬНГ] ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вьетнамский язык принадлежит австроазиатской семье языков, являясь самым восточным и наиболее многочисленным по числу говорящих ее представителем. Строй вьетнамского языка претерпел глубокие изменения как в силу протекания процессов, характеризующих а. языки (но более интенсивных), так и под влиянием окружающих тайских языков, и особенно – китайского языка.

2. Строй вьетнамского языка характеризуется предельным аналитизмом (большим, чем у китайского языка) и системой тонов (6 тонов в литературном языке, в северных и южных диалектах).

3. Множественное число существительного передается препозиционными монемами *sắc* и *những*, а также нулевой монемой и редупликацией.

4. *Sắc* и *những* не распределены дополнительно, т.е. способны выступать с одними и теми же основами; ср. *sắc nhà* "дома" и *những nhà*. Несмотря на случаи контраста, семантически дифференцирующая категория (или пара категорий) не была идентифицирована сколь-либо удовлетворительным образом.

5. Изучение материала привело автора к следующему выводу:

– *sắc* есть маркированный (в смысле Р.О.Якобсона), а *những* – немаркированный член оппозиции.

-- *sắc* есть носитель категории "свой" (включая "наш вьетнамский"), хотя ослабленный и стирающийся в речевом употреблении.

6. Основными доказательствами служат:

– тот факт, что при обращении употребляется исключительно *sắc*.
Напр. *Sắc bạn!* "Друзья!"; *Sắc đồng chí!* "Товарищи!" и т.п.

– *sắc* часто употребляется с обозначениями односельчан, окрестных деревень, сельских дорог, административных центров типа "волости", "уезда" и т.п.

Приведем пример из романа "Смута" Нгуен-конг-Хоана (*Nguyễn công Hoan. Hồn cảnh hồn cu?* Н.-Н., 1961, стр.202): *Làng Vánchường quạ như người nghẹt thở; thân thể bị trói chặt, nên các mạch máu ngừng đông.* "деревня Ван-тыонг, действительно, как задыхающийся человек, – тело туго связано, – поэтому кровеносные сосуды закупорились". Ср. также: ... *đi các chợ ở làng khác, thì chị em bị cấm.* "... ходить на рынки в другие деревни девушкам (букв. "старшим сестрам (и) младшим сестрам") запрещалось"; *Sắc bà lai nhút nhát.* "Девушки приходили, робея".

7. Прагматический характер категории "свой" создает значительные трудности в ее изучении.

8. Во множественном числе личных местоимений вьетнамский язык сохраняет следы категории "инклюзив/экслюзив": *chúng ta* "мы все"/*chúng tôi* "мы (но не вы)", где *chúng* – показатель мн.ч. местоимений (< сущ. "группа"), *tôi* "я" (< сущ. "слуга") и *ta* "я, мы". Не исключена связь *sác/những* с древней категорией "инклюзив/экслюзив" (в а. семье эта категория хорошо сохранилась в местоименной системе северных мунда).

М.И.Лекомцева (Москва)

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Некоторые особенности использования способов выражения категории притяжательности в поэтической функции в немецком языке иллюстрируются на примере стихотворения Поля Селана "Псалом":

Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm, niemand bespricht unsẽmStaub. Niemand.	Никто нас снова не месит из земли и глины, никто не заговаривает наш прах. Никто.
Gelobt seist du, Niemand. Dir zulieb wollen wir blũhen :	Благословен будь, Никто. Тебя ради хотим мы цвести.
Dir engegen.	Тебе вопреки.
Ein Nichts waren wir, sind wir, werden wir bleiben, blũhend: die Nichts-, die Niemandros e.	Ничем были мы, есть мы, будем оставаться в цвету: розой Ничего, Никого.
Mit dem Griffel seelenhell, dem Staubfaden, himmelswũst, der Krone rot vom Purpurwort, das wir sangen ũber, o ũber dem Dorn.	Со светлой души пестиком, пустынного неба тычинками, альми лепестками слова пурпура, что пели мы над, о! над терниями.

2. Категория притяжательности понимается здесь в обобщенном смысле. Уже в первой строфе она выступает в форме сочетания притяжательного местоимения и существительного: *unser Staub*. Однако это

сочетание дается в контексте, где отношение посессивности может быть в зависимости от времени дизъюнктно обращено в обе стороны: для времени "до" это $r(\text{Staub, wir})$, для времени "после" это $r(\text{wir, Staub})$. *Niemand* "Никто" третьей строчки остается двусмысленным — это отрицательное местоимение, упоминавшееся выше, или персонификация, имя как в остальной части стихотворения, где ему дается близнец *Nichts* "Ничто". Далее строится оппозиция *Niemand* и *wir*, в которой "*wir*" получает признак "воли" и "возможности цвести". Но в третьей строфе вводится отождествление "*Nichts*" и "*wir*", усиленное развертыванием этого тождества в прошедшем, настоящем и будущем времени. (Отождествление — частный случай отношения вхождения, определяющийся как $\text{Nichts} \subset \text{wir} \vee \text{wir} \subset \text{Nichts}$). Но здесь задается и тождество *wir* с *Rose*, поддерживаемое предикатом "*blühen*", характеризующим как "*wir*", так и "*Rose*", розу, посессором которой являются персонифицированные отрицательные местоимения *Nichts* и *Niemand*.

(*Nichts* \approx *wir* \approx *Rose*, *Nichts-Niemand*).

Однако "отрицательность" *Niemand* приводит к тому, что оно оказывается не только посессором, но и его отрицанием (как в первой строфе персонифицированное *niemand* одновременно является и не является "созидателем"). В последней строфе социативной конструкцией с *mit* вводятся однородные определения розы через ее части — пестик, тычинки, лепестки. (Ср. выше развертывание тождества *wir* и *Nichts* в трех временах). Все три части определения построены аналогичным образом: это существительные с прилагательным в постпозиции. Роза представляется как триединство ее частей. Социативной конструкцией с *mit* (Dat.) подчеркивается принадлежность трех выделенных частей розы "розе" предшествующей строфы. Обособленные определения в первых двух случаях построены симметрично: это сложные слова, в которых к прилагательному — второму компоненту присоединяется существительное с соединительным элементом. Эти определения могут быть интерпретированы как эквивалентные посессивным конструкциям типа *seelenhell* \approx *die Helligkeit der Seele* (\approx *das Licht der Seele*), *himmel-swüst* \approx *die Wüste des Himmels* и сравнительным: *hell wie Seele*, *wüst wie Himmel*.

Триада частей розы оказывается в отношении обладаемого к *Wort*, выраженным посессивно-отложительным *von*, при этом *Wort* оказывается обладаемым по отношению к *Purpur* — посессору. *Purpurwort* сопровождается определительным придаточным предложением, субъект которого — *wir*, т.е. "*wir*" оказывается в отношении посессора к *Purpurwort* (ср. *мы пели песню — наша песня*). В этом же придаточном предложении называется четвертая часть розы — ее шипы — в качестве локуса — "над терниями". Отношения посессивности в этой строфе могут быть выражены следующим образом:

$$r(((\left. \begin{array}{l} \text{(Seele, Helligkeit), Griffel)} \\ \text{(Himmel, Wüste), Staubfaden)} \\ \text{(rot, Krone)} \end{array} \right\} \approx \text{Rose, Wort), Purpur), wir} \text{ ,} \\ \text{(без шипов)}$$

Из предшествующего текста имеется отождествление *wir* \approx *Rose* (с шипами) и *r(Rose, Niemand)*, откуда следует *r(wir, Niemand \neq Nichts)*. Но *Niemand/Nichts* могут быть по определению и объектом обладания любого посессора — здесь в цепь включений входят и парадоксы. "Слово", эквивалентное "розе без шипов", которое "мы пели" "над шипами". Отношения между *Niemand/Nichts* — *wir* — *Rose* — *Wort* — *Purpur* вибрируют от тождества до антитезы, проходя через иерархически определяемую систему включений — степеней категории принадлежности, включая в эту цепь и парадоксы двух видов: самопротиворечивости, когда отрицательные местоимения через персонификацию становятся сущностями, и отношения части и целого, когда "мы", являясь "целым", идентифицируется через взаимодействие своих противоположностей (как в слове "розе без шипов" — "над шипами").

3. Таким образом, категория принадлежности относится к категориям, пронизывающим поэтический текст. С помощью средств выражения этой категории дается иерархия отношений от тождества через "степени" включения (принадлежности) до антитезы, замыкающих границу "сферы принадлежности". Особую поэтическую функцию имеют словосложения с отрицательными местоимениями, создающие своей парадоксальностью особое напряжение.

Т.Н.Молошная (Москва)

ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Делим синтаксические конструкции, выражающие посессивное значение, на местоименные, именные и глагольные.

1. Местоименные посессивные конструкции представлены прежде всего атрибутивными сочетаниями притяжательного местоимения и существительного: *моята книга, неговия поглед, нашият пленник*. Здесь выступают так наз. полные формы притяжательного местоимения, которые согласуются с существительным в роде и числе, а также могут употребляться в определенной и неопределенной формах: *мой — моите, наша — нашата*. Такую же структуру имеют конструкции с возвратно-притяжательным местоимением: *своята книга*. При этом выполняется правило рефлексивизации, т.е. в случае совпадения подлежащего и имени посессора употребляется не притяжательное, а возвратно-притяжательное местоимение. (Это особенно важно для место-

имений 3-го лица). Нарушения этого правила в современном языке лежат вне пределов литературной нормы, например, *Той взе неговата книга* вместо *Той взе своята книга*. Как известно, в болгарском языке имеются также краткие формы притяжательных и возвратно-притяжательных местоимений. Они обычно употребляются постпозитивно по отношению к определяемому существительному, образуя сочетания с несогласованным определением: *книгата ми, книгата си*. Эта конструкция синтаксически весьма отлична от сочетания существительного с полной формой притяжательного и возвратно-притяжательного местоимения. В других славянских языках, не имеющих серии кратких форм местоимения, таких посессивных конструкций нет. Исключение представляет сербохорватский язык, которому известны формы типа *ктер му, механа ми*. Но, в отличие от болгарского, там это не регулярные краткие формы притяжательного местоимения, а архаические конструкции с дательным падежом личного местоимения в посессивном значении. В болгарском языке дистрибуция согласованных сочетаний с полными формами притяжательных местоимений и несогласованных сочетаний с краткими формами определяется наличием/отсутствием логического ударения на притяжательном местоимении: ср. *Това е мбето домашно упражнение* (а не чужое) и *Това е домашното ми упражнение* (а не что-либо иное). То же относится и к возвратно-притяжательным местоимениям. Однако иногда возможно одновременное употребление и полной и краткой форм возвратно-притяжательных местоимений: *Блед месец ... прише^т на немирните звездици нещо там на негов си език*. В ряде случаев слово *свой* теряет черты местоименности: *нямам приятели, нямам свои* – "у меня нет друзей, нет родных".

II. Именные посессивные конструкции

1. Притяжательное прилагательное и существительное, согласованные в роде и числе: *Янкина снага, бащините кози*. Притяжательные прилагательные образуются от одушевленных существительных, особенно часто – от личных имен мужского рода: *Петров, Савов, братов, царев*. В болгарском языке подобные образования вполне употребительны и не имеют того архаического оттенка, который характерен для русских притяжательных прилагательных. От болгарских существительных жен. рода, не принадлежащих к личным именам и терминам родства, притяжательные прилагательные мало употребительны. Интересно, что в чешском и сербохорватском языках нет таких ограничений, там притяжательные прилагательные могут образовываться почти от всех одушевленных существительных и употребляются чаще, чем посессивная конструкция с родительным падежом.

2. Именные possessивные конструкции, состоящие из двух существительных (или из существительного и личного местоимения). Здесь наблюдается значительное отличие болгарского от других славянских языков, обусловленное отсутствием падежной системы в болгарском имени существительном. Болгарский язык не знает беспредложных номинативных possessивных словосочетаний. Ср., например, срх. сочетания с генитивом и дативом: *куќа брата, пријател господару*. Самым частотным и нагруженным различными оттенками possessивного значения является в болгарском языке предлог *на*. Он может обозначать принадлежность в собственном смысле, отношение possessора к лицу, в том числе родственные отношения, часть целого, в том числе часть тела, авторство, временные и пространственные отношения, признак и его носителя, качественную характеристику предмета и пр.: *книгата на ученика, рцете на стареца, мж на Даринка, глас на кукувицата, смъртта на кмет, сочинения на Вазов, прилежание на ученика, предписание на лекар, листата на липата, краят на войната*. Possessивное определение, выраженное предлогом *на* с существительным, может быть усиленно в предложении с помощью краткого притяжательного местоимения: *на Иван баща му, мжът ѝ на Таса*. Эта своеобразная реприза несогласованного определения, обозначающего possessора, встречается в литературном языке редко и носит просторечный характер. Различные оттенки possessивного значения, в частности часть целого и авторство, выражаются в болгарском языке предлогом *от*: *крак от животно, крило от самолет, роман от Балзак*. Достаточно продуктивен в possessивном значении предлог *с*: *лице с мустаци, дърво с листа, човек с добро сърце, жена с черни очи*. Заметим, что предлог *с* часто образует сочетания из трех полнозначных слов с обязательным атрибутом. Такие сочетания возникают, когда одно из существительных обозначает "абсолютно неотчуждаемый" объект обладания: ср. словосочетание *жена с черни очи* и невозможность словосочетания **жена с очи* в случае, если опущено прилагательное. Possessивность может также выражаться конструкцией с предлогом *без*: *птица без крило, къща без комин, книга без автор*. В образовании possessивных словосочетаний участвует также предлог *у*, при этом чаще всего выражается принадлежность одушевленному существу: *кожата у дете, сърце у него*. Possessивное значение может иметь также предлог *в*: *охлюв в черупката, младежи в комбинезони*.

III. Глагольные possessивные конструкции

1. Конструкция с possessивным дательным без предлога. Имеются в виду трехсловные глагольно-именные сочетания с существительным в дательном падеже, которое не зависит ни от глагола, ни от существительного-прямого дополнения в отдельности,

а характеризуется зависимостью от всего глагольно-именного словосочетания: *бръсна глава човеку, (гарван) гарвану око не ваои, връзвам ръцете някому*. Данную конструкцию образует семантически ограниченная группа глаголов, обозначающих воздействие (чаще всего физическое) на часть объекта и тем самым — на объект в целом; существительные находятся в отношении "лицо — объект из сферы лица". Это значит, что существительное в дательном падеже бывает представлено названиями человека или животных, а существительное в винительном падеже называет часть тела человека или животного, физические и психические понятия, относящиеся к человеку, имена родства, социальные понятия, связанные с личностью, неодушевленные предметы обладания (чаще всего — одежду, находящуюся на теле человека). Поскольку в современном болгарском языке сохранились лишь отдельные старые надежные формы (винительного, и иногда — дательного) некоторых существительных, словосочетания с дательным падежом существительного встречаются редко. В конструкции с посессивным дательным выступают преимущественно личные местоимения и неопределенно-личное местоимение *някой*, имеющие формы дательного и винительного падежей: *режа ноктите някому, спася живот някому, пускам някому кръв, измачка ми забрадката, счупиха му чашата, си изподрах дрехите, поправя си здравето*. Довольно часто наблюдается синонимия глагольных дативных посессивных конструкций и именных или местоименных посессивных конструкций: *бръсна глава човеку — бръсна глава на човека, отрязаха ухото някому — отрязаха ухото на някого, измачка ми забрадката — измачка забрадката ми, си изподрах дрехите — изподрах дрехите си*. Но нет синонимии в случае типа *пускам кръв някому* (невозможно **пускам кръв на някого*). Эта невозможность синонимической замены определяется семантическими условиями — глагол обозначает нарушение неотторжимости, а существительное называет часть тела, т.е. неотторжимую принадлежность. Ср. подобное же русск. *пустить кровь пациенту* при невозможности словосочетания **пустить кровь пациента*.

Как известно, в болгарском языке дательный падеж личного местоимения и притяжательное местоимение совпадают по форме. Различить их можно только по порядку слов в словосочетании и предложении, но и это удается практически не всегда. Поэтому нередко омонимия остается неснята, и оказывается невозможным определить, имеется ли глагольная дативная посессивная конструкция или местоименная посессивная конструкция. Например, в предложении *Гърдите му пробил куришумът проклет* не ясно членение — *гърдите му* или *му пробил гърдите*. При этом в болгарском языке возможно одновременное употребление и притяжательного местоимения (местоименная посессивная кон-

рукция) и датива личного местоимения (глагольная посессивная конструкция): *и поправяше настроение си*. Возможна также реприза несколько другого рода — посессор может быть выражен одновременно дательным падежом личного местоимения и общим падежом этого местоимения с предлогом *на*: *на мене ми хабя времето*.

В болгарском языке, в отличие от русского, посессивный дательный участвует не только в тех глагольных конструкциях, в которых существительное, обозначающее объект обладания, является объектом действия, но также и в конструкциях, в которых это существительное играет роль подлежащего: *ми растат крила, падна ми шапката, ми се е скъсал ръкавт*. Ср. подобные же срх. *ноге јој клецају*, польск. *Józefowi umarł ojciec*, чешск. *nohy mu uklouzly*.

2. Конструкции с посессивным дательным падежом и предлогами. В таких глагольно-именных словосочетаниях отмечено использование предлогов *в* и *на*: *(злокобен мрак) се сбираше Бетховену в душата, погледна някому в очите, надникнеш в душата някому; дойде ми на ум, лежи ми на сърцето*.

3. Посессивное значение выражается также в глагольно-именных конструкциях с винительным падежом существительного или личного местоимения, являющегося посессором. В таких словосочетаниях участвуют почти исключительно глаголы, обозначающие разные оттенки понятия "болеть": *боли ме глава, боляло я зъб, раната ме смъди*. Здесь возможно также одновременное употребление и краткой и полной форм местоимения в винительном падеже: *мене ме болят зъбите*.

4. Кроме беспредложного винительного в посессивном значении известен и винительный с некоторыми предлогами, например, *в, по, под*: *блъсна го в главата, гледам някого в очите; ще те целуна по гушката, бия някого по главата, боли го под мишницата*. При этом, как видно из примеров, глагольно-именная посессивная конструкция может быть либо личной, либо безличной: *болят ме краката — боляло я зъб, боли го под мишницата*.

Таким образом, болгарский язык обладает большим разнообразием синтаксических конструкций, выражающих посессивное значение. Почти все они имеются и в других славянских языках. Но болгарские посессивные конструкции характеризуются рядом специфических особенностей, которые связаны, во-первых, с наличием кратких форм в местоимении и, во-вторых, с отсутствием падежной системы в имени существительном. В результате этого в болгарском языке возникают особая посессивная конструкция с несогласованным кратким притяжательным местоимением (*книгата му*), реприза краткого притяжательного местоимения в местоименных, именных и глагольных конструкциях

(негов си език, на Иван баща му, и поправяше настроение си), преобладание краткого местоимения (по сравнению с существительным, не имеющим форм дательного и винительного падежей) во всех глагольно-именных конструкциях.

Т.М. Николаева (Москва)

СВОЙ: МЕХАНИЗМ ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

1. Изучение механизма формально-смысловой эволюции слова СВОЙ в русском языке на ранних его этапах преследовало две задачи: 1) определить, какие именно аспекты значения СВОЙ язык стремился отделить друг от друга; выявить, какими средствами и на каких этапах развития языка это было выражено; 2) проследить судьбу тех смысловых структур, которые в современном русском языке воспринимаются как отклонения от нормативного узуса. Анализу подвергались факты русского языка от древнерусского периода до конца XVIII века. Начальный этап сопоставлялся с фактами старославянского языка (текст Мариинского четвероевангелия). Основой описания значения и употребления СВОЙ в современном русском языке служила схема, разработанная и описанная Е.В. Падучевой. (Е.В. Падучева, Местоимение *свой* и его притяжательные значения. См. в наст. сборнике).

Использовались материалы Картотеки ДРС Института русского языка АН СССР, Картотеки Словаря XVIII века Словарного сектора ЛО Института языкознания АН СССР, специально анализировались данные дистрибуции типов номинации и посессивных форм в "Слове о полку Игореве". Примеры из картотек приводятся в той графической форме, в какой они представлены в картотеке.

2. Данные старославянского языка.

1) Представляется, что основной различающей схемой в ст.-сл. было различие собственно притяжательности, "свой₁", по Е.В. Падучевой, и его несобственно притяжательных, "окрашенных", значений: "свой₂" – "собственный"; дистрибутивности – "свой₃"; особенности – "свой₄"; значения "надлежащий" – "свой₅". Формой выражения этого различия является, по нашим данным, порядок слов в посессивно-атрибутивном словосочетании. В собственно посессивных структурах "свой₁" представлен порядок N + СВОЙ, в структурах с остальными значениями – СВОЙ + N. Ст.-сл. формам "свой₂" обычно соответствуют в древнегреч. тексте местоименные формы αὐτοῦ, αὐτῆς, αὐτῶν, формам "свой₂₋₅" – формы ἑαυτοῦ, ἑαυτῆς, или чаще ἰδιος.

Словосочетания собственно притяжательные:

възъметъ крѣтъ свои – ἀράτω τὸν σταυρὸν αὐτοῦ,
извълѣче ножъ свои – ἀπέσπασεν τὴν μάχαιραν αὐτοῦ,

уже бо аште хошетъ ѿшѣ своѣ спѣсти — ὅς γὰρ ἂν θέλη τὴν ψυχὴν,
αὐτοῦ σῶσαι.

мариѣ ... възврати сѣ въ домъ свои — ἐπέστρεφεν εἰς τὸν οἶκον
αὐτῆς,

възведше же очи свои — ἐπάρας τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτοῦ.

възведъ очи свои — ἐπάντες δὲ τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν, и т.д.

Сочетания с эквивалентом ἴδιος, ἑαυτοῦ, ср. порядок слов:

ѣко прѣкъ въ своемъ отъчѣствии — ὅτι προφήτης ἐν τῇ ἰδίᾳ
πατρίδα

хранитъ свои дворъ — φυλάκη τὴν ἑαυτοῦ αὐλήν,

и на свои скотъ — ἐπὶ τὸ ἴδιον κτήνος,

къждо папсати сѣ въ свои градъ — ἕκαστος εἰς τὴν ἑαυτοῦ πόλιν,

И приде въ свои градъ — καὶ ἦλθεν εἰς τὴν ἰδίαν πόλιν,

своѣ овъца и лѣатъ — τὰ ἴδια πρόβατα φωνεῖ.

Суть этого различия наглядно демонстрирует следующий пример, включающий оба типа значений: члвкъ отъходѣ призва своѣ рабы И прѣдастъ имъ имѣние свое — ἐκάλεσιν τοὺς ἰδίους δούλους καὶ παρέδωκεν αὐτοῖς τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ. Указанному соотношению как будто бы противоречит ряд примеров с N + СВОЙ и в то же время эквивалентом ἴδιος: славы своеѣ ишетъ — τὴν δόξαν τὴν ἰδίαν, брата своего Симона — τὸν ἀδελφὸν τὸν ἴδιον Σίμονα, И оца своего — καὶ Πατέρα ἴδιον; въ имѣ свое — ἐν τῷ ὀνόματι τῷ ἰδίῳ.

В этих примерах постпозиция представлена и в греческих текстах. Можно было бы считать, что речь идет о простом копировании греческого словопорядка, если бы не был установлен факт, значимый именно для евангельского греческого: препозицией притяжательного местоимения передается "окрашенная" посессивность (κατὰ το αὐτοῦ ἔλεος — *Blass, Debrunner; Steyer*). Таким образом, ст.-сл. язык заимствует некоторую общую установку — передавать несобственно посессивные значения через препозицию СВОЙ.

Подлинным исключением оказались лишь два случая в тексте всего Мариинского евангелия: въсѣко бо дрѣво отъ плода своего познаетъ сѣ — ἐκ τοῦ ἴδιοῦ καρποῦ; комоужьдо противѣ силѣ своеи — ἕκαστῳ κατὰ τὴν ἰδίαν δύναμιν. В этих примерах обращает на себя внимание специфическое значение "свойз" — дистрибутивности. Возможно, именно это значение отличало ст.-сл. модель от греч. аналога, но тогда нужен дальнейший анализ дистрибутивности как категории, за пределами СВОЙ.

2. В ст.-сл. языке сопредикатности СВОЙ (*Е.В. Падучева*) не соблюдается, СВОЙ соотносится не только с субъектом, но и с объектом: довьлетъ дън(и) зълоба своѣ; ли кто естъ отъ васъ члвкъ его же аше проситъ снъ свои хлѣба; и лѣшиѣ емоу оученици свои и т.д.

3. Данные древнерусского языка (до XV в. включительно).

1) Различение нейтральной и окрашенной, несобственно притяжательной, посессивности в этот период происходит по схеме: нейтральная притяжательность выражается структурой N + СВОЙ. Абсолютность этого положения зависит от лексических групп. Эта модель охватывает стопроцентно сочетания со словами, обозначающими близких родственников актанта и лиц и вещи его непосредственного окружения (слова типа: *двор, копья, полк, дружина, послы, имение, град, ратники, бояре, вежи, наместники* и т.д.), понятия психосоматического характера (*сила, кровь, сердце, душа, тело, милость, гордость* и т.д.). Т.е. это конструкции типа *Посла Мъстиславъ сына своя; Печаленъ бысть о сватѣ своемъ; уготовися на брань с Ростовци своими; Воздѣ руцѣ свои* и т.п. Самой сложной оказывается группа сочетаний со словами: *отчина, власть, сторона, град* и т.д., где поровну представлены N + СВОЙ и СВОЙ + N, но определить суть различия не удалось: *возвратиша в землю свою – иде в свою власть.*

Всюду, где есть противопоставление, явное или скрытое, употребляется СВОЙ + N. Это прямое противопоставление чужой/своей: *Аще поиметь кто чужъ конь въ своемъ миру; сопоставление своих действий с чужими: И тако и своим полкомъ поведемъ; также и Изяславъ изъ своихъ полковъ; написаше и своихъ книгъ немало* и т.д. Это подчеркнутое значение закрепляется в почти-фразеологизмах: *своими руками, своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи, своею смертию*, иногда с добавлением оттенка, близкого к "свой₄", по Е.В.Падучевой, – *свое дѣло, своя вѣра, своя воля, своимъ языкомъ, за своими знамены*, т.е. "именно", или оттенка "уникально свой" – *свой волю, умереть въ своемъ здани, межи своей дороги*; интересно, что это противопоставление чужого/своего трансформируется в противопоставление своей нации, вообще "своего" и подчеркнуто мужого: *своихъ Половцевъ, регулярно своя Литва* (о литовских князьях и полководцах).

Особое место занимают характерные для этого периода двойные конструкции СВОЙ + Dat. или Gen, отмеченные И.И.Срезневским: *своего ему ѿца; свои си; свои мнѣ* и т.д., стремящиеся к модели, близкой к немецкому современному типу – передается род и число посессива и лицо и число посессора. Эти конструкции препозитивны.

2) *Свой* не всегда соотносится с субъектом, сопредикатность нарушается: *Братаничи же отпустиша срацынъ трехъ ко Амиру царю своему словомъ вѣсть* (царю сарацин – Т.Н.); *Нестъ бо свое княжение градъ Владимиръ, но пригородъ есть нашъ и наши смерди въ немъ живутъ; И посадиша Новгородъци [Ростислава] на столѣ своего سموу ѿца.*

Однако в этот период уже было четкое различие неотчуждаемой принадлежности, не требующей подкрепления посессивом, и отчуждаемой. Но существенность, значимость членения элементов мира по этому критерию была иной, чем теперь. Так, в "Слове о полку Игореве", помимо явно проводимого соотношения посессива только с полем русских и лишением его половцев, что связано с не обсуждаемой здесь идеей представления врага как неиндивидуализированной стихийной силы, обращает на себя внимание тот факт что СВОЙ, обильно представленный в поле русских, отсутствует при сочетаниях с "золотой": *въступи въ златъ стремень, выседѣ изъ сѣдла злата, вступита въ злата стремень; изрони душу чресъ злато ожерелье*. Это объясняется тем, что, как указывает Д.С.Лихачев в комментарии, золотыми или золочеными были только предметы княжеского обихода. Существенно, что эта четкость ментальной структуры оказалась утраченной в переводе 1800 г.: *Вступите, Государи, въ свои золотые стремени; Тогда Игорь князь изъ своего золотого сѣдла пересѣлъ*.

4. Данные XVI—XVII вв.

1/ Существенно, что на этом этапе примеры с чистой притяжательностью начинают широко демонстрировать обе модели, с препозицией и с постпозицией. Однако в несобственно притяжательных значениях сохраняется препозиция СВОЙ: *Ужъ у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца; Торговыхъ иноземцовъ съ собою не возить и своими свѣйскими не называть; И опричь бы того таможенного вѣсу никакие люди въ свои вѣсы хлѣба не покупали и не продавали*.

Это начинающееся объединение и смешение функций словопорядка при различии простой притяжательности и "окрашенных" значений вызывает к жизни новые формы выражения "свой"₂ — СВОЙ переносится в постпозицию, создается (или представляется из имеющейся разговорной) конструкция, близкая к современной, когда СВОЙ постпозитивно, ударно и является предикатом — *А языкъ де у хана свой и говорятъ по-своему; Королевства земли Шпанскія земля же не велики пространна, а языкъ свои, и люди воинские зѣло храбры; У которыхъ пищали свои, и тѣмъ дати по пяти рублевъ*.

2/ Нарушение правилъ сопредикатности численно уменьшается; есть случаи отнесения СВОЙ к неодушевленному субъекту: *А корабли принуждены въ море бѣжать, оставляючи своихъ торговыхъ людей*.

5. Данные "петровской" эпохи.

1/ Смешение СВОЙ + N и N + СВОЙ по функции наблюдается отчетливо; в одном и том же письме Петра I от 1696 г. находим несколько раз и *своему начальнику* и *начальнику своему*, без видимых различий смысла.

Уменьшается резко число конструкций СВОЙ + Dat. или Gen. Но с той же последовательностью при прогивопоставлении употребляется

только конструкция СВОЙ + N: *Нелза говорить, себе ради не щадитъ крови людской црь Петръ: шлана свидѣтельствуетъ, что и своєю крови не щадитъ*. Создается впечатление, что различие словопорядка остается активным в тех случаях, когда оба типа значений сталкиваются в одном контексте и их необходимо различить: *Воевода виленский подѣхалъ к войску своему ѿ короля свѣйскаго ему данному, при которыхъ онъ и свои литовскіе роты имѣетъ; А естли въ бою кто товарища своего покинетъ или не в своемъ мѣстѣ поидетъ, такова наказатъ смертию*.

2/ Число примеров, отклоняющихся от понятия сопредикатности, в эту эпоху увеличивается, вероятно, под сильным влиянием переводимых и изучаемых иноязычных текстов. Этим, очевидно, можно объяснить смешение возвратного и притяжательного местоимений: *Александръ народъ простой тако къ своей любви привлекъ; избыточное употребление СВОЙ: пріумноженіе Французской сілы, которая яко младой фінізь из своего непла востаетъ*.

6. Данные XVIII века.

1/ Представленная выше ситуация сохраняется. В текстах со "своей₂" возникает частое употребление подкрепляющего слова "собственный": *вываривая на собственныхъ своихъ котлахъ; для собственныя своей корысти* и т.д. Но в соединении обоих значений в контексте оппозиция словопорядка активна: *Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ, Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ*.

2/ Число отклонений от современного нам узуса в этот период так же велико; в основном, это относится к нарушению сопредикатности: *Обращала печально взоръ свой на волны, которые разлучили ее съ своимъ любовникомъ*, и к нарушению правил ограничения при неличных формах глагола (по Е.В.Надучевой): *Ужасный сонъ! своихъ мечтавшихся мнѣ силъ, ты удареніемъ нещастія поразилъ; В запальчивости своей пить ему холодную воду; Прерогативы монарховъ Россійскихъ и права, дозволенныя отъ нихъ подданнымъ своимъ* и т.д.

Таким образом:

1. Основным и проходящим через все эти периоды различием является различие собственно притяжательных и несобственно притяжательных значений сочетаний со словом СВОЙ. На раннем периоде это различие воплощается в две формальные структуры, противопоставленные по препозиции и постпозиции СВОЙ. Эта модель восходит к ст.-сл. схеме, которая в свою очередь воспринимает идею словопорядка как различителя посессивных категорий у др. греч. эталона. В дальнейшем развитии русского языка этот, тектонический, фактор слабеет, тогда выдвигаются другие средства для того же различения: передвижение в предикативную позицию, введение лексемы "собственный", ударность СВОЙ не чисто притяжательного.

2. Несоответствия современной модели употребления конструкций с СВОЙ на разных этапах развития языка численно представлены незначительно и относятся в основном к нарушению сопредикатности и к влиянию языков другого языкового типа, выражающемся в передаче словом *свой* всех случаев притяжательности с 3 лицом.

3. Пример сочетаний со словом "золотой" ("Слово о полку Игореве") показывает, что исторически *lingua mentalis* может менять свою ориентацию, поэтому может появиться еще одна ветвь исторической семантики, связанной с выявлением меняющейся картины мира через собственно лингвистические и лингво-исторические показатели.

Т.М.Николаева (Москва)

ИЕРАРХИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ ПОСЕССИВНОСТИ В РАМКАХ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ПРИИМЕННОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ

1. Как содержательная категория посессивность обычно не бывает представлена изолированно, но в непосредственной координации с другими содержательными компонентами высказывания, образуя с ними связанные смысловые комбинации.

Перечень наблюдений, сделанных по этому поводу разными авторами и на разном языковом материале, целесообразно упорядочить иерархически. Предлагается представить отмеченные смысловые контакты на фоне трех понятийных полей, соответствующих трем типам языковых протяженностей: Поля экзистенциальности /Э/, Поля действия /Д/ и Поля посессивного словосочетания /ПС/. В пределах каждой из этих смысловых зон различаются смысловые оппозиции внутри поля и оппозиции, охватывающие два поля, т.е. переходные содержательные зоны.

2. В пределах Поля экзистенциальности посессивность входит в общую тенденцию коммуниканта передать во всей полноте событие, пространственно ограниченное и с неподчеркнутым субъектом. Посессивность здесь соотносится с Локативностью (ср. русск. У – Род.: *У меня нет денег*; сев.-русск.: *У Даши теленка зарезано* и т.д.), и с близкой локативности общей рамкой высказывания с Дат., которую предлагаем назвать Дательным включения: *Мне не хватает храбрости; Дому требуется уборка; Mihi est aliquid* и т.д. Дательный включения имеем в конструкциях типа *Вот вам результат!* Как локализатор обобщенного значения Дательный включения может быть соотнесен с ст.-сл. *Dat. Absolutus*. Особенно широко Дат. включения представлен в русск. разг. речи, где он не может быть приравнен к чисто-

му Dat. possessivus: *Где мне в институте учиться!, Куда ему жениться* и т.п. Дат. включения в русск. яз. может совпадать с Дат. актанта: *Мне нельзя не верить* (Мне или Я?). Различаемая Э.Бенвенистом конструкция "быть" + Dat как предикат обладания и "быть" + Gen как предикат принадлежности может совмещаться в слав. U + Gen.

В бытийных высказываниях Поля экзистенциальности с глаголом "быть" существенной при наличии посессивности является оппозиция присутствия – отсутствия связки. С наличием связки связывается неопределенность количества: *У кошки есть котенок*, инициальность текста: *У царя был сын*, введение нового объекта: *У него есть интересный рассказ*; с отсутствием – определенность количества: *У моей кошки котенок*, не-инициальность высказывания: *Отчего она так волнуется? – У нее экзамен*. Таким образом, крайним выражением глобальности ситуации является сочетание посессивного локализатора с безглагольностью. Необходимо заметить, что экзистенциальность понимается нами достаточно широко, включая и не-бытийные глаголы *У меня болит голова; У бабушки испортилась электробритва* и т.д.

3. Поле экзистенциальности от поля действия отличает – по параметру посессивных комбинаций – сложная система многомерных оппозиций. Это различия прагматического плана – установка на полную беспристрастного описания события /Э/ – на фрагмент события, "с точки зрения субъекта" /Д/, факты представлены в одной плоскости /Э/ – иерархически /Д/: *There are 28 days in February – February has 28 days*; принадлежащий факт лежит во внешнем пространстве /Э/ – во внутреннем /Д/; посессор пассивен /Э/ – он активен /Д/. Различия дискурсивно-коммуникативного плана: дискурсивный фокус размыт /Э/ – он сосредоточен на актанта, особенно с точки зрения эго-антропоцентризма /Д/, угол зрения коммуниканта, эмпатия, диффузен /Э/ – совпадает с субъектом /Д/, В Э меньше выражена неопределенность объекта (*être à le X – avoir un X*). Чисто языковые различия: Э связывается с порядком VS (*У меня пропало пальто*), Д – с SV (*Мое пальто пропало*); главное предложение скорее Д, придаточное – скорее Э, так как синтаксис придаточного обычно более архаичен; Medium – обычно Э, Activum – Д; Э сопротивляется пассивизации и рефлексивизации, Д легко доступно трансформации пассива и рефлексива: *Я починил свой портфель → Мой портфель мною починен*. В рамках собственно поля Д на базе посессивности развиваются категории пассива и перфекта: *I have the book/ read – I have read / the book*, соотносимые в ряде языков с эргативностью.

4. Поле Посессивного приименного словосочетания отражает на переходном участке различие Topic и именного словосочетания: *John, his house → John's house*; различие событийности

развернутой /Э и Д/ и свернутой /ПС/, что дает возможность увеличить число актантов: *Я ждал его сестру* – 3 актанга – и соотносить высказывание с предыдущим контекстом – отсюда анафоричность ПС и его свойство идентифицировать. Внутри собственно поля ПС различается большое число оппозиций по четырем основным направлениям: по различию в структуре ПС: *дом отца – отцовский дом*, по наличию-отсутствию эксплицитного показателя посессивности: *Я принес книгу – Я принес свою книгу*, по корреляции показателя посессивности с другим приименным детерминативом, например, с артиклем, по корреляции разных посессивных показателей одной принадлежности: *Я взял свое пальто и Я взял мое пальто*. Разрешаемые оппозиции могут быть денотативного характера (исчерпанность – *Pauls Häuser*, неисчерпанность – *Häuser von Paul*, но в основном прагматического характера, например, типизация – *профессорская дочь*, индивидуализация – *дочь профессора*, постоянное: *Il a pris sa douche* – случайное: *Il a pris une douche* – обязательное; *Certains français ne paient pas leurs impôts* – факультативное; *Certains français ne paient pas des impôts*, имеющееся: *У меня есть работа* – любимое: *У меня есть моя работа*. Все подобные оппозиции поля ПС могут реализоваться на фоне полей Э и Д, входя в комбинации с их смысловой дистрибуцией: *Вот Вам кофе /Э/ – Вот Ваш кофе /Э + ПС/*.

5. Исчисление максимально возможного числа сочетаний с посессивностью в рамках высказывания и посессивного словосочетания открывает новые возможности типологического языкового сопоставления. Целесообразна и постановка проблемы в диахроническо-типологическом плане, с ориентацией на универсалии стадияльного развития. При этом возможно определение разных статусов субъязыков внутри одного языка: литературной и разговорной форм, литературного языка и диалектов и т.д.

• В.Э.Орел (Москва)

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ АЛБАНСКИХ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Формы притяжательных местоимений в албанском (1–2 л. обладателя) определяются набором грамматических характеристик, куда относятся: число и род обладаемого и число (но не род) обладателя. В 3 л. семантика притяжательности выражается падежными формами соответствующих личных местоимений без префиксального *a-*, обязательного в абсолютном употреблении последних. Детали синхронного описа-

ния см., например, *Lambertz M. Albanisches Lesebuch, 1. Teil. Leipzig, 1948, S. 32-33.*

История форм притяжательных местоимений 1-2 л. свидетельствует, что первоначальный состав граммем и морфологических элементов был иным. Противопоставляя формы 1 л. ед. ч. обладателя, ед. ч. обладаемого *im* (м.р.), *ime* (ж.р.) формам 1 л. мн. ч. обладателя, ед. ч. обладаемого *ynë* (м.р.), *jonë* (ж.р.), мы вправе вычленить в них элементы *-m-* и *-n-*, восходящие, очевидно, к личным местоимениям 1 л. ед. и мн. ч., притом, судя по форме *-m-*, в косв. пад. Они продолжают соответственно **me* и **ne-*, более точный и.-е. прототип которых установить затруднительно. Сравнение с формами 2 л. ед. ч. обладателя и обладаемого *yt* (м.р.), *jote* (ж.р.) позволяет выделить в последних элемент *-t-*, продолжающий косв. пад. и.-е. местоимения 2 л. ед. ч. **te*. Наконец, в 1 л. мн. ч. обладателя и обладаемого *tanë* (м.р.), *tona* (ж.р.) также выделяется уже известный нам элемент *-n-*, относительно которого укажем специально на отсутствие перехода *n > r* в тоскском, что позволяет датировать образование современного типа местоимений в виде цельных лексем не ранее окончания развития *n > r*.

Вычленяемый в формах *ynë, jonë, yt, jote, im, tanë* "остаток" может быть уверенно отождествлен с указательными местоимениями, характеризовавшими находящееся в препозиции имя. В частности, *y-* (м.р.), *jo-* (ж.р.) идентичны *a-y* "он", *a-jo* "она" и отражают соответственно **is* и **iã*, а *ta-* (мн.ч. м.р.), *to-* (мн.ч. ж.р.) совпадают с *a-ta, a-to* "они" (м. и ж.р.), восходя к **tos* (перестроено по аналогии с *o-*основами) и **tãs*. Для *i-* также допустимо предполагать связь с **is*, хотя неясным остается совпадение *i-* для обоих родов (в косв. пад. они различаются).

Совершенно иначе образованы местоимения 1 и 2 л. с ед. ч. обладателя и мн. ч. обладаемого: 1 л. *mi* (м.р.), *mia* (ж.р.), 2 л. *tu* (м.р.), *tua* (ж.р.), входящие на правах прилагательного в синтагму "сущ. + артикль + прилаг." и противоречащие общему принципу, согласно которому притяжательное местоимение есть сумма первообразного артикля и местоимения (*Pedersen H. - KZ 36, S. 312*). В них естественно видеть притяж. прилагательные **mëjos*, ср. лат. *meus*, ст.-слав. МОИ и **tejos*, ср. лат. *tuus*, греч. гом. τεός.

Во 2 л. для мн.ч. обладателя имеем: ед.ч. обладаемого *juaj*, мн.ч. обладаемого *tuaj* (м.р.), *tuaja* (ж.р.). Эти формы исключительно важны. Несмотря на внешнее сходство с *tu(a)*, связь с последним следует отвергнуть. Косв. падежи *juaj* показывают, что в состав этих форм входит указательное местоимение **jo-* и **to-* соответственно, а их вокализм требует реконструкции местоимения в виде **(e)jã/õN* и **tã/õN* то есть, обязательно, с долгим гласными и с носовым в исходе. Так или иначе, речь должна идти о вин. пад., обобщенном на эти формы незави-

симо от рода/числа. Ауслаутное -j по общим правилам построения притяж. местоимений отражает конечное -N в сочетании с одной из форм от основы 2 л. мн.ч. *ju-

На более позднем этапе развития разобранные здесь формы подверглись адъективизации, результатом которой было образование соотносительных по роду форм типа *im- im-e* и рядов типа *juaj* (м. и ж. р. ед.ч.), *tuaj* (м.р. мн.ч.), *tuaja* (ж.р. мн.ч.), аналогичных парадигме притягательного *bukur* (м. и ж.р. ед.ч., м.р. мн.ч.), *bukura* (ж.р. мн.ч.).

Совокупность приведенных данных указывает также на следующие существенные обстоятельства: 1. Весьма вероятно, что личные местоимения в составе притяжательных стояли в вин. пад., что не вызывает сомнений для ряда описанных случаев; 2. в сочетании указат. и личного местоимений ударение несло на себе первое.

Е.В.Падучева (Москва)

МЕСТОИМЕНИЕ СВОЙ И ЕГО НЕПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Русское *свой* в своем основном употреблении "свой₁" – это притяжательная форма от субстантивного возвратного местоимения *себя*: *свой₁* = "себя + притяжательность", как *мой* = "я + притяжательность". Однако помимо основного, *свой* может иметь такие употребления, в которых оно приобретает тот или иной дополнительный компонент значения, накладывающийся на основные или даже вытесняющий их (т.е. употребления в несобственно притяжательных значениях):

а) "свой₂" ≈ "собственный"; подчеркивается принадлежность данному лицу, а не другим лицам (*Ему нужны свои учебники*), или постоянная принадлежность – временной (*В редакции мало своих работников*); ср. возможность противопоставления "свой₁" / "свой₂" в контексте (1) *Он не высказал во всю жизнь ни одной своей мысли* (то ли у него не было своих мыслей, то ли он держал их про себя).

б) "свой₃" = "свой₁ + дистрибутивность", ср. (2) *У нее свои заботы у меня – свои*. Фраза *Мы вернемся к нашим родителям* имеет предпочтительное понимание "к нашим общим родителям", а *Мы вернемся к своим родителям* – "каждый к своим" (пример Э. Кленин). В ситуации дистрибутивности акцент может быть либо на различии объектов, находящихся в определенном соответствии с распределяющим множеством М, как в (2), либо на самом соответствии, т.е. на предопределенности каждого данного объекта некоторым объектом из М, как в (3) *Все чередой идет определенной, Все му пора, все му свой миг*.

в) "свой₄" ≈ "особый", например: *В этом есть своя логика*.

г) "свой₅" ≈ "надлежащий", ср. *Задаток будет в свое время*.

Значения "свой₄" и "свой₅" развиваются из двух указанных акцентировок значения дистрибутивности в условиях, когда распределяющее множество исчезает из поля зрения и из него остается лишь один элемент.

д) значение "свой₆" ≈ "находящийся в родственных, дружеских или еще каких-то близких и постоянных отношениях", возникает только в контексте подчиняющего слова *человек* (или *народ*, *брат*), быть может подразумеваемого: *В семье его Савельич был свой человек*; — *Кто там? — Свои*.

Употребляясь в значениях 2 и 3, *свой* сохраняет компоненты отсылки к лицу (сбъекту) и притяжательности, так что дополнительный компонент значения накладывается на основные; а в значениях 4 — 6 *свой* может употребляться без антецедента, и тогда эти основные компоненты значения утрачиваются.

Имеются контексты, допускающие употребление *свой* только в несобственно притяжательных значениях 2 — 6.

1. Контекст, где *свой* употребляется в им. падеже (или в род. падеже партитива в составе группы подлежащего). Так, во фразе *Мне свои дети надоели* реализуется значение "свой₂", а во фразе *Обычно каждому участнику ситуации соответствует свой актант* — "свой₃". Интересно, что субстантивное возвратное местоимение просто не имеет морфологической формы им. падежа, а для притяжательного возвратного местоимения *свой* имеются те же ограничения на употребление им. падежа, только возникают они на синтаксическом уровне.

2. Контекст, где *свой* подчинено существительному в редуцированной диатезе, исключающей возможность указания на обладателя, поскольку обладатель выражается в той же структуре особым членом предложения — детерминантом или подлежащим, ср. *У нее в комнате (= "в ее комнате") полный порядок* и *У нее в своей комнате полный порядок*, где *свой* = "свой₂"; или *Они обладают рядом недостатков (= "их недостатков")* и *Они обладают рядом своих недостатков*, где *свой* = "свой₄". В (1), где слово *мысль* в обычной диатезе, возможно противопоставление "свой₁" / "свой₂", а во фразе (4) *Он не имел во всю жизнь ни одной своей мысли*, с редуцированной диатезой слова *мысль*, *свой* может пониматься только в значении "свой₂".

Противопоставление возвратного притяжательного местоимения личному (притяжательному же) — в тех относительно редких контекстах, где оба местоимения допустимы, — может выражать ряд тонких и несистематических различий прагматического характера. Так, во 2-м лице это противопоставление может быть связано с различной степенью вежливости, ср. две фразы из писем Чехова: *Ты обещал прислать свою фотографию* (к Немировичу-Данченко); *А когда пришлете Вашу фотографию?* (к Книппер).

Есть точка зрения, что противопоставление возвратного местоимения личному выражает различие в фокусе эмпатии говорящего. Убедительным образом это смысловое противопоставление может быть продемонстрировано лишь в одном относительно редком контексте употребления возвратного местоимения – таком, где оно не подчинено предикату с субъектом-антецедентом, как обычно, а входит в состав атрибутивной группы имени, подчиненного такому предикату, ср. (5) *Она обнаружила важное для себя обстоятельство* и (6) *Она не заметила важного для нее обстоятельства*. Различие между (5) и (6) состоит в том, что в (5), с возвратным местоимением, оценка обстоятельства как важного принадлежит субъекту, а в (6), с личным местоимением, – говорящему. Показательно, что возвратное местоимение в составе такой атрибутивной группы возможно как раз при условии, что атрибут носит субъективный характер, так что его семантика с обязательностью предполагает наличие субъекта оценки (ср. *важный, трудный, интересный, неприятный* и т.п.).

Е.В.Падучева (Москва)

ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ И ГЕНИТИВ

Значение притяжательного местоимения (ПМ) складывается из двух компонентов: ПМ обозначает лицо или предмет и выражает значение "притяжательности". В простом случае притяжательность – это принадлежность (*мой чемодан* = "чемодан, принадлежащий мне"). Однако в сочетаниях *мой враг* или *мой приезд* ПМ уже не имеет значения принадлежности. Наиболее продуктивный способ выражения значения принадлежности – генитив. Но и генитив может выражать не только принадлежность, но и широкий спектр других значений. Возникает вопрос: какие из функций генитива невозможны для генитива местоимения из-за наличия в языке ПМ; и наоборот, какие функции, допустимые для ПМ, исключены для генитива имени. Примером функции 1-го рода является, прежде всего, само значение принадлежности (что было отмечено В.В.Виноградовым): *шуба Ивана*, но не **шуба меня*, а *моя шуба*. В докладе рассматриваются аналогичные соотношения между ПМ и генитивами в контексте подчиняющего отпредикатного имени, а именно, рассматриваются возможности употребления ПМ, генитива местоимения и генитива имени для выражения при данном отпредикатном имени его семантического субъекта и объекта.

Таблица ниже исчерпывает все допустимые соотношения:

	ПМ	Генитив местоимения	Генитив имени	Примеры	
Субъект	+	—	+	<i>мой приезд, *приезд меня, приезд Ивана</i>	(1)
	+	—	—	<i>твое понимание текста, *понимание тебя текста, *понимание Ивана текста</i>	(2)
Объект	—	+	+	<i>*Он заплатился за твое оскорбление; за оскорбление тебя; за оскорбление Ивана</i>	(3)
	+	+	+	<i>ваше избрание; избрание вас, избрание Ивана</i>	(4)

Каждое из четырех соотношений возможно в определенном классе контекстов.

Соотношение 1. Субъект отпредикатного имени может выражаться с помощью ПМ (или генитива имени), но не с помощью генитива местоимения. Это соотношение имеет место во всех случаях, когда отпредикатное имя либо не имеет семантического актанта — объекта, либо неспособно оформлять его с помощью подчиненного генитива, а именно: а) когда имя образовано от непереходного глагола или от прилагательного: *мое отсутствие, свое бессилие*, но **отсутствие меня, *бессилие себя* (генитив местоимения допустим только если местоимение имеет подчиненные себе слова: *Он ставит под сомнение компетентность вас как биографа*); б) когда имя хотя и образовано от переходного глагола, но не допускает генитива объекта: *ваше презрение к слабому*, но **презрение вас к слабому*; в) когда отпредикатное имя само является именем объекта и утрачивает семантический актанта — объект: *мой вклад, вклад Ивана*, но **вклад меня*.

Если отпредикатное имя имеет семантическую валентность на объект и допускает оформление объекта с помощью генитива, то оно допускает оформление своего субъекта с помощью ПМ, только если оно в каких бы то ни было условиях допускает оформление своего субъекта с помощью генитива имени. Например, слово *осуждение* относится к этой категории, а *обсуждение* — нет (*обсуждение первокурсников* может значить только "первокурсников обсуждают"); поэтому в сочетании *мое осуждение* ПМ допускает субъектное понимание, а в *мое обсуждение* — нет.

Соотношение 2. Субъект может выражаться с помощью ПМ,

но не с помощью генитива (местоимения или имени). Это соотношение возникает в контексте, где ПМ соподчинено генитиву объекта: *мое понимание текста*, но **понимание Ивана текста*. Соподчинение субъектного ПМ с генитивом объекта допустимо в контексте, где отпредикатное имя имеет значение способа действия, но не факта, ср. *Необходимое условие перевода – понимание ею* (не **ее понимание*) *текста в полном объеме*. В некоторых не до конца ясных контекстах допустимо соподчинение субъектного ПМ с генитивом объекта при именах с процессным и событийным значением, ср. *ваше посещение театра*, но **их открытие нового месторождения*.

Соотношение 3. Объект отпредикатного имени не может оформляться с помощью ПМ, при допустимом генитиве – как имени, так и местоимения. Это соотношение имеет место в большинстве контекстов с одушевленным объектом. Ср. генитив объекта во фразе *Самые строгие отцы позволяли в своих семействах чтение Жорж Занда*, хотя ПМ *его* во фразе *Его чтение было превано появлением командира* допускает только субъектное понимание. Употребление ПМ в объектном значении невозможно в контексте соподчиненного генитива или твор. падежа и затруднено при наличии любых других соподчиненных слов.

Соотношение 4. Объект оформляется с помощью ПМ, равно как и с помощью генитивов. Такое соотношение имеет место в случае неодушевленного объекта. Имена, допускающие оформление своего одушевленного объекта с помощью ПМ, составляют, по-видимому, закрытый список (ср. *ваше прослушивание, избрание, увольнение* и некот. др.).

Использование ПМ для выражения субъектно-объектных значений, а также предпочтение субъектных функций перед объектными характерно для языков самых разных типов и заслуживает дальнейшего изучения.

А. Паулаускене (Вильнюс)

МЕСТОИМЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОСЕССИВНОСТИ В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Понятие посессива тесно связано с понятием лица. Лицо в посессивных отношениях занимает центральное место, и на основе принадлежности предмета лицу в языке осмысляются все другие посессивные отношения.

2. Несмотря на некоторую общность в плане семантики, выражение посессивности в балтийских языках отделено от выражения лица. Особенно четко это проявляется в системе личных местоимений. Лич-

ные местоимения (лит. *aš/tu*, лтш. *es/tu*, прус. *as, es/thou, -tou, toū; thu, tū* "я"/"ты") входят в глагольную синтагму, занимая при глаголе место подлежащего и дополнения в отличие от притяжательных местоимений, входящих в именную синтагму. Поэтому личные местоимения не имеют родовых показателей, характерных для согласуемых притяжательных местоимений. Только местоимения 3 л. различаются в родовом отношении, поскольку они являются сублиститутами имен существительных, обязательно охарактеризованных по категории рода.

Местоимения с.посессивным значением входят в именную синтагму, выполняя функцию согласованного и несогласованного определения. В том случае, когда они выступают в функции согласованного определения, обычно в грамматиках интерпретируются как отдельные слова со своей парадигмой склонения и другими грамматическими особенностями. Такими являются лит. *mānas/manà*, лтш. *mans/mana*, прус. *mais, mays/maia* "мой"/"моя"; лит. *tāvas/tavà*, лтш. *tavs/tava*, прус. *twais, tways/twaia, twayia* "твой"/"твоя".

3. В литовском языке у местоимений 1 и 2 л. ед.ч. имеется по две формы родительного падежа: 1 л. *manęs* "меня" и *mano* "мой, моя"; 2 л. *tavęs* "тебя" и *tavo* "твой, твоя". Здесь в парадигме личных местоимений функции грамматического лица и посессивности разделены так ярко, что до сих пор (только с одним исключением) во всех грамматиках литовского языка данные формы исключаются из парадигм личных местоимений и считаются неизменяемыми притяжательными местоимениями. Эту традицию можно было бы продолжать, если бы те же формы *mano*, *tavo* не выступали в функции агентивного дополнения в пассивных конструкциях: *Tas darbas buvo mano (tavo) padarytas*. В латышском языке таких пассивных конструкций нет.

4. Во множественном числе наблюдается такая картина: в литовском языке в нейтральном стиле используется одна форма родительного падежа (1 л. *mūsų*, 2 л. *jūsų*) как для личного, так и для посессивного употребления. Наряду с этими формами выражения посессивности существовали и существуют согласовательные формы (в древности *mūšas, jūšas*, теперь — *mūsiškis, jūsiškis*). В латышском языке также имеются аналогичные литовским формы *mūsu, jūsu* и производные от них *mūsējs, jūsējs* (в ед.ч. *manējs, tavējs*), употребляемые как синонимы с основными формами в посессивном значении. В прусском имеется *nousa* "наша", *iouš* "ваш", *iousā* "ваша".

5. Во всех остальных случаях (род.п. 3 л. местоимений и род.п. имен существительных) в литовском и в латышском языках значение лица и посессивности формально не различаются: употребляется одна форма родительного падежа как в глагольной, так и в именной синтагме.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЕССИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНО-АВСТРОНЕЗИЙСКИХ ЯЗЫКОВ)

1. При анализе посессивных отношений в восточно-австронезийских языках (ВАН) принято различать отчуждаемую и неотчуждаемую принадлежность. Названные типы принадлежности могут быть противопоставлены как в рамках бинарной, так и в рамках многочленной оппозиции (с включением в нее полуютчуждаемой принадлежности и т.п.). По-видимому, семантически наиболее адекватным представлением категории принадлежности может служить непрерывная шкала "отчуждаемость" – "неотчуждаемость"; введение скользящего представления позволило бы описать целый ряд неясных случаев. В целом, противопоставление отчуждаемости – неотчуждаемости релевантно с точки зрения лексической семантики. Представляет интерес выяснить, как категория принадлежности проецируется в синтаксис.

2. Рассматривая принадлежность синтаксически, т.е. считая посессивное отношение видом синтаксического отношения, мы можем представить его как функцию (г) от двух аргументов: "посессора" Ps и "принадлежности" R. Соответственно, вид функции зависит от характеристик задающих ее аргументов и соотношения этих аргументов.

3. При синтаксическом анализе посессивности постулируется фактивный (= абстрактный, нулевой, глубинный) предикат – *verbum habendi*. Для ВАН оказывается необходимым постулировать несколько таких предикатов, не сводимых к какому-либо инварианту. Поскольку ситуация принадлежности есть частный случай ситуации с двумя участниками, рассмотрим конструктивные возможности отображения последней в ВАН. Этих возможностей по крайней мере три (конструкции, полученные путем залоговых преобразований, не рассматриваются).

(1) подлежащее (S) Агнс	прямое дование Пацинс/Цель (DO)	канонический перех. глагол – агентивный (активный)
(2) подлежащее (S) а) Агнс б) Стимул/Фактив	дательное дополнение (IO) Адресат Адресат, Локатив	адресатный (дательный) глагол (полупереходный)
(3) подлежащее (S) Фактив	косвенное дополнение (O _{obl}) набор ролей с общим признаком непрямого участия	фактивный (стативный) глагол с одной облигаторной валент.

Деление глаголов на стативные (фактитивные) и не-стативные, или активные, имеет в ВАН не только семантико-синтаксические, но и грамматические и формальные основания.

4. Конструкция (1), характеризующаяся максимальной агентивностью первого актанта и собственно пациентным статусом второго, описывает случаи эталонной отчуждаемой принадлежности. С синтаксической точки зрения этот тип $г$ трактуется как агентивный; для него постулируется глубинный предикат "иметь_{актив}" с моделью управления: $S = Ps, DO = R$.

5. Конструкция (3) соответствует эталонной ситуации неотчуждаемой принадлежности. Синтаксически этот тип $г$ трактуется как фактитивный – по роли центрального актанта (он может быть также признан "анти-агентивным", по запрету на роль Агенс для второго актанта). Постулируется стативный глубинный предикат "быть" с моделью управления $S = R, O_{obl} = Ps$. В набор семантических признаков второго актанта входят по крайней мере следующие: Причина, Инструмент, Локатив, "Состав", "Сопутствующее".

6. Конструкция (2а) описывает отчуждаемую принадлежность (модель управления $S = Ps, IO = R$); в отличие от (1), призванной отображать эталонно агентивное отношение, (2а) соотносится с другими типами отчуждаемого $г$, например, обладания инструментами, орудиями, оружием, рядом животных. Для (2б) $S = R, IO = Ps$, конструкция сопоставима с (3), но отличается от нее более облигаторным статусом Ps . Данная конструкция: аналогична дательно-посессивной конструкции и.е. языков (лат. *Mihi sunt dolores*). Семантическая гетерогенность (2) объясняет ее относительную неустойчивость: во многих ВАН конструкция уподобилась (1) и (3). Этот факт следует иметь в виду, например, при анализе посессивности в полинезийских языках, сведших описанное тернарное представление $г$ к бинарному.

7. Несводимость конструкций (1) – (3) друг R другу подтверждается, в частности, и тем, что в каждой из них имеется свой набор семантических ролей (признаков) актантов. Можно заметить, что (1) – (3) соответствуют трем базовым посессивным моделям, выделенным Ч.Филлмором на и.е. материале ("Дело о падеже"). Возможно, за такой повторяемостью моделей управления в разных языках стоит некоторая универсальная закономерность, которая – помимо всего прочего – указывает на глубинное противопоставление агентивных, фактитивных и адресатных глаголов в естественном языке.

8. Между конструкциями (1) – (3) нет жесткой границы в том смысле, что для огромного числа пар Ps и R может быть выбрана любая из них. Интересно выяснить, что детерминирует выбор той или иной конст-

рукции для отображения данного г. Видимо, этот выбор в большой степени определяется актантными свойствами Ps и R в их соотношении. Свойства имен актантов можно разделить на две группы: парадигматические свойства (заданы в словаре и в системе знаний о мире) и синтагматические свойства (определяются семантикой конкретной ситуации). Главные парадигматические свойства имен в ВАН: одушевленность, личность, мобильность, ингерентная агентивность/пациентность/инструментность. Главные синтагматические свойства имен: определенность, референтность, ситуационная аффицированность, топиальность (тематичность). Упорядочение перечисленных свойств варьирует от языка к языку. В целом ряде меланезийских языков выбор между (1) и (2а) детерминирован соотв. отсутствием/наличием признаков инструментности и мобильности у R. В полинезийском языке ниуэ переосмысление посессивных отношений выдвигает на первый план признаки референтности и определенности: ср. *haaku fale* "мой дом" (этот и именно этот) — *fale haaku* "(некоторый) дом, который принадлежит мне". Синтаксический анализ г. существен для описания именных посессивных конструкций с Pron_{poss} и местоименными частицами; в языках, сохраняющих полиперсональное согласование, он облегчает установление соотношений между посессивными аффиксами и собственно глагольными аффиксами субъектного/объектного рядов.

А.Росинас (Вильнюс)

СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНА В ОБЩЕБАЛТИЙСКОМ?

1. В современном литовском литературном языке функции притяжательных местоимений выполняют формы так называемого посессивного родительного падежа личных местоимений (*mano* "мой", *tavo* "твой", *savo* "свой"). На адъективные притяжательные местоимения *manas* "мой", *tavas* "твой", *savas* "свой" (ср. *manasis*, *maniškis* "мой", *mūsisis*, *mūsiškis* "наш" и др., которые выполняют функции прилагательных или существительных), употребляемые только в художественной литературе и в диалектах наряду с общелитовским посессивным генитивом, следует смотреть как на диалектизмы.

2. Данные литовского литературного языка, диалектов и письменных памятников ведут к предположению, что архаизмами следует считать не адъективные притяжательные местоимения типа *manas*, а формы посессивного родительного.

3. Адъективные притяжательные местоимения в литовских диалектах образовались из посессивного генитива **manā*, **teḡā*, **seḡā*. Самим древним следует считать местоимение *savas* "свой", которое образовалось по модели прилагательных из **seḡā* и вошло в оппозицию со *svetimas* "чужой". Возможность такой эволюции подтверждается данными некоторых говоров. По аналогии с *savas* в говорах из **manā*, **teḡā*, **mūsōn*, **jūsōn* появились новые адъективные притяжательные местоимения *manas*, *tavas*, *mūsas(is)*, *jūsas(is)*.

4. Инновациями, образованными по модели прилагательных, следует считать и притяжательные местоимения латышского языка *mans* "мой", *tavs* "твой", *savs* "свой". Эти местоимения так же, как и в литовском языке, образовались из форм посессивного генитива личных местоимений **manā*, **teḡā*, **seḡā*. Такое предположение подтверждается: а) отсутствием местоимений типа *mans* в некоторых говорах; б) широким употреблением посессивного генитива в латышских говорах.

5. Из вышесказанного возможны такие выводы: а) образование притяжательных местоимений *manas* (лтш. *mans*) могло начаться еще в эпоху литовско-латышского единства; б) литовско-латышский "проязык" не унаследовал из общебалтийского притяжательных местоимений; в) в период общебалтийского единства посессивные отношения в восточно-балтийском ареале выражались формами посессивного генитива личных местоимений **manā*, **teḡā*, **seḡā* (мн. ч. **mūsōn*, **jūsōn*).

6. Притяжательные местоимения древнепрусского языка по своей структуре совпадают с притяжательными местоимениями старославянского языка (ср. пр. *mais*, *twais*, *swais*, **nūss*, **jūss* и ст.сл. *mojъ*, *tvojъ*, *svojъ*, *našъ*, *vašъ*). Прусские формы являются сокращением более древних **majas*, **tvajas*, **svajas*, **nūsas*, **jūsas*, ср. пол. п. *twaias-e*, дат л. *maias-mu*. Синхронный анализ парадигм личных местоимений прусского языка свидетельствует о большой функциональной нагрузке энклитических форм личных местоимений, выполнявших функции косвенных падежей (ср. *pomeleis* < *pa + me(i) + leis* "полизай мне", *Dam thoi* "даю тебе", *Warbo thi Dewes* "береги тебя бог"). На раннем этапе эволюции прусского языка энклитические формы личных местоимений **ma/ei*, **ta/ei*, **sa/ei* могли выражать и посессивные отношения, ср. тсу... *panicke*, *Meu...* *paniko* "мой огонек". На более позднем этапе еще до фонологических изменений конца слова на базе энклитических форм и род.п. мн.ч., возможно, следуя модели притяжательных местоимений славянских языков, образовалась новая подсистема адъективных притяжательных местоимений, которая с некоторыми изменениями зафиксирована в памятниках древнепрусского языка.

КОНСТРУКЦИИ С ДАТЕЛЬНОМ ПОСЕССИВНЫМ В РУМЫНСКОМ

1. В современном румынском существует и является весьма продуктивным особый тип посессивных конструкций (распространенный и во многих других языках), который характеризуется отчетливо выраженной синтаксической оформленностью и представляет собой тесное семантико-синтаксическое единство. Речь идет о структурах следующего типа: а) *Își bău cafeaua* "он выпил свой кофе (досл.: он себе выпил кофе)"; *Îi ținea pantoful în mână* "он держал ее туфлю в руке (досл.: ей держал туфлю в руке)"; *Îi auzea strigătul* "он слышал его (ее) крик (досл.: он ему (ей) слышал крик)"; *anunță-ți părinții* "известить своих родителей (досл.: известить тебе родителей)"; *le cunoaștem chipurile* "мы знаем их лица (досл.: мы им знаем лица)"; *Îmi aproba ideea* "он одобрял мою идею (досл.: мне одобрял идею)"; *ne știa adresa* "он знал наш адрес (досл.: он знал нам адрес)"; *soarele își trimitea razele* "солнце посылало свои лучи (досл.: солнце себе посылало лучи)"; *ridicați-vă flintele* "поднимите свои мушкеты (досл.: поднимите вам мушкеты)"; б) *Îmi înghetase și inima și răsuflarea* "у меня (досл. мне) замерло сердце и дыхание"; *ne mor femeile înghetate* "у нас (досл. нам) умирают от холода женщины"; *brațele îi căzură muiate* "руки у него (досл.: ему) опустились"; *interesul îmi scăzuse* "интерес у меня (досл.: мне) пропал".

Типам а) и б) соответствует одна и та же структурная формула $Pr^dV Nn-a$, где Pr – местоимение, V – глагол, N – имя, d – датив, n – номинатив, a – аккузатив; (для б) возможен также вариант: $Nn-aPr^dV$). Однако в а) N выполняет роль объекта, а в б) – субъекта фразы. Порядок следования элементов рассматриваемой конструкции строго определенный, расположение элементов, как правило, контактное. Между V и N изредка встречаются, различного рода адвербы; ср.: *soarele își năpustise înăuntru lumina și căldura* "солнце впустило внутрь свой свет и тепло", возможны также существительные в функции подлежащего (в конструкциях типа а), ср.: *ne mănâncă lupul oile* "волк съест наших овец"; частица *și* в значении "также", ср.: *Îmi plimb și câinele* "я заодно выведу собаку"; между Pr и V возможны местоименные клитики в аккузативе, частицы *cam*, *mai*, *prea*, *și*, *tot* и модальный глагол *a putea* "мочь", ср.: *nu-și putea stăpîni zîmbetul* "он не мог сдерживать улыбки". В роли Pr выступает следующий ряд личных местоимений в дативе: *îmi*, *îți*, *își*, *îi*; *ne*, *vă*, *își*, *le* (и соответствующие морфонологические варианты). Особенность конструкций с дательным посессивным состоит в том, что с синтаксической

точки зрения посессив связан с глаголом, а с точки зрения семантической подчинен имени объекта обладания, ср.: *își arăță biletul de peron* "он показал свой перонный билет".

2. Место N занимают имена различной семантики (отметим, что N всегда замещают существительные в определенной форме ед. или мн. числа). Преобладают следующие семантические группы: термины родства и другие имена релятивной семантики, типа "*друг*", "*гость*", "*собеседник*", "*спутник*", "*слуга*"; если в роли посессора выступает какое-либо животное, то в роли объектов обладания выступают соответствующие имена, обозначающие детенышей; так образуются пары типа: "*жобыла*" – "*жеребенок*" и пр., ср.: *rîncezatul unei iepe cînd își cheamă mînzul* "ржание кобылы, когда она зовет своего (досл.: себе) жеребенка"; имена домашних животных, ср.: *își cunoscuțe vaca* "она узнала свою корову"; в большинстве случаев в роли объектов обладания выступают имена неодушевленные; сюда относится, прежде всего, круг понятий, так или иначе связанных с человеком; таким образом, если в двух рассмотренных выше группах в функции обладателя и объекта обладания выступали одушевленные имена, то в группе, которая будет рассмотрена ниже, наблюдается соотношение *одушевленный (имя посессора)/неодушевленный (имя объекта обладания)*; место N занимают названия частей тела (человека, животного или персонифицированного мифологического существа), ср.: *își mișcă buzele* "пошевелил губами", *își ținea botul pe genunchii tatii* "она клала морду на колени отцу"; характерные особенности человеческой внешности, ср.: *a-și ascunde înălțimea adevărată* "скрывать свой настоящий рост"; изображение человека: *înainte de a-i începe portretul* "прежде, чем начать его портрет"; одежда и ее детали, украшения: *își bătu buzunarele* "он похлопал себя по карманам"; жилище человека, ср.: *a-i vedea camera* "увидеть его (ее) комнату"; мебель, убранство комнаты, обстановка: *își înclină scaunul* "он наклонил стул", *îi-ai schimbat aranjamentul din cameră* "ты поменял обстановку в комнате"; собственность (движимая и недвижимая), ср.: *mi-am strîns lucrurile* "я собрал свои вещи", *își găsi bicicleta* "он нашел свой велосипед"; посуда, ср.: *își împinse la o parte farfuria* "он отодвинул тарелку"; еда, питье, ср.: *a-și mîncă friptura* "съесть свое жаркое"; орудия, оружие, ср.: *mi-am azvîrlit undița* "я закинул удочку"; следующую группу составляют особенности характера человека, духовные и душевные качества, мысли, чувства, ощущения и другие проявления человеческого разума и психики, ср.: *își pierduse memoria* "он утратил память"; выраже-

ние чувств и проявления воли, ср.: *mi-am arătat spaima* "я выказал страх", *îi ascultă poruncile* "слушает его приказания"; характерные особенности материального, духовного состояния человека, его отношение к человеку, обществу, к природе, ко времени, к пространству, ср.: *și-a schimbat starea și numele* "изменил свое положение и имя", *asta i-a hotărât soarta* "это решило его судьбу"; занятия человека (формы и результаты), ср.: *își isprăvise treaba* "он кончил свою работу", *nu și-a întrerupt rugăciunea* "не прервал своей молитвы"; рутинные действия, ср.: *își făcea ronda* "он совершал обход". Интересную группу образуют имена, обозначающие различные проявления человеческого организма ("дыхание", "голос", "крик", "биение сердца", "улыбка", "слезы", "шаги" и т.д.), ср.: *își dresе glasul* "он повысил голос"; имена, обозначающие временные отрезки, ср.: *unde își petrecuse adolescența* "где он провел юность"; пространственные обозначения, ср.: *își reluă locurile* "они вновь заняли свои места". Далее следуют имена неодушевленные со значением свойства того или иного явления, ср.: *cîntecul și-a repetat vraja* "песня повторила свое очарование"; части целого, ср.: *patru lanterne își zvîliră văpăile* "четыре фонаря отбрасывали свет". Особую группу составляют конструкции с именами действия, ср. *îmi continuam plimbarea* "я продолжал свою прогулку", где притяжательное местоимение указывает на соотносительность отглагольного имени с возвратным глаголом.

3. Позицию V занимают глаголы различной семантики. Их число велико, но, по-видимому, не бесконечно, также как число имен, выступающих в функции объектов обладания. Среди глаголов можно выделить следующие группы: глаголы со значением процесса действия (*начинать/продолжать/кончать/прерывать/возобновлять*), ср. *a-i începe portretul* "начать его (до сл.: ему) портрет"; *a-și continua drumul, conversația, discuția* "продолжать свой путь, разговор, спор"; *a-și termina cafeaua* "кончить свой кофе"; *a-și întrerupe goana, rugăciunea, orele de germană* "прервать погонку, молитву, занятия"; *a-și reînnoi legămîntul* "возобновлять обязательство"; проводить (время), ср.: *a-și petrece, a-și trece zilele* "проводить дни"; большую группу образуют глаголы с общим значением движения, перемещения объекта обладания, ср.: *a-și trîi picioarele* "волочить ноги", *a-și mîna calul* "гнать лошадь"; ср. также частные случаи реализации пространственных оппозиций: *внутри/снаружи*, ср.: "вонзать, втыкать, пронзать"/"вынимать, вытаскивать" *a-și împlînta furculița în bucata de carne* "вонзать вилку

В кусок мяса", *își trase ghearele din grumazul ei* "он вынул когти из ее шеи"; ср. также: *a-și vârî batista în buzunar* "засунуть платок в карман", *a-și smulge afară bicicleta* "вывести наружу велосипед"; *verx/niz*, ср.: "опускать/поднимать" *a-și ridică valiza, fața, ochii, sprâncelele, capul* "поднимать лицо, глаза, брови, голову", *a-și ridică valiza* "поднимать чемодан"; *a-și coborî pri virea* "опускать взгляд", *a-și lăsa jos valiza* "опускать на землю чемодан", *a-și cufunda fața în apă rece* "опускать лицо в холодную воду"; ср. также: "повышать (голос)" *a-și drege glasul*; *открытый/закрытый*, ср.: *a-și deschide gura* "открыть рот"; *a-și acoperi fața cu mâinile* "закрыть лицо руками", *a-și astupa gura cu palma* "закрыть рот ладонью"; *близкий/далекий*; *a-și duce mîna la urechi* "поднести ладони к ушам"; *a-și propti bicicleta de gard, a-și rezema bicicleta de zid* "прислонить велосипед к изгороди, к стене"; *a-și propti coatele pe masă* "поставить локти на стол"; *a-și împinge la o parte farfuria* "отодвинуть тарелку"; ср. также глаголы со значением прикосновения: *a-i atinge părul, degetele* "касаться волос, пальцев", *a-și pipăi ciocănelul* "трогать кадык"; *a-și mîngîia cîinii* "гладить собак", *a-și mîngîia glezna* "потирать щиколотку"; прикосновение зубов: *a-și mușca buza, a-și mușca pumnii* "покусывать губу", "кусать кулаки"; прикосновение губ: *își șarută soția și fiica* "поцеловал жену и дочь"; *спереди/сзади*; *a-și lăsa soția în urmă* "опередить жену"; ср. также: "поворачивать" *a-și întoarce fața, capul, ochii, a-și răsuci capul* "повернуть лицо, голову, глаза", *a-și întoarce caii* "повернуть лошадей"; "засучить (рукава)" *a-și sufleca mînecile*; "откидывать назад" *a-și da capul pe spate, a-și lăsa capul pe spetează* "откинуть голову назад", "откинуть голову на спинку (кресла); "поджимать под себя"/вытягивать" *a-și ghemui picioarele, a-și aduna picioarele* "поджимать под себя ноги"; *a-și întinde picioarele, brațele, mîna* "вытягивать ноги, руки, протянуть руку"; высвободить" *a-și elibera picioarele, bărbia, manșeta* "высвободить ноги, подбородок, манжету", ср. также: "распускать (волосы)" *a-și deface cocul*; "наклонять" *a-și înclina scaunul* "наклонять стул", "раздвигать"/"сжимать, стягивать, соединять" *a-și lărgi gura la urechi* "растянуть рот в улыбке", *a-și strînge cordonul* "затянуть пояс", *a-și strînge fulgărinul* "запахнуть плащ", *a-și cuprinde genunchii cu brațele* "обхватить колени руками", *a-și strînge pleoapele* "зажмурить веки", *a-și împreuna mîinile pe piept* "скрестить руки на груди"; "собирать, складывать" *a-și strînge lucrurile* "собирать вещи", *a-și aduna cărțile* "складывать книги"; "ставить, класть" *mî-am pus mîna pe mîna tatii* "я положил руку на руку отца"; двигать, шевелить" *a-și mișca buzele* "шевелить губами"; "покачивать"

a-și legăna picioarele, capul, umerii "покачивать ногой, головой, поводить плечами"; "мотать (головой)" *a-și clătina capul*; "размахивать (руками)" *a-și flutura brațele*; "устремлять, переводить, останавливать, опускать (взгляд)"; ср.: *a-și îndrepta privirile; a-și roti privirea, a-și muta ochii; a-și întoarce ochii, privirea; a-și coborî privirea*; "замедлять (ход, движение)"; ср.: *trenul își încetineea mersul* "поезд замедлял ход"; "надевать"/"снимать" *a-și pune paltonul și căciula* "надеть пальто и шапку", *a-și trage mănușile* "натянуть перчатки"; *a-și scoate haina, impermeabilul, pălăria* "снять пиджак, плащ, шляпу"; "поправлять" *a-și îndrepta cravata, a-și potrivi cravata* "поправить галстук", *a-și vârî la loc gulerul* "поправить воротник", ср. также: "носить (одежду)" *a-și purta fracul*; "бросать (вниз, вверх, вперед, в сторону)": *a-și arunca umbra* "отбрасывать тень"; *a-și azvîrli în aer pălăria* "бросать вверх шляпу"; *a-și arunca părul spre ceală* "отбрасывать назад волосы"; *a-și azvîrli undița* "забрасывать удочку", *a-și arunca țigara* "бросить сигарету"; оппозиция *видимый/невидимый*: "прятать/находить" *a-și ascunde fața* "прятать лицо", *a-și feri ochii, privirea* "отводить глаза, взгляд"; *a-și găsi bicicleta* "найти велосипед"; ср. также пары: "искать/находить" *a-și căuta haina, lucrurile, poșeta, vaca* "искать пиджак, вещи, сумку, корову"; "терять/вновь обретать" *a-și pierde vremea, memoria, răbdarea, cumpătul, echilibrul, suflul* "терять время, память, терпение, душевное равновесие, дыхание"; *a-și recăpăta suflul, forma* "вновь обрести дыхание, форму". Далее следуют глаголы, отражающие умственную и психическую деятельность человека: глаголы речи, ср. *a-și spune gândul* "выражать свою мысль"; *a-și spune cuvîntul* "сказать свое слово"; *a-i rosti numele* "произносить его/ее имя"; *a-și anunța părinții* "уведомить родителей"; "звать", ср.: *a-și striga vecinul* "звать соседа"; *a-și chema mînzul* "звать жеребенка"; "выражать чувства", ср. *a-și tîngui viața* "оплакивать жизнь", *a-și blestema viața* "проклинать жизнь"; глаголы восприятия; "видеть" ср.: *a-și vedea fiul* "видеть сына", *a-i vedea chipul* "видеть его/ее лицо"; "смотреть" *a-și privi haina* "осматривать свою одежду", *a-și cerceta însoțitoarea* "разглядывать свою спутницу"; "слышать" *a-i auzi pașii* "слышать его/ее шаги"; глаголы с общим значением "понимать"; ср.: *a-i înțelege durerea* "понимать его/ее боль"; *a-i citi gândurile* "читать его/ее мысли"; *a-i ghici accentul* "угадывать акцент"; "знать", ср. *le cunoaștem chipurile* "мы знаем их лица"; "узнавать", ср.: *nu-și cunoaștea biserica*

"он не узнавал свою церковь". Отдельную группу образуют глаголы с общим значением "беречь, охранять, защищать"; ср. *a-și păzi liniștea* "оберегать свой покой", *a-și apăra gândurile* "защищать свои мысли"; ср. также: "пасти (скот)", "прогуливать собаку", "навещать кого-либо" *a-și paște mieii*, *a-și plimba câinele*, *a-și vizita fratele*; "приводить в порядок", "мыть, чистить", ср.: *a-și aranja lucrurile* "приводить в порядок вещи", *a-și orîndui gândurile* "приводить в порядок мысли"; *a-și dichisi părul, barba* "приводить в порядок волосы, бороду", *a-și spăla trupul* "мыть тело", *a-și freca dinții cu cenușă și sare* "тереть зубы золой и солью", *a-și șterge nasul cu mîncă* "вытирать нос рукавом", *a-și șterge fruntea cu palma* "вытирать лоб ладонью", *a-și șterge lacrimile* "вытирать слезы", *a-și pudra vîrfurile nasului* "пудрить кончик носа"; ср. также: "пристраивать, устраивать (семью)" *a-și adăposti familia*; "вешать (одежду)" *a-și atîrna haina*. Глаголы "пить", "есть", ср.: *a-și bea cafeaua* "пить кофе", *a-și mîncă friptura* "есть жаркое"; "утолять голод, жажду" *a-și potoli foamea, setea*. Глаголы "держат", ср.: *a-și ține caseta* "держат касету", *a-și ține ochelarii* "придерживать очки"; "брать", ср.: *a-și lua bicicleta* "брать велосипед"; "сдавать (экзамен)" *a-și trece, a-și da examenele*; "получать (степень)" *a-și lua bacalaureatul*; "готовить" *a-și pregăti textul*; "исправлять" *a-și repara greșeala* "исправить ошибку". Глаголы "останавливать, сдерживать, подавлять, мешать, препятствовать", ср. *a-și opri calul* "остановить лошадь"; *a-și opri strigătul* "подавить возглас"; *a-și stăpîni emoțiile* "сдерживать чувства"; *a-și ține răsufllarea* "задерживать дыхание"; "отпустить", ср.: *lăsați-mi mînzul* "отпустите моего жеребенка". В рассмотренных конструкциях, относящихся к типу а), V может быть только переходным глаголом, в отличие от конструкций типа б), где в функции V выступают непереходные глаголы, семантически далекие от приведенных выше, ср., в частности: *mi-a adormit calul* "у меня заснул конь"; *îmi arde sufletul* "у меня горит душа"; *îi vibra glasul* "у него дрожал голос"; *rochia îmi zburase cu valiza* "платье мое исчезло вместе с чемоданом" и др.

ПОСЕССИВНЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ПОСЕССИВНЫЕ МОДЕЛИ

1. В лингвистической литературе существуют две основные тенденции толкования понятия посессивности: с одной стороны, это понятие часто сводят к понятию владения, а с другой стороны, высказывается мнение, что значения сочетаний с посессивом целиком определяется семантикой имени и контекстом, а не семантикой посессива.

В докладе будет сделана попытка показать, что посессивные отношения не охватывают любой тип отношений: существует ограниченное число отношений, которые включаются в это понятие. Семантика имени и контекст показывает, какое именно из них реализуется, но семантика посессива определяет круг этих отношений. Мы попытаемся также показать, что все эти отношения подводятся под одно общее представление, которое приблизительно можно сформулировать так: сфера посессивности X -а — это все то, на что распространяется "личность" X -а. Иными словами, это — то, что попадает под временную или постоянную власть X -а (юридическую, физическую, нравственную, духовную), а с другой стороны, то, что несет в себе элемент самого X -а, причем элемент, который так или иначе подчинен X -у, является производным, зависимым от него. Поскольку во втором случае Y (объект обладания) также в том или ином смысле подчинен X -у, первый и второй случаи можно обобщить и образно определять сферу посессивности как то, что попадает в силовое поле X -а, которое может совпадать, а может не совпадать с физическим распространением X -а. Подчеркнем, что силовое поле — это не пространство, но в сферу его действия могут входить объекты и пространства.

Предложенное толкование поясняется и подтверждается через перечисление тех типов отношений, которые могут описываться через посессивные модели. Выделяется, несколько условно, шесть основных посессивных отношений (a_1 — отношение свойства к объекту, в состав которого оно входит, a_2 — отношение "вещественной" части к целому, a_3 — отношение "созданного" к производителю и т.д.).

II. Утверждается, что известная неопределенность, характеризующая приведенное выше общее определение, соответствует значению посессивных моделей и определяет возможность более широкого и более узкого их использования. Наиболее широко понимается отношение посессивности, когда в качестве посессора выступает говорящий или слушающий (об отображении в языке особого восприятия "я" уже неоднократно говорилось в лингвистике).

III. Приводятся аргументы в пользу утверждения о том, что в моделях типа "у X-а (есть) Y", "X имеет Y", а также таких моделях, как "X берет Y" признак посессивности соединяется с признаком пространственности. Показывается, что чаще всего признак посессивности представлен в значении этих моделей дважды: и Y, и то пространство, в которое входит Y, характеризуются как находящиеся в посессивном отношении к X-у. Если только Y или только пространство S имеет посессивное отношение к X-у, то эти модели показывают, что нахождение, включение Y-а в S имеет ещё какое-то непосредственное отношение к X-у (например, X может как-то использовать то, что Y находится в S).

Т.П.Скорикова (Москва)

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТИРОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ "НАШ" В УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

1. Необходимость углубленного исследования закономерностей акцентирования именных сочетаний с притяжательными прилагательными *мой, твой, свой, наш, ваш* в живой спонтанной речи обусловлена семантической двуплановостью этих лексем. Смысловый объем притяжательных прилагательных, указывал В.В.Виноградов, "далеко выходит за пределы прямой притяжательности": как и местоименные слова *тот, этот*, "... они не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством непосредственного указания на него самого или посредством указания его владельца" (В.В.Виноградов, Русский язык, М., 1972, с.160). Этой особенностью притяжательные прилагательные значительно отличаются от всех других групп прилагательных.

2. Притяжательные местоимения в текстах устной научной речи (УНР) характеризуются различной степенью представленности и различными возможностями акцентирования. Специфичным для данного класса текстов является сочетание двух аспектов: требование точности и объективности изложения научных фактов с необходимостью постоянного поддержания контакта с аудиторией путем использования различных приемов интимизации сообщения (в числе последних личным и притяжательным местоимениям принадлежит одно из ведущих мест). В силу сложившейся в научном обиходе особой стилистической манеры выражения авторского "я" (в значении "я" широко употребляется "мы" авторское) местоименное слово *наш* обладает наибольшей смысловой нагрузкой среди притяжательных местоимений в УНР и наибольшим

показателем акцентуемости (i). Ср. $i_{\text{наш}} = 0,44$, $i_{\text{ваш}} = 0,22$, $i_{\text{мой}} = 0,11$, $i_{\text{свой}} = 0,02$ (показатель акцентуемости притяжательных местоимений определялся через отношение степени частотности типов интонационного оформления именного словосочетания с акцентно маркированным атрибутом ($\acute{A}S$, $\acute{A}\acute{S}$) к степени частотности типов интонационного оформления словосочетания с акцентно немаркированным атрибутом (AS , $A\acute{S}$) в сплошной выборке материала).

3. Исследование особенностей акцентно-просодического оформления именных сочетаний с лексемой *наш* и их семантики в устных научных текстах (объемом более 30 час. звучания) приводит к следующим наблюдениям.

1) Семантическая двуплановость лексемы *наш* (прямая притяжательность + дополнительные указательные и качественные значения) в УНР редуцирована до значения прямой притяжательности, либо представлена в усеченном виде (притяжательность + дополнительные указательные значения, которые конкретизируются в зависимости от контекста и семантики существительного). Развитие качественного компонента в значении лексемы *наш*, реализующееся, в частности в поэтической речи, нехарактерно для УНР (ср. примеры, которые приводит В.В.Виноградов из поэзии Пушкина: "Тесней, о милые друзья, тесней наш верный круг составим" и Безыменского: "Пусть мы в борьбе сжигаем наши дни". — См.: В.В.Виноградов. Указ. соч., с.169).

2) Лексема *наш* обладает различными возможностями акцентирования в свободных и фразеологизированных именных сочетаниях. С большей степенью регулярности она акцентируется во фразеологизмах со значением авторской оценки *на наш взгляд, с нашей точки зрения*. Ср.: *На наш взгляд / только такой комплексный подход / к автоматизации / основных / процессов / позволяет достичь ощутимого эффекта.*

3) В так называемых свободных именных словосочетаниях акцентоспособность лексемы *наш* дифференцируется в зависимости от собственной семантической нагрузки и лексического значения сочетающегося с *наш* существительного. Рассмотрим более подробно первый фактор. Специфика употребления лексемы *наш* в УНР состоит в трех ее семантических свойствах: а) в способности индивидуализировать сообщение путем указания на принадлежность автору речи определенной суммы реалий, относящихся к сфере научной деятельности ("мой" авторский: *тема, доклад, задача, концепция* и др.; аналогично *мы* в значении "я"); б) в способности употребляться в значении "мой и ваш"; (аналогично *мы* в значении "я и слушатели"); в) в способности выражать всем объемом своего содержания значение "наш, имеющий отношение к нам, принадлежащий нам".

При реализации значения "мой" притяжательное местоимение *чаш*, как правило, акцентно не выделяется и, таким образом, характеризуется нулевым акцентным показателем. *Наш* в этом значении семантически однопланово, т.е. не имеет никаких дополнительных значений кроме значения прямой притяжательности. Во втором и третьем значении (в дальнейшем — *наш₂* и *наш₃*) лексема *наш* в той или иной мере обладает семантической двуплановостью и характеризуется относительно равными возможностями акцентирования: $i_{наш_2} = 0,41$, $i_{наш_3} = 0,50$. Небольшие различия в степени выраженности акцентного показателя связаны с особенностями реализации *наш₂* и *наш₃* в контексте.

Значение "мой и ваш" (второй семантический план — дополнительный временной оттенок — "актуальный для нас с вами в данный момент речи") в большинстве случаев маркируется контекстом и поэтому при своем воплощении в тексте обладает меньшим показателем акцентированности. Значение "наш" для своей реализации не требует особой контекстуальной поддержки, в связи с чем на акцентном уровне оно обладает большей степенью эксплицитности.

Двуплановость значения *наш₃* (притяжательность + "свой, нечужой, отечественный") преимущественно актуализируется в рамках словосочетания: поддерживается лексическим значением существительного. Ср.: *Такого рода работа /не проводилась/ ни в нашей русистике /ни/ вообще/ в целом/; краткосрочные курсы действительно /из года в год растут/ и в нашей стране и за рубежом/.*

Т.М.Судник (Москва)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В БЕЛОРУССКОМ

По анкете, составленной в Секторе структурной типологии (Структура текста-81. М., 1981, с.1–6), рассматриваются некоторые специфические способы выражения посессивности в северо-западных белорусских говорах, относящихся к зоне балтийско-славянского языкового союза. Речь идет прежде всего об именных и глагольных конструкциях, сложившихся в условиях литовско-белорусского двуязычия.

Особенностью белорусского языка (в литературном и диалектных вариантах) можно считать широкое употребление притяжательных прилагательных для выражения отношений принадлежности (ср. сопоставительные наблюдения М.Ф.Янковского, среди прочего, над русскими

переводами названий произведений: "Рыбакова хата" = "Хата рыбака", "Нёманай дар" = "Дар Немана" и т.п.). Ср. в связи с этим: субстантивированные притяжательные прилагательные в роли терминов родства (*сынóва* "жена сына"; *братава* "жена брата", *дзядзіна* "жена дяди") и в гипокористической функции (обращения к детям в полесских говорах: *ма́мын*, -а; *та́тув*, -а; *ба́бын*, -а; *дідув*, -а); многообразие соответствующих моделей в ойконимии (*Барысаў*, *Ляхава*, *Юзэфін*, *Алесіна* и т.п.).

На этом фоне говоры белорусско-литовского пограничья отличаются предпочтительным употреблением субстантивных словосочетаний с характерной препозицией *Gen_{poss.}*, ср.: *бацькі хата*, *чалавека душа*, *суседа сад*, *воўка ока*, *мышэй гняздо* и т.п. К органичности и устойчивости сочетаний этого типа ср. их проникновение в народную терминологию: *Журайлёў дарога* "Млечный Путь", *Удоваў гвезда* (= Вдов звезда), *Грыга колы* (лит. *Grigo gātai*) "Большая Медведица", *чарта́ пальцы* "белемниты", и т.п.; ср. также случаи, когда такого рода синтагмы приближаются к словосложению (несут одно ударение и пр.). Отмечены разного рода цепочки, в которых смысловая иерархия передается порядком следования генитивов, ср.: *мужа брата жонка*, *бацькі маткі матка*, *брата дзяцей кніга*, *сястры свякроўкі хата* и т.п.

В говорах литовско-белорусского пограничья наблюдается экспансия посессивных конструкций с *мець* "иметь": они определенно предпочитают синонимичным экзистенциально-посессивным конструкциям с *быць* (*я маю кросны* употребительнее, чем *у мяне ёсць кросны*). Прослеживаются некоторые семантические различия между оборотами того и другого типа, а также между их отрицательными трансформациями (*я не маю* – *у мяне няма*).

С условиями двуязычия связан морфологический способ выражения косвенно-возвратного значения глаголов – возвратный аффикс *-ся* перестает быть формальным показателем интранзитивности и становится показателем медиальности в составе не только непереходных, но и переходных глаголов, ср.: *зварыцца вячэру* "сварить себе ужин" (при *зварыць вячэру*), *прывесціся хлеба* "принести себе хлеба" (при *прывесці хлеба*), *купіцца карову* "купить себе корову", и т.п.; ср. также допустимые колебания (*з сабою ўзяла* – *з сабою ўзялася*, *сукню пашыла* – *сукню пашылася*, *людзей сабраўшыся* – *людзей сабраўшы*, и т.д.).

К ГЕНЕЗИСУ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ

... До того, как еду и питье
 Называли "моя" и "моё"...

Категория притяжательности (КП) принадлежит к числу тех языковых конденатов, субстрат которых (исходный пункт будущей идеи обладания) сложился в дочеловеческий период и до сих пор существует и вне человеческой сферы. Применительно к этой архаичной, стадийно более ранней ситуации (напр., в мире животных), естественно, не может быть и речи о понятии субъекта и/или личности, придающем особый смысл КП в человеческом языке. Максимум того, что можно сказать (при первом приближении) об этой ситуации, состоит в признании наличия отношения притяжания (r) при условии, что нечто, в дальнейшем трактуемое как объект обладания ($N \rightarrow R$) "включается" в P (обладатель), т.е. "принадлежит" этому P , составляет его часть, так или иначе связано с ним — при том, что отношение r для P является не только воспринимаемым, но и отмеченным на уровне поведения (и даже — в принципе — проверяемым в эксперименте). Т. обр., r обеспечивается при $R \in P$ (при указанном условии), но остается не ясным, действительны ли утверждения типа $R \notin P$, из которых позже возникают ситуации, описываемые как $R_1 \in P_1$, где P_1 — "другой" обладатель. Но вопрос о генезисе языковой КП осложняется не только категориальным и доязыковым прошлым этого явления, но и тем обстоятельством, что в самом языке КП в разные периоды решающим образом зависела от конфигурации наличествовавших в языке в данный момент форм выражения и, главное, ведущих идей плана содержания. Но и то и другое само по себе нуждается в выяснении. В этих тезисах целесообразно обозначить лишь некоторые аспекты предистории и истории развития КП: 1) физиологические основы ее; 2) связь с некими более фундаментальными (или, по меньшей мере, более архаичными) категориями, которые, принадлежа к надфизиологической сфере, своими корнями (через субстрат) связаны с физиологическими основами этих категорий; 3) связь КП с некоей ситуацией языка в действии, предполагающей определенную схему отношений между элементами, "разыгрывающими" тему притяжательности; 4) связи КП с некоторыми чисто языковыми категориями, в частности, и с определенной формой выражения этих категорий или образующих их граммем; 5) связи КП с той мифопоэтической схемой, которая могла бы считаться мотивирующей по отношению к самой КП или лежащим в ее основе идеям.

Отношение притяжания предполагает включение R в P , некую близость, смежность, с одной стороны, и мыслимое противоположное отно-

шение отчужденности, разъединенности, с другой. И в том и в другом случае субстратом является пространство (любопытно, что роль пространственных отношений оказывается важной и в тех или иных формах развитой КП; такова, напр., семантическая афазия, при которой нарушается анализ и синтез конструкций Gen. poss. в так называемых "коммуникациях отношений", что связано с неумением разместить соответствующие элементы в пространстве; при этом другие виды конструкций с Gen. остаются в сохранности; другой круг фактов – различие между неизменным соседством элементов в конструкции Gen. poss. и отсутствием этого требования в других видах конструкций с Gen. [ср. различие логических отношений контакта – *samyoga* и/неотъемлемой/присущности – *samavāya* в логике навья-ньяя]; характерно, что эта особенность Gen. poss. икопически отражает отношение в исходном пространственном субстрате притяжательности; уместно подчеркнуть общность источника притяжательности и метонимии – пространственной смежности). Не случайно, что именно пространство выступает как модель схемы притяжения – отчуждения. Вместе с тем пространственная интерпретация выступает как наиболее естественная и в более общих случаях и при детализации отношений RCP. В мифопоэтических системах обладатель и обладаемое (P и R) мыслимы только в пространстве. Согласно Платону материя, "восприимница и как бы кормилица всякого рождения" бесформенна; поэтому она идеально воспринимает образец; свое свойство матричности (ср. материя: матрица; мать) она как бы передает пространству, где и возникают впервые те элементы, между которыми может возникать отношение притяжения. Собственно, все, что есть, есть в пространстве, а все, что есть в пространстве, принадлежит ему (ср. платоновское учение о "вместилище" – *χώρα*, уже предполагающем отношение пространства и его части – вещи). Экстенсивность идеи принадлежности в этой философизированной теории преодолевается в тех мифопоэтических концепциях, которые развивают тему происхождения мирового пространства из некоего изначального тела (Первочеловека). Первоначально единое, целостное и самодостаточное, оно становится строительным материалом всего, что есть в мире ("объектное" пространство), и, след., все вещи принадлежат уже не всему пространству как их вместилищу, а только его ядру – вселенскому телу, которое, собственно, и произвело операцию отчуждения как жертву внешнему миру (та же идея лежит в основе мифа творения, в котором подчеркивается противоположное направление: из элементов мира творится первое тело). Но независимо от того, что первично (тело или пространство, микрокосм или макрокосм), в обоих случаях актуализируются два круга идей – исходное и производное (мать и ее порождение, целое и часть и т.п.) и притяжение – отчуждение, высветляемое моти-

вом перехода (перемены для обладаемого в его обладателе). Тем самым задается один из ранних вариантов схемы притяжания (R, P, r), уже, по сути дела, предполагающий задание направления отношения r и границы между его элементами (R и P). Эти два мотива и вытекающий из их соединения мотив перехода – перемены постоянно воспроизводятся в истории КП. Так, обращает на себя внимание асимметричность схемы r , связанная, в частности, уже с различием P и R и в значительной степени объясняемая общей антропоцентричной (и – глубже – *Ego*-центричной) установкой языка, структурой акта коммуникации, особенностями текста с точки зрения их авторства и т.п. Тем не менее, несмотря на регулярно-грамматический характер КП и на принципиальную логическую симметричность r в целом ряде ситуаций взаимопринадлежности (я – твой \Rightarrow ты – мой), причем нередко совпадает и объем притяжаемого, оказывается, что, как правило, P и R различаются в языке как общее и частное, целое и его часть, постоянное и временное, раннее и позднее, исходное и производное, главное и второстепенное, большое и малое, живое и мертвое, одухотворенное и неодухотворенное, сознательное и бессознательное, управляющее и управляемое и т.п. (здесь не рассматривается вопрос о другой асимметричности, связанной с разной дифференцированностью P и R , и об известном предпочтении схемы типа "один P – много R " перед схемой "много P – одно R ", обусловленном, между прочим, и структурой текстов и лежащими вне их причинами). Выделение двух подпространств в зависимости от направления, которое принято приписывать притяжанию, отсылает к следствиям, вытекающим из более общего принципа двойной (эндо- и экзоцентрической) ориентации, обнаруживаемой в сфере органической жизни, в социальных структурах, в расположении сакральных объектов, устройстве поселений, дома и т.п., и из синтезирования обих направлений, соотв. – пространств. Эти же два подпространства, возникающие в сфере действия отношения r , с некоторой общей точки зрения сопоставимы с теми двумя пространствами (внешним и внутренним, пассивным и активным, чужим и своим и т.п.), которые обнаруживаются и в совсем иных сферах, где реальность указанных пространств ставится в зависимость от границы между ними и от возможности ее переходов (ср. идею золотого яйца – "хираньягарбха" в мировых водах как аналог зародыша в околоплодной жидкости, который находится на грани двух пространств и само рождение которого может пониматься как целенаправленное движение из внутреннего замкнутого пространства во внешнее разомкнутое, причем это движение могло "запоминаться" в пространственном коде и выступать как образ "притяжания"). Особую роль в этом отношении играет тело как граница внутреннего (чрев-

ного) и внешнего пространства через которую и происходит "аналогическое" присвоение мира: через глаза — свет, через уши — звук, через нос — запах, через кожу — вещи и т.п. (или, наоборот, его отчуждение: из глаз — свет и т.п., ср. мотив отсечения членов Адама и разбрасывания их в пространстве). Но чтобы выделение двух пространств было возможно и в динамике, сама граница между ними должна характеризоваться известной относительностью, подвижностью. В этом контексте не приходится удивляться тому, что для архаического сознания относительно и само понятие границ тела. "Свое" неотчуждаемое тело (*Дано мне тело — что мне делать с ним;/ Таким единым и таким моим?*) нередко имеет непосредственное продолжение в "своем" же отчуждаемом внешнем теле, которое, особенно в связи с сакральной фигурой царя, может выступать как его жена, дом (дворец), город, царство (страна) и конечно, как пища (ср. мандельштамовские *еда и питьё*), которая теснейшим образом связана с ростом тела, с наследием, имуществом; с точки зрения тела она — "моя", как и дети, потомство, образ тела во времени. Известной аналогией сказанному может быть понятие так называемой "своей" территории — как у животных, так и у архаических человеческих коллективов, для которых, в частности, такая территория часто оказывается и кормовой базой (пища); род, племя и т.п., осознающие себя на языковом уровне и/или в автоописаниях как тело (ствол), и свою пространственную проекцию ("свою" территорию) склонны трактовать как продолжение тела, принадлежащее им. Показательно, что именно в связи с этой сферой наблюдается особенно тщательное и последовательное использование средств выражения притяжательности. То же относится и к тем ситуациям, когда речь идет об изменении границ "своей" территории, т.е. — чаще всего — об увеличении или об уменьшении "тела", а также о переходе от одного обладателя к другому. В этой связи смысл "Лесного царя" Гете может быть сведен к изображению перехода ребенка от одного обладателя к другому и о его последствиях (характерно, что на известной стадии развития ребенок не отделяет себя от матери, включая ее в "свое" пространство; во всяком случае он не может показать, где мать, при условии, что он находится с ней в теснейшем контакте /например, на ее руках/, в то время как в других условиях опознание происходит без каких-либо нарушений). Усвоение правил операций присвоения и отчуждения составляет необходимый этап в развитии ребенка, и позднее эти операции неоднократно "проигрываются" — как в связи с новыми, непредусмотренными ситуациями, так и в связи с заранее отмеченными ключевыми моментами (ср. ритуалы, связанные с жертвоприношениями и все, что объединяется принципом *do, ut des*). К этому кругу явлений следует отнести и мену внут-

ренного и внешнего пространства и связанную с ней мену местами субъекта и объекта, игру полюсами субъективности и объективности, когда вещь начинает говорить человеческому Я – "моё"; "второе рождение", как бы преодолевающее исключительную субъективность Я и объективность вещи и открывающее новое видение в двух направлениях – от Я к вещи и от вещи к Я. ("Гут только бросилось мне в глаза то, что началось, вероятно, раньше, но все время заслонялось близостью случившегося... Меня окружали изменившиеся вещи. В существо действительности закралось что-то неиспытанное. Утро знало меня в лицо и явилось точно затем, чтобы быть при мне и меня никогда не оставить... Светлый лаконизм жизни открылся мне, перешел через дорогу, взял за руку и повел по тротуару". – "Охранная грамота"). Таким образом, можно настаивать на том, что субстратом КП являются некие отношения пространственного характера (два пространства – внутреннее и внешнее, здесь и там, "свое" и "чужое" и граница между ними, которая может меняться). Наиболее удобной и достаточно отчетливо осознаваемой моделью этих отношений мог бы быть сам человек, его тело. Именно по этой модели мифопоэтическое сознание первоначально строило описание Вселенной. Тело и его функции во всем многообразии жизненного (телесного и душевного) опыта образуют ядро архайчной классификации, на основе которой складывались и собственно грамматические категории (во всяком случае их ядро). Присвоение человеку (телу) вселенского пространства совершалось и через его связь с обозначением частей тела (ср., с одной стороны, глава горы, подножье холма, устье реки и т.п., и с другой стороны, систему предлогов-превербов, восходящих к названиям частей тела и задающих основные пространственно-временные координаты мира в терминах отношений, ориентированных на некий центр, в котором находится тело), и через его наименование, исходящее от человека (ср. эту тему в "Детстве Люверс", продолжающем в этом отношении длительную традицию).

Но параллельно присвоению внешнего пространства тела происходит аналогичный процесс и в его внутреннем пространстве, но он носит совсем иной характер. Главная его особенность – выработка все более интенсивно субъективных ипостасей тела, углубление внутрь с целью обнаружения некоего ядра, по отношению к которому само тело могло бы рассматриваться как внешняя и даже в акте смерти отчуждаемая оболочка. Так происходит становление личного (а затем и личностного) начала, ориентированного на максимум субъективности, т.е. на предельную удаленность от сферы объективного и объектного с ее внешними пространствами. В этой функции как раз и обнаруживает себя Я

как "сокровеннейшая суть каждой души". Верх отъединенности и субъективности, только оно и обеспечивает во всей глубине связь с полюсом объективности, с миром. Предельный синтез двух этих начал фиксируется словом "моё", сказанным Я о мире в его целостности или о его части. Но само это словоупотребление невозможно без уже совершившейся экспансии Я на мир и на самого человека – его телесную и духовную структуру (ср. характерные примеры, когда слово для тела обозначает и "сам" почти исключительно по отношению к 1 л., типа др.-инд. *tanū-* на фоне более поверхностного сдвига "тело" → "особа", "лицо", ср. *śārīra-*). Для угнездившегося во внутреннем глубинном центре Я эта структура (пространственно – тело) как раз и образует границу, которая, говоря в общем, разделяет неотчуждаемо присвоенное от присвоенного неокончательно и допускающего отчуждение. Но не менее важна и другая (внутренняя) граница между изменчивым и эмпирическим Я и абсолютным Я, выступающим как субъективная ипостась объективного начала, его (Я) доля в высшей форме этого начала.

Хотя Я, видимо, можно определить через углубляющееся движение во внутреннем пространстве, его прямое назначение проявляется в акте речевой коммуникации, где Я обозначает автора речи, центр, по отношению к которому ориентирована вся речевая коммуникация. Логически Я не предполагает с неизбежностью другого и в известном смысле самодовлеюще (ср., в частности, Его-центрическую притяжительность). Но, оставаясь в изоляции, оно не может реализовать наиболее уникальные и сильные из своих возможностей и, осужденное на безответность, замыкается на самом себе. Однако, будучи выведенным из чисто пространственного ряда и помещенным в контекст коммуникации, Я неизбежно вызывает понятие другого (даже если речь идет об автокоммуникации), о проблеме которого так много писалось в XX веке (Мейер, Эбнер, Бубер, Марсель, Гейдеггер, Сартр и др.). В свою очередь введение в схему другого создает условия для становления уже не Его-центрической притяжительности, что составляет решающий шаг на пути формирования КП с ее универсальными заданиями, и для дальнейшей субъективизации Я, постепенно освобождающегося от чисто пространственных характеристик. Более того, Я окончательно конституируется, осознается и открывает для себя еще более далекие перспективы лишь после того, как появляется другой (чему и посвящена названная выше повесть Пастернака). Без другого Я (человек) не может быть мерой вещей, поскольку они не вызывают к той жизни, которая судит и рядит, и для меры, заданной Я, нет еще сферы приложения. После многочисленных исследований (в част-

ности, Бенвениста) нет необходимости говорить об особенностях каждого из трех элементов в схеме личных местоимений. Достаточно лишь подчеркнуть, что шифтерная природа особенно интенсивно проявляется в личных местоимениях, во-первых, и именно в 1 л., во-вторых. Бедность 3 л. (собств., "не-лица") в этом отношении очевидна и доказательства ее известны (ни у Я, ни у Ты в акте коммуникации нет необходимой и непосредственной связи с Он; Он может войти в контакт с Я только через стадию трансформации его в Ты; на ранней стадии развития язык мог описывать только некую реальность, но не потенциальность, и только в конкретном акте коммуникации; описывая ее с точки зрения Я, язык трактовал Он как реальность дальнего плана или вообще ставил его вне реальности). Но и Ты, объединяемое с Он как другой, уступает Я в интенсивности (в частности, Ты может быть одним объектом для многих Я, вступающих в коммуникацию с этим Ты, тогда как Я ни с кем не делит денотата и остается всегда уникальным и абсолютно индивидуальным). Можно полагать, что если пространство (→ тело) является первым локусом, где сложились предпосылки для формирования КП, то вторым локусом, где она была введена в акт речевой коммуникации, стало 1-ое л., т.е. как раз Его-центрическая ориентация. Действительно, существует достаточное количество примеров, которые свидетельствуют, что "притяжение" в связи с 1 л. по своему характеру отличается от такового в связи с 2 л. и тем более с 3 л.; что первый случай архаичнее второго; что именно из 1 л. началось распространение идеи притяжательности и генерализующих тенденций в структуре этой категории; что, наконец, только 1 л. (Я) органически укоренено в пространственно-временной схеме как ее центр — здесь-теперь, см. ниже (можно напомнить, что эта же ситуация воспроизводится в центральном годовом ритуале, прообразующем творение в его сакральном максимуме; след., и в акте речи деятель, связанный знаково-отмеченным "здесь-теперь", выступает как своего рода демиург, голос этого места и времени, направленный во вне и "персонализирующий" пространственно-временную характеристику). Отмеченности Я как воплощения центральной точки "здесь-теперь" соответствует, видимо, и особый характер "притяжания" в связи именно с этим локусом. Во всяком случае именно здесь его сильная позиция, где оно выступает полнее и рельефнее всего (не случайно, что разные формы "притяжания" становятся основой для развития других элементов языка именно в связи с перволичной формой; ср. образования типа *madonna* или развитие у Pron. poss. в 1 л. новых смыслов — близость, интимность, положительность и т.п.). Нетрудно показать, что в разных язы-

ках до сих пор сохраняются указания на преимущественную важность ориентации на 1 л. — как в характере ряда грамматических категорий, так и в статистическом распределении относящихся сюда примеров (ср. такие категории как залог [др.-инд. *ātmanepadam* и *parasmaipadam*, соотв. средн. и действ. залого, сами названия которых указывают ориентацию на Я /на себя самого/ или на другого], одушевл. — неодушевл., разумн. — неразумн., активн. — инактивн., инклюзивн. — эксклюзивн. и т.п.). Во всяком случае следы асимметричности в отношении ряда категорий к формам лица несомненны, и в этом смысле они подтверждают роль 1 л. как своего рода центра, определяющего развитие ряда важных языковых структур.

Наконец, для конкретных языков и языковых семей можно говорить и еще об одном докусе КП — формально-языковом. В этом случае существенно установить связи формантов, с помощью которых выражается КП, с соответствующими элементами, характеризующими, однако, другие категории или единицы плана содержания, а также определить направление развития и последовательность, в которой появлялись данные форманты в разных элементах языковой системы. Оставляя до поры этот вопрос в стороне, все-таки стоит отметить в связи с и.-евр. (отчасти и ностратич.) данными: 1) наибольшую четкость картины, относящейся к Pron. poss. 1 л.; 2) несомненную связь показателя притяжательности (Pron. poss.) 1 л. *m-* с тем же *m-* в косв. пад. Pron. pers. 1 Sg. (ср. также *m-* в Pron. pers. 1 Pl. /как в и.-евр./ или формах инклюзива в ностратич.), ср. то же в связи с комплексом *m-n-* в обоих случаях, и связь *t-* в Pron. poss. 2 л. с *t-* в Pron. pers. 2 л.; 3) соотношенность *m-* в Pron. pers. 1 Sg. (а через него и *m-* в Pron. poss. 1 Sg.) с *m-* во флексии глагола в 1 Sg., при том, что для 2 Sg. такое соотношение отсутствует (или, по крайней мере, нуждается в особых разъяснениях), а для 3 Sg. принадлежит к числу явно поздних образований; 4) напрашивающееся соотношение уже отмеченной пары *-m* в Pron. pers. 1 Sg. и *-m-* в 1 Sg. глагола с парой *H-* в **He-g'H-(om)* "я" и *-H-* в 1 Sg. глаголов, отраженных, напр., в спряжении на *-hi* в хеттском; 5) правдоподобное понимание **He-g'H-(om)* "я" как местоименного указательного элемента ("Hierheit" "вот-здесьность"), который материально совпадает с показателями этого типа в глаголе и в имени (ср. огласовку *e* или тематический гласный); 6) возможную более раннюю стадию, когда этому **He-g'H-(om)* предшествовало **m-*; 7) несомненную, хотя пока и труднодоказуемую связь этих показателей (и, след., и.-евр. формантов КП в Pron.) с проблемой активности — инактивности, без решения которой многие конкретные аспекты раннего состояния КП повисают в воздухе. Для изучения генезиса

и становления КП представляют интерес и процессы сознательной деперсонализации (ср. мотив анонимности у Валери и др.), связанные с вычеркиванием содержательных и языковых отсылок к Я, с отказом от "притяжания" ("смазанное притяжание") в разных сферах жизни, включая язык и творчество.

Е.А.Хелимский (Москва)

ПРАСАМОДИЙСКИЕ СЕРИИ ПОСЕССИВОВ И ИХ РЕФЛЕКСЫ

Всем самодийским языкам присуща категория посессивности, выражаемая сочетанием имени обладаемого R с посессивными суффиксами P_x, указывающими на possessора P_s. Выбор P_x зависит не только от лица и числа P_s, но и от падежа и числа R. Группа из девяти P_x (для трех лиц и трех чисел P_s), используемых при определенном падежно-числовом оформлении R, образует одну серию. Ниже делается попытка реконструкции этих серий, исходящей из "максимизационного" предположения о том, что материально и функционально тождественные элементы не явились результатом параллельного развития, а восходят к прасамодийскому (ПС) состоянию. Обилие и относительная однородность сев.-самод. материала обуславливают, видимо, некоторый уклон в сев.-самод. сторону при реконструкции (существенным моментом является также хорошая сохранность суффиксальных слогов в сев.-самод. языках). Но ввиду хронологической близости ПС и прасев.-самод. такой уклон вряд ли сильно искажает диахроническую перспективу; взаимные контакты сев.-самод. языков, бесспорно, способствовали сохранению их общего морфологического наследия и препятствовали радикальным инновациям.

Серия P_x1 (для R_{NomSg})

	ПС	нен. 1'	нен. 1	нган.	сельк.	кам.
Sg1	*-mэ ~ *-mi	-w ~ -mi	-j ~ -m	-mэ	-m(э)	-m
2	*-δэ	-r	-L	-rэ	-l(э)	-l
3	*-та	-da	-ta	-du~tu	-tэ	-t
Du1	*-mi _j	..mi'	-j'	-mi	-m ₁	-wei
2	*-δij	-ri'	-L'	-ri	-l ₁	-lei
3	*-tij	-di'	-t'	-di	-t ₁	-dei
Pl1	*-mat	-wa''	-ma'	-mu'	-mэt ₂	-wa'
2	*-δat	-ra''	-La'	-ru'	-lэt ₂	-la'
3	*-ton	-do'	-toŋ	-duŋ	-tэt ₂	-dəŋ

Возможно, в ПС начальному согласному в P_x для P_sSg₁ предшествовал гласный (*ə?), образующий дифтонг с ауслатным гласным основы. Ср в нен. Л: Sg₁ *kaLāj*, Sg₂ *kaLāL* (но Sg₃ *kaLta*, Du₁ *kaLaj'* от *kaL* "нож"); в сельк.: Sg₁ *qopat*, Sg₂ *qopal* (но Sg₃ *qopatə*, Du₁ *qopat̃* от *qorə* "шкура". Имеется, впрочем, и возможность чисто фонетического объяснения этого явления (компенсаторное развитие).

Серия P_{x1} в сельк. используется также для R_{Nom} Du/Pl, а в кам. приобрела вследствие явно поздней унификации посессивных парадигм универсальный характер для R_{Nom/Gen/Acc} Sg и (с отличиями чисто фонетической природы, детерминированными суффиксом мн. ч. *-saj-*) R_{Nom/Gen/Acc} Pl.

Серия P_{x2} (для R_{Gen} Sg)

	ПС	нен. Т	эн.	нган.	сельк
Sg ₁	*-nnə ~ *-nni	-n(i)	-no ~ -ñi'	-nə	*-nnə
2	*-ntə	-nd	-do	-tə ~ -ntə	-ntə
3	*-nta	-nda	-da	-tu ~ -ntu	-ntə
Du ₁	*-nnij	-ni'	-ñi'	-ni	*-nnĩ
2-3	*-ntij	-ndi'	-di'	-ti ~ -ndi	-ntĩ
Pl ₁	*-nnat	-na''	-na''	-nu'	*-nnət ₂
2	*-ntat	-nda''	-da''	-tu' ~ -ndu'	-ntət ₂
3	*-nton	-ndo'	-du'	-tuŋ ~ -nduŋ	-ntət ₂

В нен. — нефонетическое развитие (обычно *-nt- > n), вызванное необходимостью избежать сплошной омонимии P_{x2} для P_s_{1л} и P_s_{2л} (по-видимому, "опаснее" омонимии P_x для P_s_{2л} и P_s_{3л}!) и поддержанное аналогией с серией P_{x3}. В нен. Л обычным P_{x2} для P_sSg₁ служит -j (из *-nni или аналогически из серии P_{x1}), однако другой формант -n (из *-nnə) сохранен в реликтовой парадигме Pron_{refl}: *kaLi'n* "свой (Sg₁), я сам". Вообще во всех сев.-самод. языках Pron_{refl} (нен. Т *xʒr'-*, эн. *kere'-*, нган. *jonə-*) изменяется только по лицам, сочетаясь с серией P_{x2}.

В сельк. Таз P_{x2} для P_s_{1л} имеют одинарный n, ср. однако многочисленные примеры с nn из других диалектов (Tschl. OO *loganna*, *loganni*, *logannöt* от *loga* "лиса"). На ПС уровне реконструкция геминаты как будто подтверждается нган. материалом (*bajana* "моего железа", где слабая ступень основы *basa-* интерпретируется как свидетельское первоначальное закрытие второго слога).

Серия P_{x2} в сельк. используется также для R_{Gen} Du/Pl (наряду с P_{x5}, см. ниже). Изолированные реликты этой серии, в целом утраченной, представлены в кам. текстах, особенно у припослеложного генитива (*ūjūnñi* "моей ноги" и др.), см. *Künnap MSFOu* 147: 60–61, 161, 174ff.

Серия P x 3 (для R_{Acc Sg})

	ПС	нен. Т	эн.	нган.	сельк.
Sg1	*-мэ ~ *-mi	-w ~ -mi	-(b)о ~ -(b)i'	-мэ	-m(ə)
2	*-mtə	-md	-do	-mtə	-mtə
3	*-mta	-mda	-da	-mtu	-mtə
Du1	*-mij	-mi'	-(b)i'	-mi	-mī
2-3	*-mtij	-mdi'	-di'	-mti	-mtī
Pl1	*-mat	-wa''	-(b)a''	-mu'	-mat ₂
2	*-mtat	-mda''	-da''	-mtu'	-mtat ₂
3	*-mton	-mdo'	-du'	-mtu _η	-mtat ₂

В сельк. Нарым P x 3 для P_{S Du1} и P_{SP11} отличаются от P x 1. При R_{Nom Sg} используются *-i*, *-wi* (*-mij) и *-ut* (*-mat), а при R_{Acc Sg} — *-mi* (*-mCij или *-Cmij?) и *-mut* (*-mCat или *-Cmat?). Вероятно, однако, что это различие (не поддерживаемое никакими другими самод. данными) носит вторичный характер.

Серия P x 3 в сельк. используется также для R_{Acc Du/Pl}:

Серия P x 4 (для R_{Nom/Acc Du/Pl})

	ПС	нен. Т	нен. Л	эн.	нган.	сельк.
Sg1	*-нэ ~ *-ni	-n(i)	-j	-но ~ -ni'	-nī	
2	*-тэ	-d	-t	-до	-tə	
3	*-та	-da	-ta	-да	-tu	
Du1	*-nij	-ni'	-j'	-ni'	-nī	(-nī)
2-3	*-tij	-di'	-t'	-di'	-tī	(*-tī)
Pl1	*-nat	-na''	-na'	-na''	-nu'	(-nat ₂)
2	*-tat	-da''	-ta'	-da''	-tu'	(*-tat ₂)
3	*-ton	-do'	-to _η	-du'	-tu _η	

Палатализация в нган. — результат слияния с предшествовавшим *j* показателей Pl и Du.

В сельк. в соответствующей функции используются серии P x 1 и P x 3. Однако следы серии P x 4 сохранились в реликтовой посессивной парадигме основы ξ_2 , которая используется в качестве аккузатива Pron_{pers} 1-2 лица (в сочетании с соответствующими P x): Таз ξ_2 -nī "нас (Du)", ξ_2 -nat₂ "нас (Pl)", MO [te]se-ti "вас (Du)", Tschl. [te]s-tet "вас (Pl)"; в ряде диалектов эта парадигма полностью или частично модифицирована.

В нен. и эн. основа $\acute{s}i^2$, используемая в той же функции, присоединяет P x 3 при образовании аккузатива Pron_{pers} ед.ч. и P x 4 при образовании аккузатива Pron_{pers} дв.ч. и мн.ч.

Серия P x 5 (для R_{Gen} Du/P1)

	ПС	нен. T	нен. L	эн.	нган.	сельк.
Sg1	*-tnə ~ *-tni	-'n(i)	-'j	-no ~ -'ni'	-nə	*-nnə
2	*-ttə	-t	-'t	-to	-tə	-ttə
3	*-tta	-ta	-'ta	-ta	-tu	-tta
Du1	*-tnij	-'ni'	-'j'	-'ni'	-ni	*-nni ₁
2-3	*-ttij	-ti'	-'t'	-ti'	-ti	-tti ₁
Pl1	*-tnat	-'na''	-'na'	-na''	-nu'	*-nnət ₂
2	*-ttat	-ta''	-'ta'	-ta''	-tu'	-ttət ₂
3	*-tton	-to'	-'ton	-tu'	-tuŋ	-ttət ₂

Для нен. L дана несколько идеализированная система, реально засвидетельствованные формы характеризуются значительным фонетическим разбросом (особенно в случаях "трудных" сочетаний типа -'t'). В нган. никогда не происходит т.н. "нунации" t в P x 5 для Ps_{2-3л}, что указывает на исходную геминацию.

В сельк. диалектах P x 5 частично вытеснены P x 2, частично сосуществуют с ними в качестве вариантов (*Tas lokainden, lokaitten* "ваших лис").

Серия P x 6 (для R_{Loc})

	ПС	сельк.	кам.
Sg1	*-Ak ?	-äk _{2x}	-i
2	*-Antə	-äntə	-an
3	*-ta	-tə	-də
Du1	*-ij ?	-i ₁	-iwei
2	?	-t ₁	-ilei
3	*-tij	-ti ₁	-dei
Pl1	*-it ?	-ət ₂	-iwa'
2	?	-tət ₂	-ila'
3	*-ton	-tət ₂	-dən

Реконструкция особой ПС серии P x 6 для локальных падежей проблематична не только с точки зрения отдельных деталей, но и в принципе. В сев.-самод. языках в соответствующей функции употребляются P x 2 (для R_{Loc} Sg) и P x 5 (для R_{Loc} Du/P1). Тем не менее, налицо точный параллелизм сельк. и кам. данных — функциональный и отчасти (P x 6 для Ps_{Sg 2-3}) формальный. Обращает на себя внимание сходство предполагаемых P x 6 с ПС глагольными окончаниями суб. спр., позволяющее предположить их вторичность (ср. для сельк. -äk_{2x} *Künnar* MSFOu 147 : 168); в частности, речь может идти об аналогичном "рифмовании" окончаний во фразах, где Ps тождествен субъекту глагола, ср. сельк. *man onäk mätqäk ilak* "я живу в своем доме", *tan onäntä mätqäntä ilantä* "ты живешь в своем доме" и т.д. (основа Pron_{refl} on- оформляется в сельк. серией P x 6).

В кам. перед Rx_6 постоянно размещаются элементы $-n-$, $-t-$ (видимо, из $*nt$; происхождение может быть объяснено разными способами).

Нетрудно видеть, что выведенная сравнительно-реконструктивным путем ПС система посессивов легко поддается внутренней реконструкции. Серии $Rx_2 - Rx_5$ могут быть сведены к одной серии (формально совпадающей с Rx_4), к которой добавляются в препозиции аффиксы генитива $-n-$ (у Rx_2), аккузатива $-m-$ (у Rx_3), мн.ч. $-t-$ (у Rx_5). При некоторых более или менее правдоподобных допущениях эту "сводную" серию можно сблизить с серией Rx_1 . Парадокс, однако, состоит в том, что подобная процедура внутренней реконструкции в той же мере и с теми же результатами применима и к материалу современных самодийских языков – во всяком случае, такого архаичного и "прозрачного" в отношении Rx языка, как ненецкий. И если, как показывает приведенный материал, внутренняя реконструкция нен. системы до ее внешнего сравнения была бы излишней и даже ошибочной, то не окажется ли излишним и ошибочным упрощение ПС системы путем ее внутренней реконструкции? И не является ли такой ошибкой присутствующее в некоторых сравнительно-исторических исследованиях стремление поскорее "избавиться" от посессивов-морфем путем возведения их к посессивам-местоимениям?

Использование рефлексов ПС серий Rx и структуру посессивных именных словоформ в отдельных самод. языках отражает следующая таблица (Sx – падежный суффикс, Nx – числовой суффикс, CNx – синкретический падежно-числовой суффикс, X – основа имени):

	сев.-самод.	сельк.	кам.
Nom Sg		X + Px1	
Gen Sg		X + Px2	X + Px1
Acc Sg		X + Px3	X + Px1
Локальные падежи Sg	X + Cx + Px2	X + Cx + Px6	
Прочие косвенные падежи Sg	X + Px2 + Cx (нган.)	X + Px2 + Cx	X + Px1 + Cx
Nom Du	X + Nx + Px4	X + Nx + Px1	нет
Gen Du	X + Nx + Px5	X + Nx + Px2/5	нет
Acc Du	X + Nx + Px4	X + Nx + Px3	нет
Локальные падежи Du	X + Nx + Px5 + послелог	X + Nx + Cx + Px6	нет
Прочие косвенные падежи Du	X + Nx + Px5 + Cx (нган.)	X + Nx + Px2/5 + Cx	нет
Nom Pl	X + Nx + Px4	X + Nx + Px1	
Gen Pl	X + Nx + Px5	X + Nx + Px2/5	X + Nx + Px1
Acc Pl	X + Nx + Px4	X + Nx + Px3	X + Nx + Px1
Локальные падежи Pl	X + CNx + Px5	X + Nx + Cx + Px6	
Прочие косвенные падежи Pl	X + Nx + Px5 + Cx (нган.)	X + Nx + Px2/5 + Cx	нет
Prox-refl(Nom/Gen)	X + Px2.	X + Px6	X + Px1
Prox-pers(Acc)	Sg: X + Px3 (нен., эн.) Du, Pl: X + Nx + Px4	X + Px2, 3/4	нет

ОБ ОДНОМ ОСОБОМ АСПЕКТЕ ПОСЕССИВНОСТИ:

DAT. ETH. И ЕГО ТРАНСФОРМЫ

(на материале балканских языков)

Dativus ethicus, т.е. дат.п. местоимения – личного 1-го или 2-го л. или возвратного, и изофункциональные ему конструкции (типа рус. *у меня*) обычно рассматривается как своего рода стилистическое украшение, не влияющее на смысл высказывания. Его функция – выражение оттенка интимности, заинтересованности, эмоционального отношения говорящего к сообщению и под. Вместе с тем отмечается, что в ряде случаев *Dat. eth.* имеет значение посессивности и легко трансформируется в конструкцию с *Pron. poss.* Ср. хрестоматийный пример-модель: *Quid mihi Celsus agit* → *Quid Celsus meus agit* "Что мне подделывает Цельс → Что подделывает мой Цельс". *Мой* не означает посессивности в узком смысле: Цельс не принадлежит автору высказывания ни по родству, ни по праву собственности, *мой* и не выделяет Цельса – друга Горация среди всех других Цельсов. Таким образом устанавливается особый аспект посессивности, который, будучи связан с *Dat. eth.*, описывается в кругу указанных выше значений: эмоциональная отмеченность, интимная доверительность и т.д.; при детализации эти оттенки уведут от собственно посессивности еще дальше.

Сферу употребления *Dat. eth.* обычно относят к разговорной речи и к фольклору (к художественной литературе в той мере, в какой она воспроизводит структуры иных речевых стилей). Анализ употреблений *Dat. eth.* в фольклоре приводит к выделению тех случаев, в которых правомерно говорить не столько об эмоциональности или интимности, сколько о помещении говорящего внутрь "говоримого", о его, если не участии, то присутствии в фольклорном действии (*и я там был...*). Тем самым происходит нейтрализация универсальной пространственной оппозиций *внешний/внутренний* (ср. зачины типа *Был у нас один царь*).

Трансформация *Dat. eth.* → *Pron. poss.* обратима: следовательно, можно выделить такие "неканонические" употребления *Pron. poss.*, которые трансформируются в *Dat. eth.* В более широком плане и те и другие употребления должны рассматриваться не только как взаимные трансформы, но и независимо, как носители особого значения посессивности.

Благодаря морфосинтаксическим ресурсам системы местоимений балканские языки (в кругу БЯС) предоставляют удачный иллюстративный материал этого распространенного явления: 1) *Cas. obl.* местоименных клитик, употребляющихся в функции *Dat. eth.*, представляет

слияние Gen. и Dat. и тем самым a priori заключает в себе значение посессивности; 2) эти же клитики употребляются в функции Pron. poss. (в новогр., например, нет дублирующей формы – местоименного прилагательного *мой*). Поэтому в системе БЯС Dat. присоединяет к признаку направленности признак объемности, а Pron. poss. (та же самая форма) – к объемности направленность (в терминах Р.Якобсона). Проявляется свойственная и грамматической системе и семантическому уровню БЯС амбивалентность: теоретически в каждом случае можно сделать выбор в пользу того или другого признака, но практически это оказывается целесообразным лишь в отмеченных случаях, где амбивалентность приводит к бессмыслице (ср. в болг. обычные случаи типа *донеси ми писмата* "принеси мне /?/ мои /?/ письма", но *донесете му главата* "принесите его голову", а не* "принесите ему голову").

Балканские фольклорные тексты разных жанров (эпические, лирические, обрядовые, нарративные и т.п.) позволяют сделать показательную подборку примеров с "фоновой" посессивностью, подспудно ощущаемое значение которой требует специального истолкования: *Дзид ми дзидале девет майстори* "Стену мне строили девять мастеров"; *На десна нога... нишан ми имат*, | *На десна нога... мал пѣрст ми нема* "На правой ноге [жених] ... знак мне имеет, | На правой ноге... мизинца мне не имеет"; *Ми киниса свети Петар* "Мне отправился святой Петр"; *Τῆν τρίτη μέρα ὡς σου καὶ βλέπει ἀπὸ μακριὰ κάτ'ι μουλάρι* "На третий день вот тебе и видит издали каких-то мулов"; *Harap ce m' facea?* "Арап что мне сделал?"; *Scoală-mi-te, scoală*, | *Surioară dragă* "Вставай мне, вставай, | Дорогая сестрица"; *Deborè tè bardhè m'a kishe gushè* "[как] снег белую имела мне шею"; *Aga Ymeri na u martue* "Ага Юмер нам женился" и др.

В такого рода примерах Dat. eth. без особой натяжки трансформируется в Pron. poss., так сказать, "фиктивного владения": **мой мастера* (или **моя стена?*), **мой святой Петр*, **мой Арап*, **наш Ага Юмер* и под. Еще отчетливее фиктивность владения выступает в изобильно представленных в разных традициях употреблениях Pron. poss. типа *Ты волна ль моя волна*. Здесь особенно показательны крайние случаи, где узко понимаемое значение посессивности приводит к бессмыслице. В новогр. клефтской песне орел обращается к черепу богатыря: *Κεφάλι μου, τί ἔκαμες κείσαι κριματισμένον*; [старый стихотворный перевод] "Скажи, голова удалая моя, | За что извели, погубили тебя?". Голова же, в свою очередь, называет орла *моя птица*. У одежды покойника, вывешенной на перекрестке, спрашивают: *Ρούχα μου, ποῦ εἶναι ὁ ἀφέντης σας καὶ ποῦ εἶναι τὸ κορμί σας*; "Одежды мои, где ваш хозяин и где ваше тело?" (т.е. тело, которому вы принадлежали) – в этом при-

мере особенно четко выражена разница между фиктивным и истинным владением. Подобные примеры особенно характерны для новогр., где *Dat. eth.* с оттенком притяжательности встречается сравнительно редко, но характерен плеоназм *Prop. poss.* Ср. хотя бы цепную сказку "Ὁ Θόδωρος καὶ τὸ κοῦδουὶ τοῦ", где мальчик, чтобы вернуть себе колокольчик, последовательно обращаясь к дереву, огню, воде, корове, собаке, мышши, кошке, "присваивает" их: Δέντρο, δεντράκι μου, χαμήλωσε λιγάκι, νὰ πάρω πίσω τὸ κοῦδουάκι μου "Дерево, деревце мое, нагнись немножко, чтобы я взял обратно мой колокольчик". Далее, по мере увеличения цепи *мой* остается в крайних позициях: в начале, при введении нового члена, и в конце, при колокольчике, т.е. *кошка, кошечка моя, пойдн к мышши..., к собаке..., к корове... и т.п. ради моего колокольчика. Prop. poss.* фиктивного владения может быть заменен ласкательными эпитетами типа *милый, хороший* (нередко в сочетании с уменьшительными) и имеет функцию выражения доброжелательности, задабривания и т.п. "Непосессивные" употребления *Prop. poss.* широко известны и отмечены в разных традициях. Такого рода универсальность заставляет поставить вопрос: каким образом в нейтральном показателе посессивности с такой постоянностью развиваются "комплиментарные" значения, иными словами, почему для выражения положительного отношения к объекту надо "присвоить" его?

Можно предположить, что в подобных случаях речь идет не о вырождении значения посессивности, но, напротив, о глубоком архаизме, отсылающем к эпохе формирования этой категории, соответствующей вживанию человека в мир и осознанию себя в мире. Говоря о природе местоимений, в частности о введении *я*, Э.Бенвенист уподобляет этот процесс присвоению (*appropriation*): "...каждый говорящий как бы берет весь язык для личного пользования... присваивает себе язык" (Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с.289); "...высказывание... можно определить по отношению к языку как процесс присвоения" (Там же, с.313). Осознание человеком своего *я* начинается, следовательно, с процесса присвоения. Завладев универсальной системой знаков, человек приступает с ее помощью к освоению мира (ср. отражение категории посессивности во внутренней форме выражений *овладеть языком, освоить мир* и под.). Дальнейший шаг от *я* и *ты* — определение сферы того, что относится к *я* и *ты*. Поскольку категория присвоения (ср. посессивности) введена самим фактом овладения языком, постольку выработка соответствующих конструкций "под нее" становится делом техники. Вырабатываются маркеры, метки для ограничения *своей* территории, вначале произвольного. Возможно, признак направленности в *Dat.* и представляет собой первичную, "волевою" посессивность, осуществляе-

мую при изначальной свободе выбора. Понятие же объемности, ограничения логически соответствует более разработанному этапу раздела и освоения мира. Такого рода "волевая" посессивность, свобода в выборе *своего* и сохраняется, как кажется, в "непосессивных" употреблениях Prop. poss.

В архетипической модели мира *свой* (=обобщенное *мой*) всегда входит в поле признака *положительный* в противопоставление *отрицательному=чужому*. Четко очерченный круг *своего* — человек в его целостности, его дом, семья, имущество и т.п. — представляет собой максимальную ценность, обеспечивающую кроме всего прочего безопасность от *чужого, внешнего* мира. В этом смысле нейтральная метка *мой* становится выражением наивысшей оценки (ср. совр. разг. *моя вещь!*): то, что *я* считаю *моим* — *лучшее*. Положительное значение *мой* абсолютизируется в такой степени, что вырабатывает автономную сферу применения (речевой этикет, фольклорные клише с разнообразными функциями, от задабривания до табу и т.п.). Можно предположить ответ оценочного значения и в собственно посессивных значениях соответствующих местоимений; это требует специального рассмотрения.

Г.А.Цыхун (Минск)

ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИМЕНИ НА БАЛКАНАХ

Продолжающаяся на протяжении последних десятилетий дискуссия о статусе балканских клитик — слово или аффикс? — оказалась бесплодной, поскольку, как показал еще Г.Клагстад, речь идет об особой структурной единице морфо-синтаксического уровня, имеющей свои формальные характеристики, отличные от характеристик слова и аффикса (Клагстад, 1963). Последнее, однако, не исключает того, что клитика, не превращаясь в аффикс, может представлять грамматическую категорию, для выражения которой в других языках используются иные средства. Одна из таких, формирующихся в ряде балканских языков грамматических категорий представлена лично-притяжательными формами имени, в которых в качестве формального показателя выступает местоименная клитика дат. пад., ср. макед. *жена ми, жена ти, жена му* и т.д. Несмотря на наличие сходных образований в болгарском, сербохорватском и греческом языках, нет достаточных оснований для утверждения о "морфологическом выражении притяжательности" на Балканах (Логачев, 1973). Указанная грамматическая (морфо-синтаксическая) категория находится в стадии становления, что позволяет ставить вопрос о путях ее развития и направлении распространения в балканском языковом ареале.

Несомненно, что основой, на которой происходит формирование грамматической категории "личной притяжательности" имени в балканских языках являются конструкции с краткой формой личного местоимения дат. пад., коррелирующие с конструкциями, в которых значение принадлежности передается притяжательным местоимением (реже — полной формой личного местоимения). Как было показано нами, очаг распространения такого типа конструкций в пределах балканославянского ареала локализуется на востоке Болгарии, так как именно здесь дательная клитика обладает самой широкой дистрибуцией, что приводит к образованию гиперических конструкций, представляющих результат "внутрисистемной" экспансии этих образований (Цыхун 1981). Подобное направление распространения имеют сходные конструкции и в греческом ареале. Определенным свидетельством в пользу становления указанной морфо-синтаксической категории на Балканах является дублирование значения принадлежности местоименной клитикой и притяжательным местоимением, известное во всем балканославянском ареале, однако нигде не имеющее регулярного характера. Соответственные указанным конструкции с репризой предложного дополнения (типа болг. *на Иван баща му / баща му на Иван*) также не имеют регулярного характера ни в одном из южнославянских говоров, что не позволяет выявить диалектной зоны, где лично-притяжательные формы имени свидетельствовали бы о сложившейся грамматической категории. В связи с этим определенный интерес представляют факты турецкого языка, в котором возможны конструкции как с дублированием значения принадлежности, ср. *benim şapka* "моя шляпа", так и с отсутствующим аффиксом принадлежности — *benim şapka* "то же" при *şapka* "моя шляпа", что соответствует в значительной степени существующему положению в балканославянском ареале, с тем, однако, что конструкции типа *benim şapka* встречаются редко и относятся к сфере разговорного языка (Майзель 1957). Характерно также, что турецкому языку несвойственны конструкции с отсутствующим аффиксом принадлежности, относящимся к 3 л., т.е. возможно только *onun şapkasi* "его (ее) шляпа" (дословно: "его + шляпа его").

Н.Ф.Алиева (Москва)

ПОСЕССИВНЫЙ СТРОЙ ЯЗЫКА: ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ
КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ И ФОРМАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА
В ВЫРАЖЕНИИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ АВСТРОНЕЗИЙСКИХ ЯЗЫКОВ)

I. Посессивный строй — одна из разновидностей в ряду синтаксических, или контенсивных языковых типов. Типология этого рода основана на выражении субъектно-объектных отношений. Посессивная доминанта в этой сфере должна предопределять комплекс формальных признаков на разных уровнях языка.

II. Исходное положение: деятель по отношению к действию представляется средствами языка как посессор — обладатель действия. Попробуем дедуктивно вывести отсюда некоторые характеристики языка.

1/ Связь имени, выражающего деятеля-посессора, со словом, выражающим процесс, должна осуществляться теми же средствами, что и атрибутивная связь принадлежности между двумя именами, напр.: *jawab ibu* "ответ матери", *rumah ibu* "дом матери".

2/ Местоимение, выражающее деятеля, совпадает с притяжательным местоимением или с личным местоимением в атрибутивно-притяжательной функции *jawabnya* "ее ответ", *rumahnya* "ее дом").

3/ Формально-единая притяжательная конструкция выше представлена двумя вариантами: притяжательной предметной и притяжательной процессной конструкциями. Поскольку нет оснований исключать качественные признаки, то следует предположить и возможность третьего варианта — притяжательной качественной конструкции (*cantiknya* "ее красота").

4/ Формальное единство притяжательной конструкции должно нейтрализовать в плане выражения различие между предметом и признаком, препятствуя разграничению классов имен, глаголов и прилагательных.

5/ Различное содержание притяжательных конструкций предопределяет возможности распространения: предметная конструкция распространяется предикатами, процессная — объектами и обстоятельствами, качественная — выражениями интенсивности качества, сравнениями, некоторыми предикатами (*Rumah ibu rusak* "дом матери разрушился"; *Jawab ibu tak didengar* "ответ матери не услышан"; *Cantiknya hilang* "красота ее пропала").

6/ Основное для данного языка правило развертывания — прогрессивное или регрессивное — видимо, должно действовать как в пределах

атрибутивной конструкции, так и вне ее. При прогрессивном порядке слов притяжательная конструкция, в том числе — процессная — с наибольшей вероятностью окажется в начале предложения; в ходе дальнейшего развития языка эта позиция может быть закреплена за предикатом (такой порядок слов преобладает в филиппинских, полинезийских языках).

7/ Имеем ядерную притяжательную конструкцию со значением переходного действия. Как связать с ней выражение объекта? Видимо, наиболее естественный путь — через посредство локативных морфем (вещь в доме — вещь в работе; anak di rumah ibu "ребенок в дом мать"; anak dikasih ibu "ребенок любим мать"); мы пришли к основной модели пассивной конструкции в современном малайском языке, где префикс di — основной формант пассива.

III. Перечисленные выше дедуктивные импликации в живых австронезийских языках предстают как явления в действии и в системе. Мы встречаемся с ними и среди ядерных, простейших форм и конструкций, и среди более сложных форм и конструкций современных развитых языков. Кроме этого, языковой материал демонстрирует еще и другие следствия действия доминанты притяжательности в сфере субъектно-объектных отношений.

Л.С.Баюн (Москва)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РЕФЛЕКСАХ И.-Е. *SWE/O- "СВОЙ" В АНАТОЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Среди понятий, характеризующих человека в комплексе его социально-экономических связей, большой интерес представляет класс слов со значениями "свой", "собственный", "свободный" и их производных, восходящих к и.-е. *swe/o-. В основе значения и.-е. *swe/o- лежат понятия притяжательности и возвратности; наряду с этим во многих и.-е. языках развиваются значения "личный", "частный", "свободный", определяющие как социальный статус человека, так и его родственные и аффиктивные связи (Э.Бенвенист).

В исторических хетто-лувийских языках основа *swe/o- обнаружена в составе ряда терминов, встречающихся в текстах юридического характера — законах, декретах и др. правовых документах. Это различные производные лид. *śfe/a-* (*śfēni-* "собственность", *śfēnda-* "вид собственности", возм. "земельный участок", *aśfā-* "собственный, личный", *faś-fēnu-* "владеть", а также термин родства *śfaw-*, ср. слав., иран.), лик. (ε)hb- (ehbi- "свой, собственный", имя "вторичного" родства hbeřus < < *suekuro-) и, возможно, хетт. (i)šūwa- (išūwanalli išūwan dai: Законы, § 163). Реконструируемая для анатолийского основа **swē/a-* со значе-

ниями "свой; принадлежащий к определенному роду, замкнутому коллективу; пользующийся свободой/правами данного коллектива" определенным образом соотносится с анат. *arawa- "свободный (независимо от принадлежности к какому-либо коллективу), социально свободный". Заслуживает внимания вопрос о возможных рефлексах данных основ в позднеанатолийской топонимике: лид. *Sfard-* "Сарды" и лик. *Αἴψα* < *arawa-*π*α "Ксанф" (ср. др. русск. свобода "свободное поселение").

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Ю.Д. Апресян. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ	4
Э.Г. Беккер. К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА	10
З.М. Волоцкая, А.В. Головачева. РОЛЬ КАТЕГОРИИ ПРИТЯ- ЖАТЕЛЬНОСТИ (ПОСЕССИВНОСТИ) В ОРГАНИЗА- ЦИИ ТЕКСТА ЗАГАДКИ	13
Е.М. Вольф. О СООТНОШЕНИИ ПОСЕССИВНЫХ И КАЧЕ- СТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ	16
Э. Генюшене. КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ И ТРАН- ЗИТИВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ	18
А.В. Головачева. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ АСПЕК- ТЕ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ	19
А.В. Головачева. ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОБЪЕКТА ОБЛАДА- НИЯ В СВЯЗНОМ ТЕКСТЕ	26
Е.И. Демина. ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРА- ТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ: СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ УКАЗАНИИ НА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СУБЪЕКТУ ДЕЙСТВИЯ В ЯЗЫКЕ НОВОБОЛГАРСКИХ ДАМАСКИНОВ XVII ВЕКА	32
И.Б. Долинина, Л.А. Бирюлин. СИНТАКТИКО-ДЕРИВАЦИОН- НЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ С "ПОСЕС- СИВНЫМИ" АКТАНТАМИ	34
М.И. Ермакова. ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУППЫ СЛОВ СО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ФОРМАНТАМИ <i>-ow(y)</i> , <i>-in(y)</i> , <i>-n(y)</i> В СЕРБОЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ	35
М.А. Журинская. СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС КОНСТРУКЦИЙ НЕОТТОРЖИМОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	37
Нгуен Хай Зыонг. НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ ВО ВЬЕТНАМ- СКОМ ЯЗЫКЕ	38

Вяч.Вс.Иванов. ЗАМЕТКИ ПО КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖА-	
ТЕЛЬНОСТИ:	
I. О СВЯЗИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ	
АФФИКСОВ	40
II. ЧАСТИ ГРОТЕСКНОГО ТЕЛА КАК ОТЧУЖДАЕ-	
МАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	43
III. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИ-	
НАДЛЕЖНОСТИ В НОВОМЕЛАНЕЗИЙСКОМ	46
IV. О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ НЕОБЛАДАНИЯ	
(ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ)	46
V. УПОТРЕБЛЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОРФЕМЫ	
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В АБХАЗСКОМ	48
VI. К ПРЕДЫСТОРИИ СОЧЕТАНИЯ СЫНЬ ЧЛОВЬ-	
ЧЬСКЪ	49
VII. К РЕКОНСТРУКЦИИ ИСХОДНОГО СИНТАК-	
СИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА БАЛТО-СЛАВЯНО-ГЕР-	
МАНСКОГО СОЧЕТАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО С	
МЕСТОИМЕННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ – "УДАЛИТЕЛЕМ"	
В ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ	50
VIII. ПОСЕССИВНЫЙ ПЕРФЕКТ И СЛОВАРНАЯ	
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГЛАГОЛА "ИМЕТЬ"	50
IX. ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК ПОДМНОЖЕСТВО	
ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ . .	52
А.А.Ким. ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОС-	
ТИ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ	53
Л.М.Ковалева. КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ И	
ВОЗВРАТНОСТЬ	55
Г.Е.Крейдлин, Е.В.Рахилина. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНА-	
ЛИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОС-	
ТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	57
Ю.И.Левин. ОБ АНАЛИЗЕ СИСТЕМ ТЕРМИНОВ РОД-	
СТВА	58
Ю.К.Лекомцев. СЛЕДЫ КАТЕГОРИИ НЕОТЧУЖДАЕМОЙ	
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В МУНДА?	60
Ю.К.Лекомцев. О ПОКАЗАТЕЛЯХ МНОЖЕСТВЕННОГО	
ЧИСЛА САС[КА?] И <i>nhɔŋg</i> [НЬЫНГ] ВО ВЬЕТ-	
НАМСКОМ ЯЗЫКЕ	61

М.И.Лекомцева. ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ	62
Т.Н.Молошная. ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ	64
Т.М.Николаева. "СВОЙ": МЕХАНИЗМ ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ	69
Т.М.Николаева. ИЕРАРХИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ ПОСЕССИВНОСТИ В РАМКАХ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ПРИИМЕННОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ.	74
В.Э.Орел. К ПРОИСХОЖДЕНИЮ АЛБАНСКИХ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ	76
Е.В.Падучева. МЕСТОИМЕНИЕ "СВОЙ" И ЕГО НЕПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	78
Е.В.Падучева. ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ И ГЕНИТИВ	80
А.Паулаускене. МЕСТОИМЕННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОСЕССИВНОСТИ В БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ	82
М.С.Полинская. СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЕССИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНО-АВСТРОНЕЗИЙСКИХ ЯЗЫКОВ)	84
А.Росинас. СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ОБШЕБАЛТИЙСКОМ?	88
Т.Н.Свешникова. КОНСТРУКЦИИ С ДАТЕЛЬНОМ ПОСЕССИВНЫМ В РУМЫНСКОМ	88
О.Н.Селиверстова. ПОСЕССИВНЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ПОСЕССИВНЫЕ МОДЕЛИ	94
Т.П.Скорикова. ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТИРОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ "НАШ" В УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ	95
Т.М.Судник. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В БЕЛОРУССКОМ	97
В.Н.Топоров. К ГЕНЕЗИСУ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ	99
Е.А.Хелимский. ПРАСАМОДИЙСКИЕ СЕРИИ ПОСЕССИВОВ И ИХ РЕФЛЕКСЫ	107

Т.В.Шивьян. ОБ ОДНОМ ОСОБОМ АСПЕКТЕ ПОСЕССИВНОСТИ: DAT. ETH. И ЕГО ТРАНСФОРМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ)	113
Г.А.Цыхун. ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИМЕНИ НА БАЛКАНАХ	116
ADDENDA	
Н.Ф.Алиева. ПОСЕССИВНЫЙ СТРОЙ ЯЗЫКА: ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ И ФОРМАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА В ВЫРАЖЕНИИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АВСТРОНЕЗИЙСКИХ ЯЗЫКОВ)	118
Л.С.Еаюн. НОВЫЕ ДАННЫЕ О РЕФЛЕКСАХ И.-Е. *SWE/O-"СВОЙ" В АНАТОЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ	119

Подписано к печати 25.02.83. А-07932.
 Объем 7,75 п. л. Тираж 250 экз. Зак. 112.

Офсетное производство типографии № 3
 издательства "Наука"
 Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.

